

КРАСНАЯ ГОРКА

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
ВЫПУСК ПЯТЫЙ

...В каждой лампочке, которая горит,
есть капля крови шахтёра.

Аман Тулеев

Монумент шахтёрам

- *Символы Красной Горки*
- *Свидетельства из первых уст*
- *Музыка Солнца*

ББК 26.981
К78

Учредитель: муниципальное учреждение «Музей-заповедник «Красная Горка»
(650044, г. Кемерово, ул. Красная Горка, 17, 64-24-12)

В издании альманаха «Красная Горка» также участвуют:

Администрация города Кемерово;

Кемеровский государственный университет;

Фонд архитектурного анализа при Делфтском технологическом университете Королевства Нидерландов;

Департамент культуры Администрации Кемеровской области

Главный редактор
Г. Е. ЮРОВ

Ответственный секретарь
А. В. ЗЫКОВ

Редколлегия:
Ю. С. ЗЮЗЬКОВ, В. П. КРАВЧУК, Е. А. КРИВОШЕЕВА,
А. М. КУЛЕМЗИН, А. А. ЛОПАТИН, И. Ю. УСКОВ

Член редколлегии в Королевстве Нидерландов
ЯН МОЛЕМА

Член редколлегии в Великобритании
САЙМОН ФРЕНСИС

© Юров Г. Е., составление, 2004
© Музей «Красная Горка», 2004
© Изд-во «Кузбассвуиздат», 2004

«КРАСНОЙ ГОРКЕ» НОВЫХ ВЫСОТ ЖЕЛАЕТ Н. Я. ТРОИЦКИЙ,

ПЕРВЫЙ РЕДАКТОР «КОМСОМОЛЬЦА КУЗБАССА»,
МНОГОЛЕТНИЙ РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ «КУЗБАСС»,
ИЗВЕСТНЫЙ В СТРАНЕ ЖУРНАЛИСТ

Дорогой Геннадий Евлампиевич, просто Гена из нашей газетной молодости!

Большое спасибо за книжки альманаха! Рад, что «Красная Горка» состоялась, живет и развивается, привлекая новых авторов и читателей. Впечатление от альманаха самое хорошее: солидно, ярко, интересно, со вкусом. Поздравляю! О многом, что знал понаслышке, теперь получил полное представление на основе приведенных в публикациях документов, результатов исследований, журналистского поиска, живых свидетельств.

Посылаю для библиотеки музея первый и второй выпуски книги «Земляки. Кузбасс в нашей судьбе». Презентация второго выпуска, посвященного 60-летию области, состоялась недавно. Возможно, редколлегия найдет нужным опубликовать рецензию на книгу. А для номера альманаха о шахтерах, наверное, будут интересны выступления бывших министров угольной промышленности СССР А. Н. Задемидко и М. И. Щадова, представителя династии горных инженеров Д. Т. Горбачева, А. П. Костарева, проработавшего 60 лет в горнорудной промышленности, шахтостроителя С. П. Музыкантова. К сожалению, А. Н. Задемидко и А. П. Костарева уже нет в живых.

Во время презентации были вручены награды, которыми руководство Кузбасса отметило некоторых членов нашего землячества в связи с 60-летием области. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить губернатора А. Г. Тулеева, областной Совет народных депутатов за высокое и очень дорогое мне звание лауреата премии Кузбасса.

Желаю «Красной Горке» новых высот!

Николай ТРОИЦКИЙ.
Москва, 24 ноября 2003 г.

НАДПИСЬ НА ПЬЕДЕСТАЛЕ:

«ПАМЯТЬ ШАХТЁРАМ КУЗБАССА»

Автор Эрнст Неизвестный

Монумент установлен
по инициативе
губернатора Кемеровской области
А. Тулеева
при участии
администрации города Кемерова,
объединения «Прокопьевскуголь»,
шахты «Распадская»,
компании «Кузбассуголь».

Открыт 28 августа 2003 года.

- Эрнст Неизвестный на Красной Горке
- Открытие монумента

- Изменение пейзажа
- Сотрудники и гости музея. В центре Эрнст Неизвестный

МУЖЕСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Монумент «Память шахтерам Кузбасса» изготовлен в Нью-Йорке, в мастерской всемирно признанного скульптора Эрнста Неизвестного. Отлит в бронзе. Через океан доставлен в Санкт-Петербург, оттуда на автомобильной платформе привезен прямо на Красную Горку и специальными подъемными механизмами установлен на заранее подготовленный мраморный пьедестал.

В 2003 году, накануне Дня шахтера (последнее воскресенье августа), состоялось торжественное открытие монумента, освящение его служителями церкви. Во славу и в память добытчиков кузбасского угля прозвучали речи губернатора Амана Тулеева, главы города Кемерово Владимира Михайлова, специально приехавшего из Америки автора монумента Эрнста Неизвестного... Грянул Государственный гимн России. Затем была исполнена «Рабочая мелодия Кузбасса» — гимн Кемеровской области. Завершил церемонию салют — три залпа воинского подразделения. К пьедесталу монумента хлынули кемеровчане, пришедшие на митинг.

Город обрел новое качество. Красная Горка — исторический центр города — завершила формирование своей символики: природной, рукотворной, поэтической. Осмыслим это событие несуетно и непредвзято.

1

Один из менеджеров Эрнста Неизвестного, приехавший вместе с ним из Америки, скажет потом на пресс-конференции, что по возрасту скульптор — ровесник Кемерово. Гостями наш город воспринимается как молодой, формирующийся. Так оно и есть на самом деле. И все-таки шаг времени у города и человека разный. И по существу зрелый Мастер моложе юного города Кемерово на целых семь лет.

Вот основные вехи его биографии. Эрнст Иосифович Неизвестный (в дальнейшем будем называть его Мастер) родился в 1925 году в семье врача в Свердловске. Участник Великой Отечественной войны. В 1945 году был тяжело ранен. После войны учился в Латвийской академии художеств, затем в Московском художественном институте имени В. И. Сурикова. Параллельно посещал занятия на философском факультете МГУ.

Вначале отдал дань академическому реализму. Затем сформировал собственный стиль, сочетающий особенности символизма и экспрессионизма. Предпочитает бронзу, а в монументально-декоративных рельефах — бетон. Его произведения слагаются в циклы: «Гигантомахия», «Образы Достоевского», «Образы Данте». Его монументальные рельефы и скульптуры установлены в Москве, Ашхабаде, Одессе, Свердловске, Магадане, Калмыкии, Югославии,

Египте, Швеции, Вашингтоне и других местах планеты. В шведском городе Уттерсберге открыт музей «Древо жизни», посвященный его творчеству.

Становление Мастера происходило в контексте советского периода русской культуры. Поколение шестидесятников помнит скандальную выставку в Манеже в 1962 году. Ее посетил Никита Хрущев в сопровождении членов Политбюро и учинил разнос художникам неформального направления. Обратил свое недоброжелательное внимание и на Эрнста Неизвестного. Когда Хрущев умер, Мастер создал на его могиле надгробие, в котором выразил драматизм хрущевского правления. Это произведение можно видеть на Новодевичьем кладбище.

С 1976 года Мастер жил за границей. Менял страны. Обосновался в США. Часто приезжает на родину. В 1996 году в Магадане по его проекту сооружен мемориал жертвам ГУЛАГа с гигантским бетонным Ликом скорби. В том же году Эрнст Неизвестный стал лауреатом Государственной премии Российской Федерации.

Градостроительная этика предполагает, что сразу вслед за автором монумента следует представить архитекторов, разместивших этот монумент в пространстве. Правило это в нашей прессе нарушается. И я, чтобы восстановить справедливость, встретился с главным архитектором Кемерово, почетным архи-

тектором России Олегом Геннадиевичем Ражевым. Ражев свидетельствует:

– Эрнст Иосифович прислал нам свое видение постамента. Я не счел необходимым что-то менять. Авторство на постамент принадлежит Неизвестному. Мы оставили черный гранит, как он просил. Единственное, что мы сделали, – это надпись на постаменте.

Надпись гласит: «Память шахтерам Кузбасса». Автор Эрнст Неизвестный».

И ниже: «Монумент установлен по инициативе губернатора Кемеровской области А. Тулеева при участии администрации г. Кемерово, объединения «Проктопьевскуголь», шахты «Распадская», компании «Кузбассуголь». Открыт 28 августа 2003 г.».

Выбор места для монумента и архитектурно-градостроительное решение осуществили Олег Геннадиевич Ражев, Владимир Николаевич Чернявский и Георгий Владимирович Гайфулин, а архитектурное решение элементов дизайна, создание уютной аллеи со скамейками, светильниками, бордюрами по всему береговому мысу пришлось на долю Тахира Анамовича Кулиева. Все они – ведущие специалисты управления архитектуры и градостроительства администрации города Кемерово, чьим талантом и мастерством формируется облик областного центра.

Вначале кемеровские архитекторы разработали несколько вариантов размещения монумента. Два из них были представлены на короткое время в Музее изобразительных искусств. Мы могли впервые увидеть, как выглядит памятник, на фотографиях. Конкурентом Красной Горки была площадка в центре города, возле нового цирка, на которой ранее планировался монумент шахтерской славы. (Разговор о нем шел несколько десятилетий.) Работа Мастера, безусловно, несущая отблеск жертвенного шахтерского труда, приравненного к воинскому подвигу, в то же время мемориал, память о погибших.

Разглядывая фотографии монумента, я сделал для себя открытие, что в различных уголках планеты творческая мысль разных людей пришла к одному и тому же решению: «рука – уголек – пламя». Символический рисунок на эту тему вы можете видеть на обложке альманаха «Красная Горка» и на дорожном знаке, указывающем путь к музею-заповеднику. В скульптуре Мастера тот же образ. Шахтер вынул из

груди собственное сердце, и оно светится на его ладони. В груди осталась зияющая сквозная рана.

В одной из телевизионных передач Эрнст Неизвестный, размышляя о творчестве, сказал: «Лучшим скульптором был пушкинский шестикрылый серафим». Затем привел строфы из стихотворения «Пророк»:

*И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угля, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.*

В рисунке «рука – уголек – пламя» как раз тот «уголь, пылающий огнем», принесенный шестикрылым серафимом, отождествился с углем, который держит в руках первооткрыватель Михайла Волков и который стал символом шахтерского труда.

Кстати, серафимы в Библии – это ангелы, особо приближенные к престолу Бога и Его прославляющие. У каждого из них по шесть крыльев. Двумя серафим закрывает свое лицо, другими двумя – свои ноги и двумя летает. Один из серафимов очищает уста пророка, коснувшись их горящим углем с жертвенника, и тем самым готовит его к служению.

Мастер выращивает «Древо жизни», где человеческое сердце сопряжено с изображением креста и кроной дерева. Я тоже думаю о человеческом сердце, создавая образ родного края:

*Кузбасс. Если в карту Сибири всмотреться,
На ней обозначены контуры сердца.*

Поэтическое содержание символического рисунка «рука – уголек – пламя» я пытался передать в следующих строфах:

*Неправда, что года уходят.
Они пристанище находят
В народной памяти
И там
Подобны угольным пластам.*

• Конец пути: от Нью-Йорка до Красной Горки

*Когда заговорила память —
Не погасите это пламя.
Тепло событий, дат, имен
Мы ощутим как связь времен.*

*Не вопль отчаянья
«Спасите!»,
Не огненной стихии страх,
А тихое «Не погасите»
В моих доверчивых губах.*

*Вот так, сменяя время года,
Решив запеть в последний раз,
Уходит буйная природа
Осенним пламенем от нас.*

*Когда весь мир багров и красен,
Стремителен полет листвы,
Мы пламени того не гасим...
И разве в этом не правы?*

*Живой огонь,
Который, грея,
Зовет стать чище и добрее,
Огонь распахнутой души
Не потуши!
Не потуши!*

Размышляя таким образом, я предложил директору музея Андрею Викторовичу Зыкову обратиться в областную администрацию, постараться убедить ее, что Красная Горка — наилучшее место для памятника шахтерам. В своем письме мы подчеркнули, что монумент, установленный на высоком правом берегу, будет хорошо виден с Притомской набережной и других точек города. На заповедной территории он станет организующим центром, рядом появятся Исторический парк, Музей угля, аллея шахтерской славы. Сотрудники музея-заповедника «Красная Горка» дадут посетителям квалифицированный комментарий к творчеству Эрнста Неизвестного, к истории создания и философскому содержанию его новой работы. Конечно же, с монументом «Память шахтерам Кузбасса» мы связывали наши надежды на возрождение и обустройство Красной Горки как исторического центра города.

Наш призыв к властям совпал с выбором самого Мастера. Он, будучи еще в Нью-Йорке, внимательно изучил карты, фотографии, планы, схемы Кеморова и его окрестностей, историю его заселения. И выбрал береговой мыс между первозданным сосновым бором и живописным склоном, заросшим кустарником и сохранившим профили древних скал — вплоть до Горелой горы, где Михайла Волков нашел каменный уголь, вплоть до овальной каменной пристани времен Копикуза и первых угольных штолен над нею. Совсем рядом с родником, носящим звучное имя «Ключик». Над широким плесом, где расположился речной порт для грузовых и пассажирских судов. Напротив двух мостов (один еще строится), выводящих автотрассу и трамвайную линию через окольный подъем к улицам Рудничного района. По соседству с домом Рутгерса, где ныне находится музей, и с вереницей жилых строений, возведенных голландским зодчим Ван Лохемом в начале прошлого века и ставших ныне памятниками архитектуры.

Самыми искусными скульпторами были вода и ветер, создавшие этот рельеф. Отсюда открывается великолепная городская панорама. Я наблюдал ее с детства.

*И четкие контуры зданий,
Встречь солнца направив разбег,
Стремясь наверстать опозданье,
Вершат за проспектом проспект.*

*Слежу за полетом краин...
Мой город, тебя узнаю.
Я песню тебе не слагаю.
Я слушаю песню твою.*

2

Мастеру 78 лет. Он невысок, плотен, кареглаз. Над щеточкой усов короткий прямой нос. Поседевшие волосы обрамляют круглый лоб с глубокой морщинкой между кустиками бровей. Говорит неторопливо и время от времени закуривает, не забывая извиниться перед журналистами и представителями администрации, организовавшими пресс-конференцию, которая проходила в зале заседаний музея-заповедника «Красная Горка».

— Мою творческую жизнь определяли два пер-

ста. Один направлен снизу вверх: мы-то, дескать, за, но верхи не поймут. Другой перст наоборот – сверху вниз с тем же смыслом: мы-то за, но низы не поймут. Когда ко мне обратились с предложением сделать скульптуру шахтера, я не торопился с ответом. Опасался, что не смогу взяться за этот заказ, если от меня потребуют апологетики героического труда, несовместимой с моими человеческими и политическими убеждениями.

При встрече с губернатором Тулеевым мы затронули эту тему. Тулеев прервал меня словами:

– **Эрнст, я прошу вас запомнить: в каждой лампочке, которая горит, есть капля крови шахтера.**

И это сразу решило проблему. Определился ключ идеи. Я понял, каким должен быть монумент. Я понял, что готов его сделать.

Мастер очень волновался, будет ли правильно установлена его работа на Красной Горке. Он ринулся сюда прямо с трапа самолета. И вот его впечатление:

– Я не просто рад. Я восхищен. Объясню почему. Моя практика художника всегда боролась с хором провинциальных бабушек. Делаешь вещь от сердца, порой жертвенно. И вот приходит старушка... Когда я говорю – старушка, то не имею в виду женщину в возрасте, а некую «сенильность интеллектуальную»... Приходит и норовит повязать свой бантик! Сердиться на нее невозможно, потому что она действует из лучших побуждений. Но пережить это очень трудно. И каждый раз, когда я еду на открытие своего монумента, то уговариваю себя не злиться. И вот впервые приехал и обрадовался. И выбранному месту, и пространственной разработке. И природному рельефу. И дизайну – фонарям, скамейкам, стендам. Получился замечательный ансамбль.

Мастер снова и снова возвращается к теме творческой независимости художника. Отстаивая эту независимость, он был вынужден покинуть Россию, и сейчас ему очень сложно вернуться. Потребовалось двадцать лет, чтобы создать в Америке мастерскую и коллектив сотрудников. На это ушли большие деньги. Чтобы организовать все это заново на родине – нужны годы, которых уже нет. Все-таки возраст. Мастер поясняет:

– Я никогда не принадлежал к ниспровергателям. Меня часто называли диссидентом. Это неправильно. У меня были друзья-диссиденты. У них было же-

лание что-то изменить в жизни страны. А у меня было одно желание – работать. Мой протест был чисто человеческий, против насилия над личностью. Я хотел работать хорошо, а меня заставляли работать плохо. Это вопрос не столько этический, сколько эстетический. Художник – это монарх, это диктатор. Самый большой враг художника – это советчик, особенно доброжелательный. Он лишает художника воли.

Во все времена политики пытались присвоить себе право диктовать эстетические вкусы. И безуспешно. Потому что искусство невозможно вместиť в рамки пропагандистских задач. Искусство делается иногда десятилетиями, а политики меняются очень быстро. Я благодарен судьбе, что могу работать так, как хочу. Я никогда не смирился бы ни с каким социальным заказом, который загонял бы меня в стойло некоей партии или любого другого политического безобразия.

Был задан и такой вопрос: вписывается ли монумент «Память шахтерам Кузбасса» в серию памятников жертвам тоталитаризма – от Магадана до Урала, которую Мастер предлагал в перестроечные годы?

– Нет, не вписывается, если брать сюжетную, так сказать, литературную сторону дела. А духовно – да! Я хотел создать триаду – монументы в моем родном городе Екатеринбурге, которым открывались ворота в ГУЛАГ, Воркуте и Магадане. Мечталось построить треугольник, который бы своими духовными нитями покрывал бы все пространство страдания Сибири. Там в замысле была преамбула страдания. Идея захлебнулась из-за сопротивления бюрократии. Сейчас она уже ушла в историю, в прошлое.

Этот монумент не жертвам. Самоотверженный жертвенный труд? Да. Но главный пафос здесь – сопротивление. Величие тяжелейшего и опаснейшего труда, который не зря приравняли к ратному.

Еще вопрос:

– Когда вы работали над монументом, в Америку была прислана вся горная атрибутика: каска, отбойный молоток, лампочка, множество фотографий времен шахтерских забастовок... Это помогло?

– Помогло. Но у меня уже были наработаны некие визуальные элементы, которые здесьгодились: маски, сочленение мышц, мускулов, торс титана, торс Прометея, торс ангела. Это ведь шахтерский ангел,

хотя он имеет все признаки человека. И лицо, я думаю, у него получилось. Шахтерское, российское лицо.

Во время пресс-конференции у меня с Мастером был обмен мнениями. Надежда Николаевна Сафонова, заслуженный врач России, которая ведет фотолетопись и видеолетопись музея-заповедника «Красная Горка», запечатлела этот диалог на пленке. Он очень важен для нашего повествования.

Я обратил внимание Мастера на то обстоятельство, что «уголь, пылающий огнем», который держит на ладони шахтер возле «отверстой груди», и рисунок «рука — уголек — пламя» на обложке альманаха «Красная Горка» выражают одну и ту же идею, воссоздают один и тот же образ. Я даже попытался частично расшифровать суть рисунка: свет познания, просвещения, разума, идущий из глубины веков, под углом золотого сечения, к космическому знанию, приземлен на кемеровской почве кусочком угля, от которого произрастает все магическое древо кузбасской индустрии. Привел строки стихотворения:

*В глубинах земли, недоступных для взора,
Кузбасс — это светится сердце шахтера.*

Мастер принял это знаменательное совпадение, согласился с ним:

— Не надо никаких академий заканчивать, чтобы уяснить это явление. Архетип — опыт предшествующих поколений. Он нам дается от рождения, помимо нашего сознания.

Позднее я обратился сразу к нескольким философским словарям, открывая их на слове «архетип». Слово греческого происхождения, дословный перевод — «первообраз». Это центральное понятие аналитической психологии, которую основал швейцарский ученый Карл Густав Юнг (1875—1961). Архетип — способ связи образов, переходящих из поколения в поколение. В нем структурные элементы человеческой психики, которые скрыты в коллективном бессознательном, общем для всего человечества. Архетипы наследуются подобно тому, как наследуется строение тела. Они лежат в основе творчества и способствуют внутреннему единству человеческой культуры, определяют взаимосвязь различных эпох развития и взаимопонимание людей.

Я подарил Мастеру четыре выпуска краеведческого альманаха «Красная Горка» и сказал, что своим монументом «Память шахтерам Кузбасса» он на-

дежно прописался на томском правобережье. Ему теперь важно знать, какие здесь сосны и березовые рощи, какая рябина и какая полынь. Важно знать о роднике и о том, что вода в нем безукоризненно чистая. О том, какие чистые глаза у окрестных ребятишек и какие замечательные учителя в здешних школах.

Я обнажил символику названий всех четырех выпусков.

«Ключ от города». Историческая хроника Красной Горки. Поэтическая хроника Красной Горки. Становление музея-заповедника. Около восьмидесяти фотографий и гравюр кемеровских художников, придающих достоверность событиям эпохи, сформировавшей исторический центр города Кемерова, его архитектурный облик.

«Окно в Нидерланды». Интернациональный характер Красной Горки. Голландский акцент в сибирской архитектуре. Как проросла Петровская эпоха на берегах Томи. Слово о рудознатце Михайле Волкове. Слово о зодчем Ван Лохеме, о городе-саде Щегловске. Град сокровенный в гравюрах Николая Кофанова и поэтической публицистике.

Красная Горка как «Духовное поле». Сорок лет писательской организации Кузбасса. Документальное повествование «Пушкин в Кемерове», подкрепленное «Пушкинианой» Германа Захарова (серия гравюр). Поэтическая графика Василия Кравчука. Новые материалы о жизни и творчестве художника В. Д. Вучичевича-Сибирского. Размышления о путях развития музея «Красная Горка» в духе идей русского философа Н. Ф. Федорова.

Красная Горка как «Центр мироздания». Вновь озвучиваю Джордано Бруно: «...И не ищите центра Мира, такого центра в нем нет, каждая точка, каждый человек есть центр Мира». Отзвуки публикации нового перевода «Слова о полку Игореве», сделанного Алексеем Патшиным. Мотивы бессмертного русского эпоса в творчестве кузбасских поэтов. Рубрика «За землю Русскую!» в сопровождении известной серии гравюр Германа Захарова. Новые материалы о Боге погоды А. В. Дьякове, жившем в Горной Шории, и о московском метеорологе, философе и лингвисте Р. Ф. Усманове, нашем друге и единомышленнике.

Я передаю четыре номера Мастеру. Он помещает их перед собой, любовно выравнивает ладонью, растроганно говорит:

– Я ведь ничего этого не знал. Очень вам признателен.

И снова размышляет об удивительно точном размещении монумента:

– Так важно организовать пространство. Как эмоционально-человеческую обособленность и религиозную ритуальность. Она в самодвижении. Надо переживать само движение от реки в гору, к монументу. Искусственно создать такое пространство невозможно. И каждая подробность в этом движении обретает особое значение, апеллирует к лучшим сторонам человеческой натуры.

В конце 2003 года мои собратья по перу издали книгу «Собор стихов». Около ста поэтов встали (поставлены) у алтаря со свечками, а их произведения, соответственно подобранные, выстроены в единую анонимную молитву (фамилии авторов можно найти лишь в конце книги).

Один из троих составителей пишет в одном из трех предисловий: «Может быть, это и есть наш путь, не дорога торная и известная, а путь к Храму. За нашими великими стройками, городской теснотой, свалками технического прогресса видны только купола Храма. И мы идем к ним, видя этот воздушный путь, спотыкаясь, потому что нельзя смотреть под ноги – потеряешь ориентир».

Хочется посоветовать ему: «Ты все-таки смотри, куда ногу ставишь, о чьи судьбы спотыкаешься. А нравственные ориентиры надо бы иметь в душе (Бог в душе)».

Одним из символов нашего рабочего края изначально стала шахтерская лампочка на каске горняка. Она именно для того, чтобы пристально смотреть под ноги, не навлечь беды на своих товарищей. Уронишь самоспасатель – искра – взрыв метана. Потому мотив жертвенности в монументе Эрнста Неизвестного «Память шахтерам Кузбасса». Фигура «шахтерского ангела» имеет два атрибута опасной профессии: отбойный молоток, на который шахтер опирается правой рукой, и лампочка на каске, без которой никак нельзя, под ноги смотреть необходимо. И пламя братства, товарищества, любви к ближнему в обнаженном шахтерском сердце.

В публикациях и диспутах о религии как необходимым условии возрождения России часто упоминается имя немецкого поэта Рильке (Райнер Мария

Рильке, 1875–1926), которого называют одним из самых интернациональных и кругосветно любимых литераторов. Он дважды бывал в России, встречался с Толстым и Чеховым, переписывался с Мариной Цветаевой и Борисом Пастернаком, переводил на немецкий «Слово о полку Игореве», стихи Спиридона Дрожжина, прозу Федора Достоевского. Россия стала для него откровением, глубоким интимным переживанием, воплощением братства. Он считал Россию своей духовной родиной, написал о ней книгу «Часослов».

Так вот ему – Рильке – принадлежит знаменательное высказывание: «Все страны граничат друг с другом, только Россия еще и с Богом».

Эти слова подхвачены добрым десятком философов, богословов, писателей. Поборник православия Андрей Кураев, приезжавший в Кузбасс в начале 2004 года, интерпретирует их таким образом: «Когда-то Рильке писал, что все страны граничат друг с другом, а Россия граничит с Богом...». У писателя Вячеслава Дегтева читаем: «И я верю: если Россия – подножие трона Господа, то Бог не оставит Россию».

Кемеровский поэт Виталий Креков преломил этот образ в строке: «Наша бедность граничила с Богом». Я эту строку приемлю, она органична и развивает образ очень личным переживанием. Однажды, когда я был собкором журнала «Российская Федерация», мне довелось полемизировать с известным политологом, утверждавшим, что высокая нравственность доступна лишь обеспеченному слою населения. Что же тогда остается нам, представителям творческой интеллигенции, которые и раньше едва дотягивали до скромного достатка (тогда это было как-то неважно), а сейчас просто обречены на существование ниже прожиточного минимума? Видимо, есть нравственность для богатых (подать или не подать) и нравственность для бедных (просить или не просить).

Упомянутый выше любитель писать предисловия переложил высказывание Рильке весьма своеобразно: «Кто-то сказал, что Бог – это государство, граничащее с Россией. Если продолжить, то Пушкин – это язык, на котором Россия говорит вот уже около двух веков».

Логика, конечно, ошеломляющая. Наконец-то полная ясность, что есть Бог. Это в книге «Площадь Пушкина» (Кемерово, 1999). В предисловии есть и

другие «открытия». Например, утверждение, что руководители города в годы советской власти все время пытались убрать памятник Пушкину с площади его имени («Убрать памятник не получилось, тогда оставили его разрушаться»). В опровержение этих наветов альманах «Красная Горка» (выпуск третий, 2002) опубликовал документальное повествование о том, как они (руководители города) памятник Пушкину добывали в столице, везли в Кемерово и устанавливали в лучшем месте города, как выстраивали возле него духовную жизнь областного центра. (Автор памятника — известный отечественный скульптор Манизер Матвей Генрихович, архитектор — Шалашов, время установления — 1954 год.)

Итак, «все страны граничат друг с другом, только Россия еще и с Богом». Полагаю, что Райнер Мария Рильке ощущал Россию самой совестливой страной в мире (внутренние нравственные ориентиры в каждом человеке, Бог в душе). Сейчас реформаторы прозападного толка пытаются сделать ее просто законопослушной. (Все, что не запрещено законом, разрешено.)

Когда я говорю о Красной Горке — Центр мироздания, это, конечно, тоже образ. У него есть основа. Десятки языков планеты звучали на томском правобережье, пока существовала автономная индустриальная колония «Кузбасс». И страны вовсе не граничили друг с другом на этой заповедной территории. Наоборот, Красная Горка навсегда соединила их уникальным экспериментом, неповторимым эпизодом человеческой истории, когда рабочие и специалисты всех континентов вместе строили новый социалистический город, исповедуя идеалы свободы, равенства, братства. Возможно, такой уголок единственный на Земле.

Передав Эрнсту Иосифовичу Неизвестному чetyре выпуска альманаха, я питаю надежду, что он, читая их, согласится с ощущением Красной Горки как Центра мироздания и в то же время уютного уголка города, где незнакомые люди здороваются друг с другом при встрече. Я питаю надежду, что Мастер обратит внимание на поиск Германа Захарова, который тоже создавал «Древо жизни». В рисунке кемеровского художника все те же образы: крона дерева — человеческое сердце — крест. И опять в разных местах планеты творческая мысль разных людей при-

ходит к одному и тому же решению. Я питаю надежду, что в «Поэтической хронике Красной Горки» будет замечена попытка создать памятник шахтерам в слове. Я имею в виду мои «Стихи о старшем брате».

*Я прожил дольше умерших и павших.
В иные дни считал себя уставшим.
Но старший брат!
Он остается старшим!
Его кедров, как прежде, — на корню.
Нас разделяют годы, как ступени.
Он со своим уходит поколеньем.
Я никогда его не догоню.*

*Мой старший брат.
Легли ему на плечи
Цеха азота, коксовые печи.
Он открывал разрезы в Междуречье.
Грузил горячим камнем поезда.
Ходил с геологами по маршрутам горным.
Под Казом, Шерегешем, Таштаголом
Им найдена железная руда.*

*Я ощущал тепло ладони братской
На «Зиминке», «Чертинской» и «Распадской».
Заговорив с проходчиком,
Под каской
Угадывал знакомый мне овал.
В прорабах и монтажниках Запсиба
Его черты...
И было так — спасибо! —
Я друга старшим братом называл.*

*Мой старший брат прошел по первопутку,
Долине гулкой протрубил побудку.
Я по нему сверял свои поступки,
Отогревался у его огня.
Завидую его плечам покатым.
И так скажу:
Имеет сходство с братом
Портрет родного края для меня.*

В 1996 году в Томске, который отмечает ныне свое четырехсотлетие, устанавливалась новая городская черта. Между городом и сельским районом шел

спор о Томском нефтехимическом комплексе, Академгородке и ряде предприятий, территориях садоводческих товариществ, учреждений отдыха, кладбищ... Будучи тогда собственным корреспондентом журнала «Российская Федерация» по Западной Сибири, я приехал в Томск разобраться в судебной тяжбе между двумя администрациями – сельской и городской (статья называлась «Спор на меже»).

Мне повезло долго и обстоятельно беседовать с главным архитектором Томской области Василием Федоровичем Косоноговым, градостроительный авторитет которого признан всей Сибирью. Главный архитектор поделился со мной мыслями и суждениями, которые он вынашивал на протяжении всей полувековой своей практики. Полагаю, что они важны и для нас, кемеровчан.

Рождение новой городской черты – процесс исторический, постепенный, объективный и не зависящий от воли отдельных специалистов или администраторов. Их роль сводится к тому, чтобы выявить ее в пространстве, определить сложившиеся связи действующих и возникающих предприятий, понять менталитет населения – ощущает оно себя городским или сельским, предусмотреть вопросы землепользования, чтобы ничьи интересы не были ущемлены. И только после этого городскую черту с максимальной точностью наносят на административную карту, что не исключает дальнейших поправок, которые продиктует жизнь.

Василий Федорович поясняет:

– Если бы разработка новой городской черты была бы поручена не «Томскгражданпроекту», а совсем другому проектному институту, если бы доверенным лицом областной администрации в споре с Томским сельским районом стал бы не я, а совсем другой человек, все равно городская черта развивающегося Томска имела бы тот рисунок на карте, который я вам сейчас показываю. Она не зависит ни от исхода президентских выборов, ни от исхода выборов главы городской администрации. Городская черта – вне политики.

И еще один фрагмент из беседы с главным архитектором. Василий Федорович рассказал мне, что читал свидетельства одного литератора, вернувшегося в родной город после долгого отсутствия, и запнулся на фразе: «Город неузнаваемо изменился».

Архитектор считает, что эта фраза перечеркивает весь лирический настрой автора, убивает его. Город должен меняться узнаваемо. Новые здания, новые проспекты должны быть неуловимо томскими, не мешать строящемуся городу иметь свое лицо, свой характер.

– Хочу вас спросить, вот вы приехали в Томск, где когда-то учились в университете, город для вас узнаваем?

– Узнаваем, Василий Федорович, узнаваем! Узнаваем настолько, что все встреченные мною люди кажутся родными и знакомыми. Узнаваем настолько, что подступают слезы.

А все-таки я дома — не в гостях.

И соловьиной рощи не миную.

Где до сих пор,

Порхая в тополях,

Живут мои шальные поцелуи.

И шумный общежитский коридор

Меня впускает,

Отказать не вправе.

Здесь до сих пор не замолкает спор

О доблести,

О подвигах,

О славе.

Про звездный неразведанный маршрут,

Про новый город на планете старой

Сократы и Коперники поют.

Им хорошо поется под гитару.

Веселая республика жива.

Моя коммуна,

Вновь сойдясь на круге,

Верни мои гражданские права,

Восстанови все прежние заслуги.

Я поведал об этом случае главному архитектору города Кемерова Олегу Геннадиевичу Ражеву. Он хорошо знает Косоногова и его градостроительное мировоззрение. Сообщил мне, что Василия Федоровича уже нет в живых. Что ж, был человек преклонного возраста. Мы погрузили по этому поводу.

Что же касается основной концепции Косоногова, с ней Ражев согласен. Да, город должен менять-

ся узнаваемо. Новые кварталы, площади, скверы, мосты, скульптуры имеют чисто кемеровские черты, естественно и закономерно дополняют облик города, который еще складывается, формируется. Так, массив «Шалготарьян» мог появиться только в Кемерове как память о русско-венгерском сотрудничестве, давшем добрые плоды в семидесятых-восьмидесятых. Вспомним: «Кузбасс – Ноград!». Области-побратимы. «Кемерово – Шалготарьян». Города-побратимы.

Для Кемерова вообще характерен ансамблевый характер застройки. Зодчие предусмотрели коридоры для проветривания областного центра: улица Весенняя, река Искитимка, улица Волгоградская, бульвар Строителей. На Красной Горке – Чертов лог и низина, по которой трамвайная линия и автотрасса выводят на мост. Ну и, конечно, сама Томь, ее просторная долина с первозданным сосновым бором на правом берегу, пляжным островом на стремнине, с набережной вдоль левого берега. К набережной примыкает современный центр, уютный и комфортабельный. С площадью Пушкина, где памятник поэту. С площадью Советов, где памятник Ленину. Кемеровскому центру может позавидовать любой сибирский город.

Были попытки сделать город неузнаваемым, исказить исторически сложившуюся административную площадь. Пришедшие к власти на волне шахтерских забастовок губернатор Кислюк и представитель президента Ельцина Малыхин первым делом уничтожили трибуну напротив памятника Ленину, сооруженную по проекту архитектора Виталия Бурина. Более никаких митингов, новая власть навсегда!

А 13 ноября 1992 года, в пятницу, явно с ведома властных структур, предприниматель Лютенко намеревался демонтировать и сам памятник Ленину, открытый в 1970 году (скульптор Л. Е. Кербель, архитекторы В. Н. Датюк и В. А. Суриков). Наряд кемеровской милиции под началом полковника В. К. Жмурко не позволил надругаться над памятником. Возле него была выставлена охрана.

Потом была идея губернатора Кислюка преобразовать площадь Советов в увеселительный сквер с магазинами, аттракционами, танцевальными площадками. Появились проекты превращения административных зданий в «пятизвездочные» отели, на кры-

шах которых предусмотрены солярии для состоятельных людей. Центр города должен был переместиться за Искитимку.

Параллельно шла дискредитация имени Владимира Ильича Ленина в прессе и трудах фальсификаторов истории. Марксизм и ленинское учение, которые и сейчас преподаются во всех университетах мира, отвергались намертво. Шельмовался весь советский период отечественной истории. АИК «Кузбасс» был объявлен «гигантской идеологической обманкой» и «мыльным пузырем». Появилась книга, ставшая своей задачей «реконструировать восприятие возраста нашего города». «80 или 300 лет – большая разница». У авторов получалось, что Кемерово старше Санкт-Петербурга.

Непостижимо! Томскую Писаницу впервые описала экспедиция Даниила Готлиба Мессершмидта, посланная в Сибирь указом Петра I в 1719 году. С тех пор правым берегом Томи прошли десятки исследователей, оставивших свои свидетельства. Они упоминают Томск (основан в 1604 году), Кузнецк (основан в 1816 году), Верхотомский острог (основан в 1657 году). Горелая гора замечена Волковым в 1721 году, позднее описана Крашенинниковым. И никто не обнаружил возле нее города, даже не предугадал его в тех селениях, которые примыкают к Горелой горе. И вот появляются «пророки назад» и кричат: «Сенсация! Кемерову 300 лет!» Не будет ли правильным увязать возраст города с установлением городской черты, которая, как мы выяснили, вне политики?!

В те «перестроечные» годы я работал в политическом журнале и был свидетелем того, как отстаивал Владимир Михайлов независимость и самостоятельность возглавляемой им администрации. Он со своей командой не дал разрушить городское хозяйство, сохранил лучшие созидательные традиции, сложившиеся при советской власти, не растерял руководителей и специалистов, с которыми многие годы работал бок о бок. Он воспринял сложившуюся идеологию кемеровского градостроительства, естественность и объективность городской черты, всегда держал в сфере своего внимания генеральный план развития города. Кемерово стал первым городом в Кузбассе, где в 1996 году в муках родился устав города и был избран городской парламент – Совет народных депутатов в количестве двадцати одного человека.

В тот год, 1996-й, исполнилось 60 лет со дня рождения лучшего летчика планеты, абсолютного чемпиона мира по высшему пилотажу кемеровчанина Владимира Давыдовича Мартемьянова. А годом раньше было 25 лет со дня его гибели, которая случилась во время тренировочного полета. Мы с братьями по перу возрождали тогда альманах «Огни Кузбасса». Обратились к В. В. Михайлову за поддержкой. Предложили городской администрации провести спортивный праздник в кемеровском небе, возродив традиции ДОСААФ (ныне РОСТО), установить мемориальную доску на доме, где жил Мартемьянов, опубликовать в альманахе его замечательную повесть «Я люблю тебя, небо!». Глава города проникся нашими заботами. И вновь избранный городской Совет народных депутатов единодушно проголосовал «за».

Позднее был заложен памятник Владимиру Мартемьянову в районе цирка. А в 2003 году он посмертно удостоен звания «Почетный гражданин города Кемерово». И в подтверждение истины, что город должен меняться узнаваемо, вновь обращаемся к страницам его повести. А ведь Мартемьянов еще и рисовал.

«...У нас, летчиков, есть возможность увидеть с высоты свой родной город весь, целиком, сразу. Увидеть, как он растет, набирается сил, хорошеет: как просыпаются и оживают его улицы. Там, в синеве неба, мы первыми встречаем восход солнца и последними провожаем его вечером, когда город окутывают сумерки».

Или:

«Вот под крылом мелькнула лента Томи. Река как река, но только она мне дороже и лучше Волги, Днестра и Дуная. Она – мое детство, моя юность, она – частица моего внутреннего мира. Вон плодопитомник, где мы с Валькой Александровым рисовали березки. Здравствуйте, блондинки! Как вы выросли, похорошели! А за ними раскинулся знакомый с детства городской пейзаж, непрерывно пополняющийся новыми зданиями и заводскими трубами».

Здравствуй, мой город, здравствуй, родной дом!»

Владимир Мартемьянов стал символом для нескольких поколений кемеровчан.

*Покамест нет в годах излишка.
Но оглянитесь,
В чем же дело?
Послевоенные мальчишки,
Галерка наша поредела.*

*Не верю в случай.
Верю в жребий.
Погибших поиск –
Мне в наследство.
В далеком недоступном небе
Живет тоска по совершенству.*

Повесть «Я люблю тебя, небо!» впервые опубликована в восстановленном варианте, без купюр, без цензурных и ведомственных вмешательств. Жена летчика Любовь Егоровна Мартемьянова, в прошлом тоже летчик-инструктор Кемеровского аэроклуба, сохранила рукописи книги, ее машинописные варианты, выправленные мартемьяновской рукой. Осуществить первоначальный замысел автора ей помогали воспитанник Кемеровского аэроклуба, военный летчик в отставке, звонарь Знаменского собора Николай Петров и редактор Кемеровского книжного издательства Наталья Захарчук.

Этот принцип – без купюр, без цензурных вмешательств, без фальсификации истории – заложен в другие проекты, в которых город обретает память. Так, стали традиционными Балибаловские чтения, на которых кемеровские историки и краеведы дополняют, уточняют, продолжают известный труд летописца города Ивана Алексеевича Балибалова «Кемерово вчера, сегодня, завтра».

В 2003 году вышла коллективная книга «Это нашей истории строки», написанная известными кемеровчанами, потрудившимися на благо города в шестидесятых-восемидесятых. В предисловии Владимир Михайлов пишет: «Надеюсь, что книга будет полезна прежде всего молодым людям: в ней они почувствуют дух того времени, атмосферу трудового подъема, патриотизма, энтузиазма, выраженных в конкретных добрых делах. И не только скажут «спасибо» людям старшего поколения, но и примут в наследство их созидательный напор, жизненный накал, страстное желание успеть сделать как можно больше для того, чтобы жизнь в нашем городе стала лучше».

Кемерово узнаваем еще и потому, что в его обли-

ке угадываются черты, воля, характер главы города. В этом повествовании мы будем снова апеллировать к доброй воле В. В. Михайлова, для чего вернемся на Красную Горку, где произошла перестановка уже имеющихся скульптур и символов в связи с открытием монумента Эрнста Неизвестного «Память шахтерам Кузбасса».

На лужайку во двор дома Рутгерса переместилась гипсовая фигура шахтера, опершегося на отбойный молоток. Когда-то в сороковых-пятидесятых она стояла напротив бревенчатого двухэтажного здания райисполкома и возле нее проходили праздничные митинги и демонстрации. Позднее, когда здание райисполкома разрушилось, скульптуру перенесли на склон возле лестницы, ведущей к реке. С другой стороны лестницы – макет шахтерской лампы. Он и сейчас там находится. Полагаю, что и шахтер, и шахтерская лампа – произведения товарищества скульпторов, которое существовало вплоть до открытия Кемеровского отделения Союза художников РСФСР (1957 год).

В начале семидесятых выпускник института имени И. Е. Репина художник-монументалист Рудольф Алексеевич Галков замыслил декоративную композицию, посвященную основателям АИК «Кузбасс». К этому времени он был известен как оформитель кафе «Юность» в Новокузнецке, ресторана «Заря» в Прокопьевске, народного театра в Анжеро-Судженске, административного здания Томусинской автобазы в Междуреченске, спортивного комплекса комбината «Азот» в Кемерове.

Рудольф Галков выполнил мозаичные портреты трех видных деятелей АИК «Кузбасс» – Себальда Рутгерса, Билла Хейвуда и Рут Кеннел, подарил их училищу, которое располагалось в бывшей конторе Копикуза (трехэтажное каменное здание, где потом была и контора АИК «Кузбасс»). В наши дни в этом здании разместился Институт углехимии, руководители которого по достоинству оценили произведения Рудольфа Галкова. Мозаичные портреты находились в вестибюле здания и придавали ему исторический колорит.

Потом хозяином всего здания, которое не защищено законом о памятниках истории и архитектуры, стала некая богатая угольная фирма Киселевска. Заместитель директора института Ольга Николаевна Коробецкая передала музею три мозаичные рабо-

ты Галкова и живописное полотно его кисти (на нем тоже изображены аиковцы). Я считаю эти произведения экспонатом № 1. Музея еще не существовало, а они уже были выставлены на обозрение. Их и сейчас следовало бы сделать частью оформления вестибюля. А по сути, это фрагменты неосуществленного замысла замечательного художника-монументалиста.

В октябре 2001 года мы отмечали 80-летие АИК «Кузбасс» и 120-летие голландского архитектора Ван Лохема, который, будучи одним из аиковцев, построил многие жилые дома и административные здания на берегах Томи. 19 октября у входа в дом Рутгерса состоялся митинг, собравший жителей Красной Горки и руководителей города, архитекторов и градостроителей, гостей из Королевства Нидерландов. Среди гостей посол Королевства Нидерландов в России Тиддо Хофстее с супругой, атташе по культуре Ян Хесселинг, председатель фонда архитектурного анализа при Делфтском технологическом университете Питер Ван дер Тоорн Фритьоф, финансовый чиновник Михель Фридерикс, профессор архитектуры Ян Молема и другие.

После приветственных речей был открыт знак на месте будущего памятника. Знак представляет из себя монолитный металлический цилиндр, срезанный под острым углом в небо. На срезе надпись: «Здесь будет установлен монумент основателям Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». 1921–1927 гг.». Слева три металлические ленты: белая, синяя, красная – цвета Российского флага. Справа три ленты тех же цветов, только в другом порядке: красная, белая, синяя – цвета флага Королевства Нидерландов. У двух символов разных государств – кровное родство. Петр Первый позаимствовал цвета голландского флага вначале для российского торгового флота. Уже потом они стали цветами российской государственности.

К этому знаменательному событию приурочен выпуск альманаха «Красная Горка» под названием «Окно в Нидерланды». В приветствии голландских архитекторов говорится: «Триста лет назад, когда царь Петр, прорубая «окно в Европу», прибыл в нашу страну в составе Великого посольства, Нидерланды одними из первых сказали России «да» и оказали ей помощь в создании флота. В двадцатые годы прошлого столетия, когда молодая советская республи-

ка поднимала свою промышленность, Нидерланды снова сказали России «да», и голландские специалисты стали участниками АИК «Кузбасс», строили Кемеровский рудник и коксохимзавод. Когда голландские энтузиасты организовали празднование «Года Петра Первого» в 1996–1997 годах, Нидерланды снова сказали России «да»: Фонд архитектурного анализа и Делфтский технологический университет прислали своих архитекторов и градостроителей, чтобы помочь вернуть к жизни исторический центр города Кемерово».

В фондах музея есть медаль, подаренная голландскими архитекторами в ноябре 1997 года. На одной стороне изображен могучий парусник, от которого отошла шлюпка с Российским флагом, и написаны слова: «300 лет великого посольства Петра I». На другой – «Царь-плотник» – фрагмент известной скульптуры, что стоит в Санкт-Петербурге возле Невы напротив Адмиралтейства. Изображения на медали стали символами Красной Горки наряду с рисунком «рука – уголек – пламя», графическим силуэтом дома Рутгерса, портретом Михайлы Волкова, созданным Германом Захаровым...

Есть еще многочисленные фотографии и рисунки скульптуры рудознатца, рожденной Георгием Николаевичем Барановым и установленной в 1968 году на площади имени Волкова. Это символ Кемерово. Он появился задолго до открытия музея-заповедника «Красная Горка».

Баранов – автор и белого обелиска, который мы привыкли видеть на береговом мысе, где ныне открыт монумент «Память шахтерам Кузбасса». Обелиск переместился под крыло дома Рутгерса, по-прежнему виден с левобережья. Он бережно отреставрирован. Восстановлена надпись: «Первооткрывателю кузнецкого угля Михайле Волкову в день 50-летия Кемеровского рудника. Сентябрь 1957 г.». Состоялся митинг, узаконивший старый памятник на новом месте.

В ноябре 2003 года напротив дома Рутгерса, где разместился музей-заповедник, произошел пожар, разрушивший двухквартирный жилой дом. Дом бревенчатый, построен в 1928 году, без фундамента, архитектурной ценности не имеет. Одна квартира сгорела, другая пострадала так, что жить в ней нельзя.

Мы с директором музея Андреем Викторовичем Зыковым обратились к главе города В. В. Михайлову

с предложением дом не восстанавливать. Наоборот, снести его полностью, а также убрать баню, гараж, хозяйственные постройки, ветхие заборы. Пострадавшим семьям помочь получить благоустроенные квартиры.

Освободившуюся территорию, занятую ныне огородами, считать музейной и разбить на ней исторический парк. В центре парка установить обещанный монумент основателям АИК «Кузбасс» (над проектом работают голландские архитекторы), посадить деревья, построить прозрачный павильон для подаренного музеем самолета, выставить горную технику прежних времен, поднять сюда с берега Томи красивые камни, обожженные древним пожаром, разместить скамейки, разбить цветочные клумбы.

Дом Рутгерса станет частью исторического парка, увязанного с посадками высокого правобережья (деревья здесь вырубili в 2000 году) и с пешеходной аллеей, ведущей мимо родника к монументу «Память шахтерам Кузбасса». Возле родника и дома Рутгерса предусмотреть смотровые площадки и удобные спуски к реке.

Оказалось, что в Кемеровском управлении архитектуры и градостроительства этот проект уже разрабатывается. Пожар ускорил развитие событий. Положительному решению вопроса способствует и существующая программа сноса ветхого жилья. Уже родился документ «Ориентировочный объем и стоимость работ по благоустройству музея-заповедника «Красная Горка».

Характерно, что и голландский зодчий Ван Лохем, строивший в 1926–1927 годах жилые дома и учреждения на Красной Горке, и отечественные архитекторы П. А. Парамонов и А. Д. Крячков, авторы проектов застройки левобережной части города (1918 год), исповедовали идею города-сада, популярную в Европе в начале XX века. Гармония с природой; сохранение ландшафтов, лесов и рощ; расселение людей в «здоровой среде»; развитие садоводства и огородничества... Планировка кварталов, улиц и площадей подчинялась этим требованиям.

На обоих берегах Томи замысел города-сада осуществлен лишь частично. Тому есть объективные причины – неумолимый ход истории: индустриализация, военное лихолетье, восстановление разрушенного войной хозяйства, экологическое бедствие, шахтерские забастовки, закрытие шахт в ходе гибельных для страны реформ... Все это поле для ис-

следовательской работы музея-заповедника «Красная Горка». Пришла пора в градостроительстве вернуться к первоначальному замыслу.

У поэта Игоря Киселева есть строки:

*Трогаю молоденькие липы,
Юную пушистую листву,
И негромко говорю: — Спасибо! —
Городу, в котором я живу.*

Эти строки процитировала Ирина Федоровна Федорова, заместитель главы города по социальным вопросам в статье для альманаха «Красная Горка», которая так и озаглавлена: «Городу, в котором я живу». Процитировала и добавила: «Суть забот наших сегодняшних в том, чтобы и город имел все основания сказать нам «Спасибо!».

4

Когда я захотел узнать историю форменной одежды горняка, шахтера, это оказалось не так-то просто. Прежде всего форма свидетельствует о том, что профессия эта важна для государства. Форма была также у железнодорожников, речников, работников гражданской авиации, представителей юстиции... Удалось выяснить, что насчет шахтерской формы в 1947 году было ведомственное постановление, а в 1976 году подкрепляющее решение Министерства угольной промышленности.

Знающие люди рассказали, что форма черного цвета положена горноспасателям, работникам надзора (начиная с горного мастера), инженерно-техническим работникам. Особая форма (сероватого цвета) — у почетных шахтеров. Кстати, основной знак отличия одежды горняка, а именно скрещенные молот и кирка, изображен на гербе Кемеровской области и на фоне шахтового террикона символизирует ее индустриальную принадлежность.

Тот пожилой горняк, о котором я хочу рассказать, был в строгом черном кителе с орденами и медалями. Среди них орден Шахтерской славы. Был он, пожалуй, постарше меня лет на семь (возраст моего старшего брата). В руках пакет, тщательно обернутый газетой. Видимо, букет цветов.

Последнее воскресенье августа 2003 года — День шахтера. Монумент «Память шахтерам Кузбасса», открытый накануне в присутствии автора Эрнста Не-

известного, доступен всем желающим. Ветеран решил мост пешком, поскольку на ближайшем участке автотрассы доукладывали асфальт и движение автобусов было прервано. Он приближался к монументу снизу, не отрывая от него глаз. Смотрел на могучий торс, мускулистые руки, аскетическое лицо, на пламя, вырвавшееся на ладонь из «отверстой» груди. Внизу, ближе к мраморному пьедесталу, «маски» (лики погибших собратьев).

Пока одолевал лестницу и склон берегового мыса по тропке среди низкорослого кустарника, шахтер несколько раз останавливался — отдыхал. По-прежнему смотрел на монумент. А когда достиг цели, внимательно прочитал надпись на нем.

Возлагать цветы не торопился. Вначале прошел всю аллею вплоть до овальной площадки, ставшей стоянкой для автомашин. Оценил добротно устроенную автобусную остановку, торговый павильон, милицкий пост, светильники, скамейки, ряды ухоженных тополей — по два с каждой стороны, пешеходную тропу, ведущую через хвойные посадки к роднику и далее — мимо домов, построенных еще Ван Лохемом, к зданию музея «Красная Горка»... Потом присел на скамейку и задумался.

Думы у людей нашего поколения похожи. Мне приходилось читать интервью Эрнста Неизвестного, данное несколько лет назад. Он говорил, что его «Лик скорби» в Магадане и другие произведения этого ряда задуманы как противостояние «утопическому сознанию» советского периода. На недавней встрече с журналистами в музее-заповеднике «Красная Горка» Мастер заметил, что сейчас этот мотив потерял актуальность, ушел в историю.

Не ушли в историю (остались невысказанными) мои возражения против этой концепции. Я считаю, что главной ошибкой реформаторов (да и ошибкой ли?) стало настойчивое стремление объявить коммунистические (социалистические) идеалы утопией. Будто бы эти идеалы родились вместе с советской властью и вместе с ней умерли. Между тем коммунистические идеалы имеют столь же древнюю историю, как и христианство, и в становлении моральных и нравственных основ человеческого бытия с православием, да и с любым другим вероучением, неразрывно связаны.

Связаны они и с менталитетом русского народа,

сложившимся на огромных пространствах нашей страны и в ее суровом климате, с его соборностью, совестливостью, извечным стремлением к справедливости.

Думаю, что коммунистические идеалы и должны быть утопией, мечтой, звездой притяжения. По мере того как общество (человечество) к ним приближается, коммунистические идеалы усложняются, обретают новое содержание и новую высоту. Этот процесс видится мне законом исторического развития. Он не может остановиться, застыть. Тем более досадно, когда начинается движение вспять.

Усложняясь, коммунистические идеалы отдаляются. Но на пути к ним — согласие в обществе, материальный достаток в семье, бесплатное общедоступное образование, забота государства о твоём здоровье, о стариках и детях, мирное разрешение межнациональных конфликтов. Нет безработных! Нет голодных! Нет беспризорных! Нет отчаявшихся!

Посмотрите, то, что сгоряча объявлено «утопией», недостижимой мечтой, возвращается и присутствует так или иначе в программах всех партий и движений. А общенациональная патриотическая идея, вернее, поиск такой идеи становится главенствующим в политике государственных структур.

Рустем Фатыхович Усманов обратил мое внимание на откровение древних пифагорейцев, сделанное в третьем веке до новой эры: «Если сделана ошибка в истинности начала, то из того, что следует за ним, ничто уже не будет правильным». Идет в стране преодоление ошибки, допущенной реформаторами в начале девяностых годов. Ошибки, приведшей к неоправданным человеческим жертвам, не менее страшным, чем в годы фашистского нашествия, к расслоению общества, к обнищанию большинства населения.

Мужество преодоления ощутимо в новой работе Эрнста Неизвестного «Память шахтерам Кузбасса». Я наблюдаю, как ветеран поднялся со скамейки и развернул обертку на букете цветов. Цветы не привозные, видимо, со своего садового участка. Шахтер бережно положил их к подножию монумента. Значит, принял, согласился.

Согласимся и мы с новой скульптурой на Красной Горке, новым ее символом. И закончить это повествование хочется строками поэмы «Планета Кемерово».

Я рожал их, не думая об архетипах сознания, об опыте предков. Но так или иначе обозначил нравственные ориентиры, которые вовсе не надо писать на куполах Знаменского собора или той часовни, которую архитекторы обещают построить возле монумента «Память шахтерам Кузбасса». Мы несем эти нравственные ориентиры в себе, они даны нам от рождения.

*Сибирский формируется характер.
Мы стали осмотрительней в азарте.
Рисунком сердца на Российской карте —
Планета Кемерово!
Только позови —
Любовь моими говорит устами.
Я знаю: нас когда-нибудь не станет,
А он останется,
Прозрачный пласт любви.*

*А он останется,
Пласт совести и дружбы
И нежности, нам всем порою нужной.
Останется,
Испытанный не раз,
Пласт мужества — для нас необходимый.
По существу, мы хрупки и ранимы.
И беды вовсе не проходят мимо,
Должно быть, тоже выпадают в пласт.*

*А он останется,
Пласт ненависти жгучей
К доносам, дрязгам, подлости живучей.
Останется,
Красивый и могучий,
Сибирский пласт таланта и труда
И будет жить душой родного края.
По существу, ничто не умирает.
Ничто не исчезает без следа.*

*Пласты под грузом времени слежятся,
Наверняка потомкам пригодятся.
В столетии, неведомо каком,
Их обнаружат где-нибудь под кручей,
И обнажат,
И тщательно изучат.
Потом из них тепло и свет получат
И обогреются.
И вспомнят нас добром.*

Геннадий ЮРОВ

• Пресс-конференция на Красной Горке

- Мемориал жертвам сталинизма. Магадан

• Дом Правительства Туркменистана. Ашхабад

• Памятник на могиле Н. С. Хрущёва.

• Фрагмент Кентавра. Вестеры, Швеция

• Золотое дитя. Одесса

• Второе открытие обелиска
в честь Михайлы Волкова на новом месте —
возле дома Рутгерса

Диана БАЛИБАЛОВА

ПРАЗДНОВАНИЕ ПЕРВОГО ДНЯ ШАХТЕРА В КУЗБАССЕ

После Великой Отечественной войны надо было восстанавливать страну. Уголь тогда называли «хлебом промышленности», а его не хватало. Советское правительство принимало все меры, чтобы увеличить добычу угля. Труд шахтеров всегда был нелегким. Чтобы сделать его более престижным, Указом Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 года был установлен ежегодный праздник «День шахтера», который должен был отмечаться в последнее воскресенье августа.

В то время не было сегодняшнего обилия обесценившихся профессиональных праздников. Но отмечала их вся страна, имена передовиков производства были известны всем. Мне же запомнился День шахтера, который был впервые отмечен в 1948 году, потому, что мой отец Иван Алексеевич Балибалов, будучи заведующим угольным отделом газеты «Кузбасс», участвовал в его подготовке. Дома у нас часто бывали его коллеги, в семье обсуждали общественно значимые события, материалы газет. Кроме того, этот праздник совпал с моим днем рождения, и потом много лет я считала, что родилась в День шахтера. А тогда мне исполнилось 7 лет, и я пошла учиться в женскую среднюю школу № 41 г. Кемерово. Школьную форму – шерстяное платье в складку коричневого цвета – мне сшили в ателье орс «Кемеровоуголь», куда к празднику шахтеров поступило много тканей.

В день, когда был принят Указ о праздновании Дня шахтера, в областной газете «Кузбасс» началась публикация материалов выездной сессии горно-геологического института Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР. Она была посвящена обсуждению проблем освоения и развития Томь-Усинского угольного месторождения – «второй жемчужины Кузбасса».

В июле 1947 года Совет Министров СССР принял решение о разработке комплексного проекта освоения

УГОЛЬ КУЗБАССА.
Рисунки Василия Кравчука

и развития Томь-Усинского угольного района. Западно-Сибирский филиал АН СССР совместно с Министерством угольной промышленности восточных районов СССР обобщили материалы исследователей, дали им экономическую оценку и разработали основные пути развития района.

Выездная сессия, которая проходила в Кемерове 4–6 сентября 1947 года, сыграла огромную роль в деле дальнейшего развития и Кузбасса, и Кемерово. В ее работе принимали участие видные ученые – «цвет горно-геологической науки» – Н. А. Чинакал, директор горно-геологического института, профессор, доктор наук, лауреат Сталинской премии; крупнейший геолог Сибир-

ри, профессор, доктор наук М. М. Коровин; зам. председателя Западно-Сибирского филиала АН СССР П. Т. Логвиненко; заслуженный деятель науки, профессор, доктор наук, директор химико-металлургического института П. Г. Рубин; профессора П. Т. Приходько и Д. А. Стрельников, а также заместитель министра черной металлургии Г. Г. Воднев.

В ней участвовал сподвижник легендарного геолога Л. А. Лутугина профессор В. Н. Яворский. Их группа еще в 1914 году проводила исследование углей Кемеровского рудника.

Кузбасс представляли: первый секретарь областного комитета ВКП(б) Е. Ф. Колышев, а также «научные работники, руководители НИИ, инженеры и техники: Мучник, Григорьев, Пермитина, Принцев, Томленович, Савкин, Заранкин, Сухенко, Молчанов, Леонтьев, Меркулов, Трофимов, Каминский, Филиппов, Логунов, Кризовок, Зобнин, Попов и др.» (Кузбасс. 1947. 5 сент.).

В ходе работы сессии выяснилось, что срочного решения требуют три вопроса: исследование качества углей, строительство нового города Междуреченска и, главное, подготовка квалифицированных кадров.

По последнему вопросу развернулась дискуссия. Декан горного факультета Томского политехнического института проф. Стрельников предложил увеличить набор студентов на свой факультет до 300 человек. Кузбассовцы же настаивали на открытии горного института у себя. Их поддержал известный геолог, доктор наук, проф. Коровин. В принятой резолюции сессии было рекомендовано открыть горный институт в городе Кемерове, перебазировать туда горный факультет из Томского политехнического. Решение было реализовано осенью 1950 года. Об этом событии очень интересно рассказал первый комсомольский вожак студентов-горняков Г. Корницкий в четвертом выпуске журнала «Красная Горка».

В 1967–1968 годах судьба связала и меня с этим вузом, к тому времени он уже назывался политехническим. Здесь произошло мое становление как преподавателя, отсюда уехала в ленинградскую аспирантуру. Всегда с благодарностью вспоминаю прекрасный коллектив вуза, кафедру политэкономики Кузбасского политехнического и завкафедрой А. А. Дмитриева. Сейчас в нашей стране не осталось ни одной кафедры

Николай АНЦИФЕРОВ

СТИХИ О ШАХТЕРСКОМ ТРУДЕ

ВЕЛЬМОЖА

Я работаю, как вельможа,
Я работаю только лежа.
Не найти работенки краше,
Не для каждого эта честь.
Это — только в забое нашем:
Только лежа — ни встать ни сесть.
На спине я лежу, как барин.
Друг мой — рядом, упрямый парень:
«Поднажмем!»
И в руках лопата
Все быстрее и веселей.
Только уголь совсем не вата:
Малость крепче и тяжелей.
Эх, и угольная перина!
Не расскажешь о ней в стихах.
Извиваешься, как балерина,
Но лопата играет в руках.
Отдохнуть бы минуту, две бы!..
Отдохнешь, когда будет простой.
Семьянин говорит о хлебе,
О любви говорит холостой.
Но промчится пара минут —
И напарник мой тут как тут.
Шепчет: «Коля, давай, давай!»
Вместе взялись, не отставай!»
На спине снова пляшет кожа.
Я дружку отвечаю: «Есть!»
Я работаю, как вельможа.
Не для каждого эта честь.

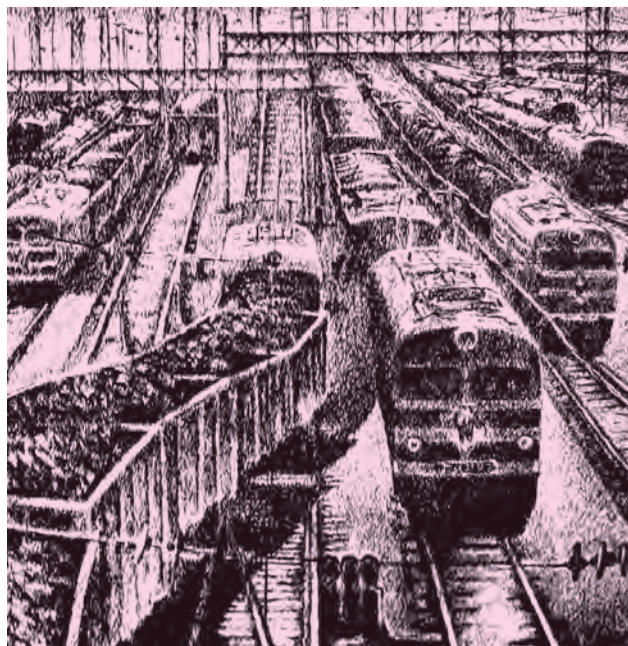
политической экономии, даже из реестра специальностей она изъята так называемыми демократами. Во всем мире изучают эту фундаментальную экономическую науку. Наши же студенты изучают абстрактные экономические теории, не связанные с реальной жизнью.

Возвращаясь к 1947 году, отмечу, что отец был на этой научной сессии, встречался с учеными, участвовал в подготовке материалов сессии, которые были опубликованы в пяти номерах областной газеты. Дома он много рассказывал об этом событии. Вскоре он пишет об академике Н. А. Чинакале, который руководил только что прошедшей научной сессией, был автором ряда технических изобретений для угольной промышленности (см. «Кузбасс» от 24.09.47 г. «К вопросу об искоренении низкопоклонства перед Западом» в соавторстве с П. Чередниченко – зам. ответственного редактора газеты). В этой же статье отец дал краткий очерк истории возникновения Кузнецкого угольного бассейна, который потом вошел в его книгу «Кемерово».

С января 1948 г. «Кузбасс» ввел постоянную рубрику «Доска почета передовиков угледобычи». Первым в этой рубрике был дан портрет знатного мастера угля шахты «Центральная» треста «Кемеровоуголь» Егора Бурлова. Отец хорошо знал его, неоднократно писал о нем, в нашем домашнем архиве долгие годы хранился его фотопортрет – красивое русское лицо, волнистые волосы, прямой взгляд.

Вот что пишет о нем отец в своей книге «Кемерово» (1982): «Достойным преемником мастеров отбойного молотка первых пятилеток стал Егор Бурлов. Трудовой путь свой он начал на шахте «Центральная» лесодоставщиком. Прежде чем освоить профессию проходчика, ему пришлось вначале поучиться грамоте. В школе мастеров социалистического труда он прилежно изучал основы горного дела, методы и приемы работы новаторов. Накопив опыт, Бурлов предложил свой способ скоростной проходки на газоносных пластах. Сущность этого метода заключалась в том, что в сложных горно-геологических условиях он вел проходку одновременно в двух забоях.

Выступив инициатором социалистического соревнования за досрочное выполнение первой послевоенной пятилетки, Егор Бурлов выполнил свое задание по проходке горных выработок за 2,5 года.

СОСТАВЫ С УГЛЕМ

Родина высоко оценила самоотверженный труд кемеровского новатора угледобычи. В числе первых шахтеров Кузбасса Егор Афанасьевич Бурлов был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

7 мая 1948 года третья страница газеты «Кузбасс» дана под шапкой – «Чем мы встретим День шахтера». В редакционной статье говорится: «29 августа в нашей стране будет впервые праздноваться День шахтера. Это большой, светлый праздник всего советского народа. В этот день многие сотни самых достойных шахтеров Кузбасса получают высокие правительственные награды за свой доблестный труд на благо Родины...» В нижней части страницы под названием «Шахтерская честь» – о собрании на шахте «Комсомолец», где были приняты обязательства коллектива к Дню шахтера: выполнить годовой план, чтобы досрочно завершить третий год пятилетки; выполнить годовой план строительства жилья к 1 июля 1948 года; благоустроить поселок, посадив не менее 4 тысяч деревьев, у каждого дома сделать цветник. Вскоре подобные обязательства были приняты на многих предприятиях Кузбасса. В газете вводится специальная рубрика «Соревнование в честь

Дня шахтеров» под общей шапкой: «За пятилетку в четыре года». В конце мая в Кузбасс приезжает делегация шахтеров из города Кизел по вопросу соревнования трестов «Кемеровоуголь» и «Молотовуголь» (ныне это Пермь). С Донбассом соревнование было давно налажено.

Новой формой распространения передового опыта и научно-технической пропаганды стали «Стахановские четверги» газеты «Кузбасс», которые стали проводиться с июня 1948 года. В первом объявлении об этом было сказано, что на встрече с шахтерами Кемеровского рудника выступит забойщик шахты «Центральная» Егор Бурлов с беседой «Мой метод проходки мелкой нарезки». В организации встречи также принимали участие Рудничный райком ВКП(б), трест «Кемеровоуголь» и Рудничный профсоюз угольщиков. На «Стахановский Четверг» приглашались проходчики и забойщики, инженерно-технические работники треста «Кемеровоуголь». Проводился он в клубе шахты «Центральная» 10 июня в 7 часов вечера. Газета «Кузбасс» уже 12 июня опубликовала текст выступления и фотографии.

Следующий «Четверг» состоялся 17 июня в клубе шахты «Северная», где с лекцией «Мой метод работы в щитовом забое» выступил Иван Потапкин – забойщик шахты «Северная». Затем «Стахановские Четверги» были проведены в Ленинске-Кузнецком, Прокопьевске, Сталинске (Новокузнецке), Анжеро-Судженске и других городах Кузбасса. Всего было организовано 11 встреч, из них 6 – с шахтерами, 3 – с железнодорожниками (к Дню железнодорожника, который отмечался в начале августа еще с довоенных лет), по одной встрече было проведено с металлургами и строителями.

16 июля «Кузбасс» публикует материалы совещания на шахте «Центральная» под заголовком «Мобилизуем все творческие силы горняков на выполнение годовых обязательств ко Дню шахтера», там же дан перечень рационализаторских предложений шахтеров.

В газету «Кузбасс» обратились горняки шахты «Ягуновская» с просьбой о встрече с бригадиром буровой бригады шахты им. Ворошилова Андреем Тарасенко. Они просили его поделиться опытом работы. Отчет об этой встрече написал отец под названием «Школа шахтерского мастерства», он был опубликован 8 августа 1948 года.

ТОРМОЗОК

Объясню хотя бы сухо,
Что такое «тормозок»:
Хлеба черного краюха,
Сала постного кусок...
В тесном угольном забое,
В темноте, в пыли, в грязи,
Рад минутному отбою,
Вдруг услышав: «Тормози!»
Облегченья охи-ахи,
Кровь сильней стучит в виски.
Надеваются рубахи,
Достаются «тормозки».
Вообще течет беседа
С пролетарской прямой:
— После вкусного обеда,
По закону Архимеда, —
Перекур бы с дремотой...
...Тормознули — и в дорогу,
И усталости как нет.
Будто заново, ей-богу,
Нарождаешься на свет.
В нашем крае поговорка,
Очень к истине близка:
Не бывает хлеб без корки,
А шахтер — без тормозка.

НЕБО

Небо я достаю головою
(Невысокий имея рост).
Это небо — не голубое.
Это небо — без солнца и звезд.
Не плывут по нему облака,
Но дождит — днем и ночью каплет.
Возразят:
«Не валяй дурака».
Не валяю.
И даже ни капли.
Не лукавлю и не злословлю я:
Это небо висит под землей,
Это небо зовется кровлею —

К празднику шахтеров готовились не только горняки. Благоустраивался город Кемерово. Именно тогда был сооружен кирпичный парапет вдоль левого берега Томи с цветочными вазонами и металлической лестницей, спускающейся к воде. До этого вдоль крутого берега шла узкая тропинка, а поодаль росли в два ряда тополя. На месте асфальтированной дороги была булыжная мостовая, по которой проезжали редкие грузовики и упряжки лошадей.

К празднику побелили и иллюминировали некоторые здания. Я помню, как мы, дети, бегали смотреть на здание комбината «Кемеровоуголь». Оно, как белый корабль, возвышалось над морем небольших деревянных домиков с огородами и казалось таким значительным. Сейчас этот четырехэтажный дом, стоящий боком и завешанный рекламой, производит грустное впечатление.

Были подведены итоги конкурса проектов застройки центра города, которые объявлял Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР. Из четырех представленных проектов победителем был признан проект, разработанный Гипрогором. На реализацию проекта отводилось 3–4 года. И действительно, центр города стал быстро застраиваться. Из наших окон было хорошо видно обустройство площади Пушкина. Вскоре там был разбит сквер, в центре которого был установлен монумент – шахтер с отбойным молотком на плече. Потом на месте сквера было выстроено здание Гипрошахта, и сейчас в наши окна упираются другие окна из надстроенного здания бывшего горисполкома. Теперь в моде не скверы, а уплотнительная застройка.

Большое внимание уделялось строительству жилья. В марте 1948 года в областном комитете ВКП(б) состоялось совещание хозяйственных и партийных руководителей строительных организаций, на котором были заслушаны доклады руководителей крупнейших строительных организаций, в том числе управляющего трестом «Кемеровотяжстрой» Богачева. Именно этот трест тогда был основным строительным подразделением города. Отец хорошо знал Богачева, впоследствии они переписывались. Разбирая бумаги отца (после его смерти), мы с мамой читали многостраничные письма Богачева к отцу с Украины. Мама была очень удивлена, что суровый строитель, каким она его знала,

В ЗАБОЕ

писал о литературе и признавался, что его после войны влекла поэзия, но он был вынужден «наступить на горло собственной песне».

Накануне Дня шахтера состоялись новоселья почетных шахтеров, в тот год началось массовое строительство индивидуальных домов в городе. Этому способствовало решение Правительства о выдаче долгосрочных кредитов гражданам на строительство жилья. Почетным шахтерам дома строили за государственный счет.

К Дню шахтера в Кузбассе была подготовлена большая культурная программа. «В соответствии с указаниями ЦК ВКП(б), – писала газета «Кузбасс» от 12.09.48 об улучшении культурного обслуживания горняков Кузбасса, – за последние месяцы наши города посетили: Московский театр сатиры, Ансамбль народного танца СССР Игоря Моисеева, русский народный хор под руководством Свешникова, Воронежский народный хор, джаз-оркестр под управлением Дм. Покрасса, Ленинградский ансамбль гусяров, мастер художественного слова Балашов и другие артисты».

От Союза писателей СССР приезжала бригада в составе трех человек. Одним из них – Михаила Алек-

сандровича Никитина я запомнила, он бывал у нас, они с отцом подолгу говорили о литературе. В нашем архиве были фотографии его и папы, сделанные кем-то из редакционных на нашем балконе. Отец говорил, что Никитин интересовался Кузбассом. Когда в 1949 году вышел первый номер альманаха «Сталинский Кузбасс», в нем была опубликована большая статья Никитина «В долинах Мрас-Су». Писатели встречались с горняками шахты «Пионер», комсомольцами и молодежью азотно-тукового завода, учащимися строительного ФЗУ.

С писателями и артистами проводились многочисленные встречи на предприятиях, шахтах. Так, в клубе АТЗ 400 комсомольцев встречались с писателями и артистами-комсомольцами из Ансамбля народного танца СССР. На этой встрече от кузбассовцев выступили секретарь обкома ВЛКСМ Троицкий (будущий редактор газеты «Кузбасс»), секретарь Заводского райкома комсомола В. Дрыгина (Шокель).

29 августа в помещении Госцирка редакция газеты «Кузбасс» и Кемеровское областное концертно-эстрадное бюро организовали встречу коллектива Госансамбля танца СССР с шахтерами Кемеровского рудника. В цирке для журналистов была отведена одна из лож прямо против оркестра. Меня, как и других детей журналистов, иногда приводили на такие мероприятия, чтобы посмотреть художественную часть. Помню, что в ложе набивалось много народу, было тесно. Но как же мы любили наш цирк!

В следующий шахтерский праздник я была с папой в цирке и до сих пор помню выступление Рины Зеленой – очень известной тогда актрисы. Возможно, оно запомнилось мне еще и потому, что перед концертом мы встретили всю группу московских актеров около нашего дома на Набережной. Они были в концертных костюмах: женщины в вечерних длинных платьях, а мужчины во фраках и с бабочками, выглядели очень элегантно и держались достаточно скромно. Остались они в моей памяти как эталон артиста.

На праздник к шахтерам приезжали и мастера спорта – чемпионы страны по гимнастике, по тяжелой атлетике (мировой рекордсмен по штанге), которые принимали участие в праздничных соревнованиях на стадионе «Угольщик».

*Сотни метров каменный слой.
Небо — выдумщица-мастерица
Озорные творит чудеса;
Могут запросто взять и свалиться
Твердокаменные небеса.
Представляете? Каменный юмор
В полном смысле разит наповал.
(Побожиться могу: чтоб я умер, —
Сам не видел бы, вам не врал).
Небо каменным смехом грохочет,
Небо зуб — да какой еще! — точит:
На меня почему-то хочет
Небо каменное упасть.
Укрощая небесную страсть,
Затыкаю металлом пасть.
Небо лезет из каменной кожи.
Небо каменным брызжет злом.
Лучшей марки металл корежит,
Превращая в металлолом.
Эти шуточки не новы,
Не сдаваясь, иду «на вы»,
Лопнут каменные нервишки —
И сыграет небо отбой.
Дескать, ладно, аллах с тобой,
Продолжай, счастливый судьбой,
После смены почитать книжки...
Я похлопаю небо руками,
Как смирившегося коня:
— Небо, вынь из-за пазухи камень,
Все равно не обманешь меня.*

УГОЛЬНАЯ ПЫЛЬ

*Она полезна ли, вредна ли —
О том пусть думают врачи.
Еще в пеленках мы узнали,
Что пыль, конечно, не харчи.
Но под землей ее вдыхая,
Совсем не думаем о том,
Что — ах! — какая пыль плохая,
Что с нами станется потом.*

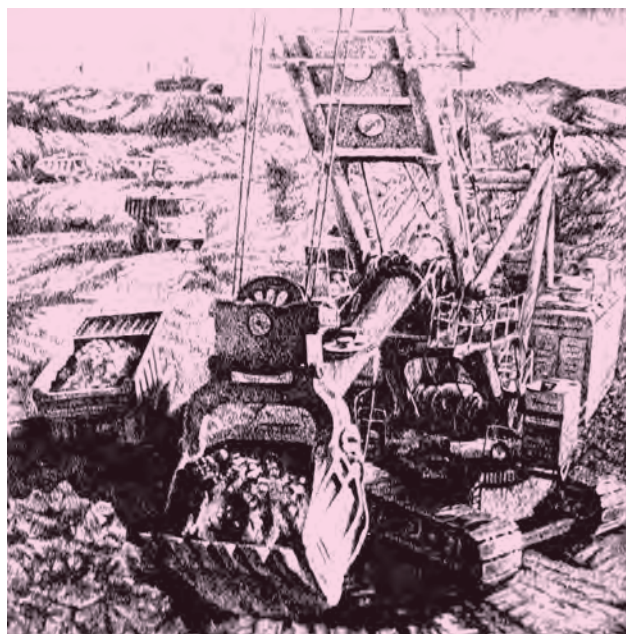
28 августа 1948 года в кинотеатре «Москва» состоялось общегородское торжественное собрание с участием передовых людей Кемеровского рудника, посвященное празднованию Дня шахтера. С докладом о первом горняцком празднике выступил секретарь обкома партии тов. Гусев. После официальной части состоялось выступление Государственного ансамбля народного танца СССР.

27 и 28 августа такие же торжественные собрания проводились на всех шахтах Рудничного района Кемерово. Начальники шахт, секретари парторганизаций сделали доклады о выполнении социалистических обязательств, взятых в честь Дня шахтера.

В праздничный день 29 августа на первой странице газеты «Кузбасс» под заголовком «Принимай, Родина, дары Сталинского Кузбасса» было напечатано: «Первый Всесоюзный День шахтера Сталинский Кузбасс встречает замечательными производственными подарками. Шахты, тресты рапортуют Родине о досрочном выполнении государственной программы и социалистических обязательств, о внедрении новых мощных машин, о росте гвардии почетных шахтеров, о заселении горняками новых индивидуальных домов. Тридцать восемь шахт бассейна досрочно выполнили августовский план угледобычи».

В этот день в нашей стране были присвоены звания Героев Социалистического Труда 150 работникам угольной промышленности, среди них были и наши земляки: Е. А. Бурлов, В. И. Воробьев – начальник комбината «Кузбассуголь», В. Г. Кожевин – начальник «Кемеровоугля». На развороте праздничного номера газеты были помещены фотографии почетных шахтеров Кузбасса в новой парадной форме.

Вся страна отмечала этот праздник. В Москве были проведены торжественные собрания, посвященные Дню шахтера. В Концертном зале имени Чайковского собрание проводило Министерство угольной промышленности западных районов СССР, с докладом выступил министр А. Ф. Засядько. В Колонном зале Дома союзов торжественное заседание проводилось Министерством угольной промышленности восточных районов СССР, доклад сделал министр Д. Г. Оника.

УГОЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ

В Большом зале консерватории праздник отмечали работники Министерства строительства топливных предприятий СССР, докладчиком был министр А. Н. Задемидко (будущий председатель Кемеровского совнархоза). В концертном зале Центрального Дома Советской Армии торжественное собрание проводило Министерство местной топливной промышленности с докладом министра В. П. Беляева.

Центральная газета «Правда» под заголовком «От шахтеров Советского Союза Председателю Совета Министров СССР Иосифу Виссарионовичу Сталину» поместила отчеты передовых предприятий угольной промышленности (сюда вошли и машиностроительные заводы, и геологоразведка и т. п.). Кузнецкий бассейн представляли комбинаты «Кузбассуголь» и «Кемеровоуголь». О достижениях первого было сказано, что за 7 месяцев он перевыполнил план, снизил себестоимость. О комбинате «Кемеровоуголь» было написано: «... перевыполнил план, обеспечил рост добычи на 7,4 %, а по коксующим углям на 18 %».

На четвертой странице «Правды» под рубрикой «Празднование Дня шахтера» была дана подборка ма-

териалов собственных корреспондентов газеты из Кузбасса, Донбасса и Караганды. В то время это были самые крупные угледобывающие районы, многие десятилетия обменивались передовым опытом, соревновались, в День шахтера посылали делегации друг другу. Помогали восстанавливать Донбасс. Невозможно было даже вообразить, что все три угольных бассейна окажутся в разных странах.

Телевидения тогда не было, поэтому особая роль отводилась радиовещанию. Вот какой была программа радиопередач из Москвы в тот праздничный вечер: в 19 часов – репортаж, посвященный Дню шахтера; в 19-30 – С. Рахманинов. Первый концерт для фортепиано с оркестром; 20-00 – рассказы почетных шахтеров о своей работе; 20-20 – концерт; 21-00 – передача «Страна – горнякам»; 21-20 – концерт по заявкам шахтеров; 22-00 – стихи о шахтерах; 22-15 – концерт по заявкам шахтеров.

Так отмечался первый шахтерский праздник, положивший начало хорошей традиции чествовать людей нелегкой профессии, которые своим трудом, зачастую с риском для жизни, создают общественное богатство.

Как сегодня отмечается День шахтера? Существует ли звание «Почетный шахтер»? По телевизору нам сообщают лишь об авариях на шахтах да о голодовках в связи с невыплатой шахтерам заработной платы. Я уже давно живу в Ленинграде. Когда-то здесь тоже отмечали День шахтера – особенно в Сланцевском районе, где на шахтах добывался горючий сланец. Теперь о шахтерах не вспоминают, в конце августа в Санкт-Петербурге отмечают День кино.

Окна моей квартиры выходят на ТЭЦ с огромной горой угля рядом. От нее зависит, будет ли тепло в нашем доме-«корабле» с огромными окнами. Зимой эта гора уменьшается. Летом начинает расти, благо, что рядом угольная гавань, где разгружаются корабли. В Ленинградской области строится угольный терминал. Газеты писали, что в это строительство вложили деньги угледобывающие фирмы, в том числе и кузбасские. Уголь будут вывозить за границу, фирмы будут получать прибыль, государство – налоги. Значит, уголь нужен. А шахтеры, кому они сегодня нужны?

*От пыли мы страшны, как черти.
Но на здоровье жалоб нет.
Не знаю точно – сколько лет,
Но будем жить
До самой смерти.*

ОБИДА

*Угля не будет.
Будет атом.
И будут в сорок энный век
Читать историю ребятам,
Как по земле ходил когда-то
Шахтер – подземный человек.
Меня, шахтера, в общем-целом,
Изобразит учитель мелом
И скажет с пафосом о том,
Что был я в жизни сильным, смелым,
Питался мясом, хлебом белым,
Но и не брезговал вином.
Попутно скажет коротенько
О трудовых моих делах,
Что я ходил на двух ногах,
А пласт рубил на четвереньках.
Я буду жизнью любоваться
Всю ночь из школьного окна.
Такие будут времена,
Что не додумается, братцы.
А рано утром, спозаранку
Увижу с тряпкою гражданку.
Я крикну ей: «Давай не будем
Уничтожать сейчас меня!
Хочу поведать вашим людям
О людях нашинского дня.
О той далекой, незнакомой,
Нелегкой жизни, но большой.
Нет, я не лектор из райкома,
Я рассказать могу с душой».
Но тетка приметя за дело:
Сотрет портрет, взглянув в глаза.
А у меня крупинкой мела
На землю скатится слеза.*

Юрий ТОТЫШ

ШАХТЁРСКИЙ МАРШАЛ

Они, старые друзья Владимира Павловича Романова, решили встретиться в музее «Красная Горка» и отметить годовщину смерти шахтерского маршала. И еще один серьезный повод был – вышла в свет книга «Пласт углекаменный» самого Романова.

Событие происходило в специальном зале музея, где экспонировались многочисленные фотографии, личные вещи Владимира Павловича. На столике лежали экземпляры новой книги. Первым выступил начальник департамента топливно-энергетического комплекса Ю. И. Дьяков. Он говорил о заслугах бывшего начальника комбината «Кузбассуголь». В шестидесятых-семидесятых годах прошлого столетия Романов произвел настоящую техническую революцию в бассейне: была введена в строй такая мощная шахта, как «Распадская», забои во многих угольных районах были оснащены очистными комплексами. Внедрение новой техники, механизация и автоматизация угольного производства позволяли шахтерам Кузбасса ежегодно увеличивать мощность своих предприятий. При Романове не было случая, чтобы бассейн не перевыполнил план. Такая стабильность являлась уникальной для страны. Недаром сам начальник комбината получил звание Героя Социалистического Труда. Он был уникальным руководителем, не знающим поражения в своей трудовой деятельности.

В последние годы Владимир Павлович работал директором фонда «Шахтерская память». После его смерти организацию возглавил один из самых известных угольных генералов Кузбасса, бывший председатель облисполкома, ныне предприниматель Михаил Иванович Найдов.

Найдов тоже выступил перед собравшимися в музее. Рассказал о своих встречах с Владимиром Павловичем, довольно характерном для Романова случае. В Киселевске решили построить фруктохранилище. Денег под новую стройку не было. Михаил Иванович, в то время первый секретарь горкома партии, обратился за помощью к начальнику комбината и получил отказ. «Министерство не выделило денег на этот объект». Тогда упорный Найдов решение провел через пленум горкома, а затем об этом сообщил Владимиру Павловичу. Как вспоминает Михаил Иванович, он ожидал разноса за самоуправство. К его удивлению, Романов похвалил его за настойчивость и инициативу и сказал:

– Бумаги отправим в министерство. Там не смогут проигнорировать решение пленума горкома.

Так и получилось. Деньги были выделены из центра, фруктохранилище в Киселевске построили.

Собравшиеся высоко оценили книгу Романова, отметили ее правдивость, важность для нового поколения шахтеров, которое героически сегодня продолжает дело отцов и дедов – строит современное угольное производство. На презентации единогласно было решено ежегодно в музее «Красная Горка» отмечать день памяти Романова, в честь этого события собираться, обсуждать актуальные проблемы угольной промышленности Кузбасса, через фонд «Шахтерская память» выпускать новые книги ветеранов угольного фронта, которые могли бы рассказать о бесценном опыте старого поколения.

На презентации присутствовал Сергей Павлович Старков, ректор Кемеровского института повышения квалификации руководящих кадров угольных предприятий. В середине семидесятых годов это был убогий филиал Московского института Министерства угольной промышленности. После ухода на пенсию Старкова его возглавил Романов. За считанные годы он превратил этот филиал в один из мощных институтов на востоке страны, в котором стали обучаться кадры от Урала до Сахалина. Повышать свою квалификацию приезжали шахтеры Монголии, Вьетнама. Начальник департамента Юрий Иванович Дьяков предложил ректору подготовить книгу о деятельности Романова как руководителя филиала и рассказать о становлении известного института. Идею поддержал нынешний глава фонда «Шахтерская память» Михаил Иванович Найдов, обещавший материальную поддержку новому изданию.

День памяти Романова оставил неизгладимое впечатление у собравшихся. Так «Красная Горка» становится духовным центром угольного Кузбасса.

Р. С. БИКМЕТОВ,
кандидат исторических наук,

К. А. ЗАБОЛОТСКАЯ,
доктор исторических наук

КНИГА ПАМЯТИ

Историческая память – понятие многогранное. Она впитала в себя не только глобальные события из истории страны, но и семейные сюжеты, эпизоды из жизни миллионов простых людей. Недаром гласит народная мудрость: жив, пока его помнят. Память поколений – это великий дар, данный человечеству свыше. Это не только знак благодарности ныне живущих людей своим предкам и современникам, родным и близким по крови, но и знак беды, знак предостережения.

Перед нами семь книг, семь реликвий из жизни угольного бассейна. Их каждая строка отзывается болью в наших сердцах. Она буквально кричит о том, какой дорогой ценой доставался и добывается ныне наш кузнецкий уголёк.

В советское время в условиях монопартийной тоталитарной системы из памяти людей старались вычеркнуть всё, что не вписывалось в теорию и практику победно шагающего социализма. Документы, свидетельствующие о трагических событиях нашей истории, бдительно хранились «за семью печатями» и были недоступны для исследователей. Это не позволяло обществу за «парадным фасадом» социализма увидеть реальную картину происходящих в стране событий.

«Оттепель» пробивала себе дорогу медленно, тяжело, часто сменялась заморозками. Только ближе к концу ушедшего XX века ростки памяти, сохранившие самые тяжёлые и скорбные известия, стали выходить на поверхность. Сегодня во всех или почти во всех регионах России изданы или готовятся к изданию книги памяти погибших на фронтах Великой Отечественной войны, книги памяти жертв политических репрессий.

Но существует и ещё один фронт, повседневный, трудовой, где в самых обычных условиях в процессе производства случаются различные катастрофы и аварии, травмируются и гибнут люди. Одной из наиболее опасных отраслей является угольная промышленность. И, видимо, не случайно, первая и пока единственная книга памяти жертв трудового фронта появилась в Кузбассе, крупнейшем угольном бассейне России. Это уникальное издание, подобного ему не было и нет ни в одном субъекте Российской Федерации.

Идея создания «Книги Памяти шахтёров Кузбасса» возникла ещё в период подготовки к празднованию 50-й годовщины победы советского народа над фашистской Германией. Мы обратили свой взор на шахтёров Кузбасса, которые в суровые годы Великой Отечественной войны били врага своим оружием – сверхплановыми эшелонами добытого угля, так необходимого для обороны страны.

Угольная отрасль одна из немногих, где основной процесс производства сопряжен с опасностью: круто-залегающие пласты, работа на большой глубине, в замкнутом пространстве, недостаток кислорода и солнечного света при наличии взрывоопасного газа метана.

В условиях военного времени, испытывая острую нехватку квалифицированных кадров в связи с мобилизацией работников в действующую армию, при участии в угледобыче малоквалифицированных рабочих: женщин – вчерашних – домохозяек, подростков и так называемого спецконтингента – угольная отрасль Кузбасса понесла значительные людские потери. Только с января 1941 года по декабрь 1945 года на шахтах ре-

гиона погибло 2500 шахтёров. А сколько тяжело травмированных и искалеченных горняков при обрушениях кровли и взрывах метана! Только одна катастрофа – взрыв рудничного газа на шахте «Байдаевская», произошедший 15 февраля 1944 года, – оборвала жизнь 120 шахтёров.

Небольшая группа энтузиастов-исследователей, объединившая в своих рядах историков, архивистов, горных инженеров, сумела вернуть Кузбассу имена горняков, отдавших самое дорогое – свою жизнь на трудовом фронте.

Вышло семь томов издания, посвященных определённым периодам развития угольной отрасли Кузбасса. В каждом из них показаны общие тенденции и особенности угледобычи и шахтного строительства в регионе, вскрыты основные причины производственного травматизма шахтёров. И самое главное, каждый том «Книги Памяти шахтеров Кузбасса» содержит поминный список работников угольной промышленности Кузбасса, погибших на производстве.

Выступления на научных конференциях и в средствах массовой информации, поисковая работа в ведомственных и государственных архивах, многочисленные встречи с руководителями шахт и объединений, ветеранами шахтёрского труда и семьями погибших шахтёров, содействие в решении их бытовых и социальных вопросов – таков далеко не полный перечень мероприятий, в которых принимали активное участие члены авторского коллектива. Накоплен определённый опыт поиска, выявления, сбора и анализа информации, полученной из самых различных каналов: от официального акта до личных воспоминаний.

Был создан банк данных на 15 тысяч шахтёров Кузбасса, погибших на угольных предприятиях. В нём содержится полная информация с указанием фамилии, имени, отчества, даты рождения, специальности, должности, участка, шахты, даты и обстоятельств гибели. Разработана оригинальная методика выявления документальных материалов по производственному травматизму шахтёров, позволяющая перекрёстно прове-

рять полученную информацию по разным источникам. Это позволило существенно пополнить информационный банк, включив в него людей, скончавшихся в больницах от травм и увечий, полученных на угольном производстве. Собранная таким образом информация прежде официально нигде не учитывалась.

Результаты поисковой работы, сложившиеся в ходе привлечения дополнительной информации и тщательно проверенные через органы ЗАГС, численно превосходили данные официальной статистики. Так, например, были выявлены имена 87 горняков, погибших в результате взрыва метана на шахте «Байдаевская» 15 февраля 1944 года. Официально значились погибшими только 67 человек. Среди погибших был выявлен гражданин США Уолтер Пелтоннен.

Была составлена хроника крупнейших аварий и катастроф на угольных предприятиях региона, проанализированы причины их возникновения. По воспоминаниям очевидцев уточнены и дополнены многие детали событий. Так, из письма В. В. Чудинова, ранее работавшего в Кузнецком горном управлении в должности горного контролёра по городу Осинники, была получена информация о двух случаях взрыва метана на шахтах этого города в 1954–1955 годах, повлекших за собой гибель людей. В ходе дополнительной поисковой работы были выявлены имена 33 шахтёров, ранее не учтённых в сводном банке данных.

В ходе работы над изданием авторским коллективом были просмотрены десятки тысяч документов, многие из которых хранились в архивах с грифом «совершенно секретно» и были недоступны почти в течение семидесяти лет. Глубокое их изучение проливает свет на многие страницы развития угольной отрасли Кузбасса, особенно на кадровый состав шахтёров, многие из которых под конвоем прибыли на шахты. Это так называемый спецконтингент, объединявший в своих рядах трудопоселенцев – бывших «кулаков», советских немцев, мобилизованных в «трудовую армию», заключённых сибирских лагерей, переданных для работы на угольные предприятия, «окруженцев», репатриан-

тов, после окончания войны вывезенных в Кузбасс из фашистских лагерей, спецпереселенцев, иностранных военнопленных и интернированных лиц.

Весьма неоднороден и разнолик состав погибших шахтеров: русские, украинцы, белорусы, татары, немцы, казахи, таджики, иностранцы, мужчины и женщины, подростки, рабочие, техники, горные инженеры, медики, учёные, люди творческих профессий, по своей и не по своей воле оказавшиеся в шахте. Разные судьбы, приведшие их в забой, планы, мечты, забота о родных и близких – всё это в одночасье обрывается под землёй. Невозможно спокойно говорить и писать об этом. В шахте оборвались жизни Шаповаловой Зинаиды Наумовны и Зиновьевой Анастасии Леонтьевны, которые готовились стать матерями. А сколько было случаев, когда на глазах отца погибает в забое сын. В некоторых семьях не поднялись на-гора сначала отец, затем и сын, бабушка и внук. Недолгой была радость двух сестёр-подростков – Елены и Татьяны, прибывших по мобилизации в «трудармию» на шахту «Полысаевская». Здесь они встретили свою маму, Элеонору Карловну Гольмгрей, мобилизованную ранее. А две недели спустя мама погибла в шахте. А сколько трудностей легло на плечи жительницы г. Осинники Н. Ф. Деймановой, у которой в шахте погибли отец и муж!

Не было тогда в Кузбассе проблемы шахтёрских вдов и сирот. Нельзя было писать и говорить о тех, кто погиб в горных завалах и задохнулся от недостатка кислорода в недрах земли, кто обгорел в подземных пожарах и скончался в больнице от тяжёлых увечий. Даже некрологов не было в печати. Имела место и практика сокрытия на производстве несчастных случаев со смертельным исходом во избежание должного наказания виновных или в целях сохранения высоких производственных показателей. Укором обществу молча стояли всеми заброшенные и заросшие бурьяном обелиски, когда-то воздвигнутые на братских могилах шахтёров. Только сюда за поддержкой и советом могли прийти шахтёрские вдовы и дети. Ни в одном городе Кузбасса не было памятника, воздвигнутого в честь шахтёров, погибших на угольном производстве.

Появление первого тома «Книги Памяти шахтёров Кузбасса» в 1995 году нашло широкий отклик среди общественности региона. Авторы данного издания одними из первых в области подняли вопрос о необходимости сооружения памятника жертвам угольного фронта. Это было в апреле 1996 года. Сегодня наша общественность обратила внимание на нравственно-этическую сторону истории Кузбасса. В каждом шахтёрском городе есть часовня, воздвигнутая в память о погибших шахтёрах. Каждый желающий, независимо от вероисповедания, может войти туда, зажечь и поставить свечу, помянув своих родных и близких.

В нескольких городах воздвигнуты мемориальные комплексы в память о погибших горняках. Летом 2001 года в Междуреченске открылся памятник погибшим горнякам. Теперь все важнейшие мероприятия горожане отмечают на площади возле этого памятника. В прошлом году воздвигнута стела и открыта площадь с фонтаном в честь погибших шахтёров в Киселёвске. В августе 2003 года в Кемерове, в районе музея «Красная Горка», где в двадцатые годы было положено начало Кемеровского рудника, воздвигнут монумент «Память шахтёрам Кузбасса», выполненный всемирно признанным скульптором Эрнстом Неизвестным.

Помнят о своих погибших товарищах и на угольных предприятиях. Например, на шахте «Зиминка» у здания административно-бытового комбината воздвигнута стела, на которой высечены имена всех работников шахты, погибших в её недрах.

Изменилось и отношение к семьям погибших шахтёров. Они взяты на особый учёт, им ежемесячно оказывается материальная помощь. Во время каникул дети погибших шахтёров отдыхают в Греции, Болгарии, на черноморском побережье Кавказа, в Белокурихе и местных санаториях. В угольной компании «Кузбассразрезуголь» ежемесячно выплачивают пособия детям погибших работников в размере 2,5 тысячи рублей до наступления совершеннолетия.

Несколько лет плодотворно работает в Кузбассе общественный фонд «Шахтёрская память», созданный

по инициативе талантливого организатора угольной промышленности Кузбасса Героя Социалистического Труда В. П. Романова и оказывающий посильную материальную помощь семьям погибших шахтёров.

Однако остаются проблемы: льготное медицинское обслуживание, частичная оплата коммунальных услуг за тепло, проезд в транспорте, бюджетное обучение в техникумах и вузах. Это вынудило создать общественные организации вдов погибших шахтёров. Такие организации есть в Киселёвске и Ленинске-Кузнецком. В законодательстве Кемеровской области нет статей, предусматривающих решение этих вопросов, их рассмотрение – святой долг наших народных избранников.

Факт издания «Книги Памяти шахтёров Кузбасса» для ныне живущих и будущих поколений имеет огромную ценность. Работа авторского коллектива получила большой резонанс не только в Кузбассе, но и далеко за его пределами. В его адрес поступает огромное количество писем, фотографий, стихов и воспоминаний родственников, ветеранов труда и очевидцев событий. К поисковой работе подключились учащиеся прокопьевских школ № 18 и 25, которые под руководством своих учителей провели большую работу по выявлению семей погибших горняков в своих микрорайонах. Огромную помощь оказали работники отделов кадров шахт и ЗАГСов, профсоюзных комитетов и ведомственных архивов.

Духовенство области в лице Владыки Сафрония провело духовную презентацию «Книги Памяти...» и приняло решение поместить вышедшие и последующие тома на специальный постамент в часовне в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» в Кемерове. Достоянное место заняла «Книга Памяти шахтёров Кузбасса» в центре экспозиции, посвященной труженикам тыла, в Москве в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе. Высокую оценку этому уникальному изданию дал министр по чрезвычайным ситуациям России С. К. Шойгу. Сегодня оно стало достоянием многих угольных регионов

СНГ: Украины, Казахстана, Грузии. Заинтересовались методикой подготовки и поиска информации нефтяники Тюмени, энергетики и работники лесной промышленности Красноярского края.

На международных и региональных научных конференциях подчеркнута значимость издания для духовного возрождения страны. Это пример плодотворного сотрудничества ученых трёх кузбасских вузов: КузГТУ, КемГУ, КемТИППа. «Книга Памяти...» сегодня активно используется и в качестве учебного пособия при подготовке кадров для угольной промышленности.

Традиционными стали ежегодные отчёты авторского коллектива перед жителями шахтёрских городов Кузбасса, идёт разговор о работе над книгой, о новых документах и находках, о свидетельствах очевидцев событий. Добрым словом люди вспоминают тех руководителей и спонсоров, которые помогали издать книгу. Семьям и родственникам безвозмездно вручаются очередные тома на вечное хранение.

К сожалению, скорбные списки «Книги Памяти...» пополняются новыми именами. Издание требует продолжения. У этой книги не видно конца. Кузбасс насыщен и другими отраслями промышленности, условия труда в которых содержат потенциальную опасность. Горнорудная, химическая, металлургическая, оборонная и некоторые другие отрасли имеют все основания для подобных изданий. Представители этих отраслей, безвременно ушедшие из жизни, достойны, как и шахтёры, остаться в памяти потомков. Не пора ли создать Книгу памяти работников промышленности Кузбасса, погибших на производстве? Необходимо создать постоянный центр и стабильный коллектив, который будет в состоянии продолжить это нелёгкое дело.

Губернатор Кемеровской области Аман Гумирович Тулеев постоянно подчёркивает в своих выступлениях, что самое большое богатство Кузбасса – его люди. Эти люди создают славу Кузбассу, несут на своих плечах всю тяжесть труда в его базовых отраслях. Они достойны не только высоких наград, но и сохранения в памяти потомков.

И. Ю. УСКОВ,
кандидат исторических наук

ДИНАСТИЯ

Шахтерская династия Усковых начинается в годы первой пятилетки, когда «был заложен фундамент шахтного фонда Кузбасса»¹. В 1930 году в г. Ленинске-Кузнецком была заложена шахта «Капитальная» № 2 (с 1935 г. – им. Кирова). Среди первых ее рабочих были братья Семен и Иван Усковы, основатели династии, которая насчитывает уже четыре поколения (общий шахтерский стаж семьи перевалил уже два столетия!). Отец братьев – Кузьма Григорьевич Усков (1883 г. р.) – потомок ясажных крестьян села Мордовский Карай Балашовского уезда Саратовской губернии. В годы столыпинской аграрной реформы Кузьма Григорьевич прибыл в деревню Тараданово (сейчас – Крапивинского района), но вскоре был призван в действующую армию и погиб на полях сражений Первой мировой войны².

Семен Кузьмич (1904–1954) отработал забойщиком на шахте почти 20 лет, до апреля 1949 года, когда по инвалидности ушел на пенсию. Иван Кузьмич (1905–1979) работал навалотбойщиком, от него шахтерскую профессию унаследовали два сына: Леонид Иванович (1947 г. р.) – горнорабочий очистного забоя и Иван Иванович (1952–1982) – установщик³.

В 1960–70-е годы при активном участии кузбасских горняков создавалась угольная промышленность Монголии. Среди кузбасских специалистов, выполнявших интернациональный долг, был сын Семена Кузьмича – Иван Семенович Усков (1928–1987), тридцать восемь лет проработавший на шахте электрослесарем. Его спутница жизни – Анна Александровна (1931–1989), дочь еще одного горняка с «Кировки» – Александра Павловича Жукова (1913–1953), кавалера ордена Трудового Красного Знамени. Иван Семенович и Анна Александровна воспитали восьмерых

детей⁴, в том числе сыновей Александра, Юрия, Владимира, Василия, Владислава, Евгения, пришедших на смену Ивану Семеновичу на шахте им. Кирова.

Двух старших уже нет с нами, в том числе моего отца – Юрия Ивановича Ускова (11.11.1956 – 02.03.2002). До сих пор сердце не может привыкнуть к мысли, что отца нет с нами. Ну почему лишь после ухода близких начинаешь понимать их значимость в твоей жизни? В последние год-два мы не часто общались с отцом. Реалии современного российского общества, когда необходимо работать 24 часа в сутки, чтобы прокормить семью. А отец так и не смог приспособиться к своему новому статусу – пенсионера. Слишком дорогой ценой досталось ему звание «Ветеран труда». Коварная болезнь уже начала свою разрушительную деятельность.

Тяжел труд шахтера – всем известна эта истина. Но, наверняка, не каждый может представить себе, насколько это тяжелый труд. Приведем выдержку из «Санитарно-гигиенической характеристики условий труда бывшего ГРОЗ 5 разряда...»:

«В обязанности ГРОЗ входят работы по передвижке секций мех. крепи, передвижке лавного конвейера, крепление верхнего и нижнего сопряжений с установкой деревянных стоек, бурение шпуров для взятия ниш БВР, укорочение скребкового конвейера и перенос инвентарной крепи на конвейерном штреке, ручная чистка почвы забоя и выгрузка горной массы на конвейер, доставка лесоматериалов по прилегающим к лаве выработкам и по лаве.

Все указанные работы связаны с подъемом, в основном с уровня пола, удержанием, переносом значительных по весу грузов (металлические

верхняки – 92,4 кг, гидравлические стойки – 70 кг, решетки – 70 кг, деревянные стойки – 30–40 кг и т. д.). Выполнение работ осуществляется в неудобных, вынужденных позах (в наклоне на короточках, на коленях), с выполнением значительного количества наклонов (большинство с грузом)...

Бурение шпуров (до 10 шпуров по 1,8 м каждый) осуществлялось электросверлом ЭР-18 без принудительной подачи (вес сверла вместе со штангой 24 кг). Бурение шпуров осуществляется под углом и в горизонтальной плоскости.

Выгрузка отпаленного угля общим весом около 3,5–4,5 тонны осуществляется лопатой (вес каждой лопаты с учетом длинномерности рычага – до 15 кг). Выполнение данной операции осуществляли 2 ГРОЗ. Перебрасывание угля на конвейер чередуется с операцией по разбивке «негабаритов» с помощью кувалды (вес 5 кг). Весь процесс выгрузки отпаленного угля осуществляется в неудобной рабочей позе, согнувшись на угол до 35 градусов, при разбивке негабаритов еще и с совершением двойного наклона до 60–70 градусов в момент совершения удара.

За смену устанавливалось до 20 деревянных стоек органной крепи. Данные работы сопровождаются переносом на плече деревянных стоек (вес 30–40 кг) на 20–30 метров, оформлением прямиков с помощью кайла, лопаты, запиливанием, подрубанием стоек топором, забивкой стоек кувалдой и их расклиниванием. Работы выполняются в неудобной позе, согнувшись до 35 градусов, с наклоном вбок с запрокинутой головой.

Работы по укреплению кровли конвейерного штрека велись путем установки металлических гидростоек по 4 штуки на квадратный метр. За смену устанавливалось до 16 гидростоек. Указанные работы сопровождалось подъемом гидростоек (вес 70 кг) с уровня почвы и их переносом на расстояние до 20 м...

Из сопутствующих вредных производственных факторов следует отметить неблагоприятный микроклимат шахт. Микроклимат шахт охлажда-

ющий, характеризуется сочетанным воздействием на организм работающих низких положительных температур, высокой влажности и скорости движения воздуха. Микроклиматические условия постоянны для зимы и лета. Температура воздуха 9–3 °С, относительная влажность 95–99 %, скорость движения воздуха на рабочих местах 0,5–0,8 м/сек, в магистральных выработках 1,5–2,0 м/сек (фактическая температура воздуха в забое ниже допустимой на 7–11 °С. Кроме того, работающие подвергаются воздействию повышенных уровней пром. аэрозолей, производственного шума, химических веществ (окись углерода и окислы азота)...

Юрий Иванович имел 22 года трудового подземного стажа, проработав в том числе 17 лет на шахте «Бутовская» и полтора года (до июня 2000 г.) на шахте им. Волкова.

В результате физических перегрузок в сочетании с воздействием локальной вибрации у шахтеров развиваются профессиональные заболевания. Нервно-эмоциональные перегрузки вызывают возникновение злокачественных опухолей. От них умерли и Семен Кузьмич, и Иван Семенович, и Юрий Иванович (дед, отец, сын!). Дорогой ценой достается «черное золото» Кузбасса.

Тем не менее уже четвертое поколение династии трудится на шахте им. Кирова. Сыновья Александра Ивановича Ускова – Александр и Сергей – после службы в армии пришли на «семейное предприятие». Шахтерская династия Усковых – это все-рьез и надолго!

¹ Угольная промышленность Кузбасса. 1721–1996. Кемерово, 1997. С. 56.

² Государственный архив Саратовской области. Ф. 367, оп. 2, д. 221, л. 355об.; Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. д-60, оп. 6, д. 13, л. 65об., д. 265, л. 38 об.

³ Востриков А. Шахта им. С. М. Кирова. Кемерово, 1984. С. 133.

⁴ Анна Александровна Ускова награждена орденом «Материнская слава» III степени. – ГАКО. Ф. р-790, оп. 10, д. 480, л. 4.

- Усков Иван Семёнович (1965 год)
- Усков Юрий Иванович в забое шахты «Бутовская»
- Ускова (Жукова) Анна Александровна в кругу семьи (конец семидесятых)
- Усков Юрий Иванович на Красной Горке (1982 год)

Петр ДОРОФЕЕВ

НАШИ ЗЕМЛЯКИ В СТОЛИЦЕ

Мой сосед по дому редактор журнала «Красная Горка» Геннадий Евлампиевич Юров на днях порадовал приятной вестью – в Москве вышел второй сборник воспоминаний «Земляки. Кузбасс в нашей судьбе».

Редактором-составителем как первой, так и второй книги является хорошо известный в области и почитаемый в журналистских и писательских кругах в прошлом редактор областной газеты «Кузбасс», а затем заместитель главного редактора союзной газеты «Социалистическая индустрия» Николай Яковлевич Троицкий. Геннадий Евлампиевич не стал тянуть с удовлетворением моего жадного любопытства – где взять эту книгу? – и передал присланный ему из Москвы единственный, дарственный, экземпляр.

Мне не раз приходилось слышать от Г. Е. Юрова о благотворном влиянии редактора областной газеты на судьбы многих журналистов. Да я и сам прекрасно знал этого неординарного человека – на первый взгляд строгого, суховатого, но вместе с тем наделенного сердечной добротой, внимательного к людям, к собратям по перу, товарищам по работе. Незабываемым, ярким воспоминанием осталось первое знакомство с Николаем Яковлевичем в 1951 году, когда он, будучи редактором газеты «Комсомолец Кузбасса», неожиданно приехал в комитет комсомола шахты «Байдаевская», где я работал комсоргом, в течение дня понаблюдав за нашей обыденной жизнью с ее молодежными проблемами и заботами, а спустя две недели в большой статье пристрастно рассказал об увиденном.

С огромным интересом, на едином дыхании я прочел эту новую книгу воспоминаний кузбассовцев, ныне живущих в Москве, отдавших много сил и энергии становлению нашего индустриального края. Примечательно, что книга вышла в год юбилея области. Редактор-составитель Н. Я. Троицкий начал книгу такими словами: «Эта книга – своеобразный отчет старшего поколения кузбассовцев, ныне москвичей, к 60-летию Кемеровской области. Отчет и наказ тем, кто пришел на смену: берегите, приумножайте и совершенствуйте то, что создано нами, не повторяйте наших ошибок, любите и украшайте родную Землю Кузнецкую».

Первое впечатление от прочитанной книги – чувство глубокой благодарности редактору-составителю и всем 25 авторам, людям самых разных профессий и служебного положения в прошлом, рассказавшим искренне, с удивительной теплотой и сердечностью о незабываемых, преимущественно молодых годах работы в Кузбассе, неисчерпаемой силе духа, дерзании в осуществлении самых светлых надежд и планов строительства новой жизни.

В числе авторов – выдающиеся хозяйственные и партийные деятели сороковых-пятидесятых годов: Александр Николаевич Задемидко, работавший председателем Кузбасского совнархоза и министром угольной промышленности СССР, Евгений Зотович Разумов – один из самых ярких партийных деятелей Кузбасса, более десяти лет работавший вторым секретарем обкома КПСС, бывшие первые секретари горкомов, райкомов партии Михаил Никифорович Коваленко, Леонид Георгиевич Голосов, Николай Петрович Смоленчук, Людмила Леонидовна Савицкая, крупные хозяйственники – бывший министр угольной промышленности СССР Михаил Иванович Щадов, директора Запсиба и Гурьевского металлургического завода Борис Иннокентьевич Ашпин и Владимир Тимофеевич Полуэктов. Вместе с ними в качестве авторов выступают простые труженики, работники государственных учреждений, военные и совсем молодые люди, преклоняющие голову перед величием дел, совершенных старшим поколением.

Книга наших земляков в Москве по характеру воспоминаний, эмоциональной окраске описания тех или иных событий прошлого удивительным образом дополняет недавно вышедшую в области книгу «Кемерово

60–80-х годов. Это нашей истории строки», составителями которой являются Георгий Васильевич Корницкий и Вениамин Михайлович Чурпита. Дополняет освещением более ранней истории нашего края, начиная с довоенных лет и раскрывая наиболее полно картину созидательного труда в сороковые-пятидесятые годы.

Нельзя без волнения читать строки воспоминаний Александра Николаевича Задемидко о смутном периоде репрессий 1937 года, о его смелом мужественном поступке, когда он, снятый с должности управляющего трестом «Сталинуголь» в Прокопьевске за несогласие с развернувшимися арестами безвинных людей, выступил на партийно-хозяйственном активе в Новосибирске, жестко критикуя проводимую политику. Он говорил: «То, что происходит в Кузбассе, является дискриминацией, избиением, травлей советской технической интеллигенции».

На этом активе присутствовал заместитель председателя комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) Матвей Федорович Шкирятов, который в своем выступлении поддержал нашего земляка. Комиссия по рассмотрению этих карательных дел установила наличие крупных извращений в работе с руководящими и партийными кадрами. Были отстранены от работы первый и второй секретари Новосибирского обкома партии, начальник областного НКВД, председатель облисполкома и ряд других виновников репрессий.

С особым интересом читаются воспоминания Евгения Зотовича Разумова, человека широчайшей эрудиции, аналитического ума, твердой воли и организаторского таланта. Он для всех нас, молодых комсомольских и партийных руководителей того периода, был образцом деловитости, партийности, принципиальности, мастером слова и дела. Трогает его чистосердечное откровение и сожаление о том, что в свое время не пресекал инициативу местных «вождей» по строительству дач, а также комфортабельных гостиничных комплексов с саунами и плавательными бассейнами для приема высоких гостей из Москвы и зарубежья. Надо сказать, в среде партийных руководителей на местах не все однозначно воспринимали эти «купеческие» замахы, бывали и робкие возражения, но решительно противостоять нарастающим по всей стране нескромным тенденциям не хватало духу.

Живые, яркие зарисовки Николая Петровича Смоленчука о стиле работы бывшего секретаря Кемеровского горкома и обкома партии Василия Ивановича Карпова произвели на меня большое впечатление. В. И. Карпов был моим кумиром, наставником и учителем в годы комсомольской юности (два года я возглавлял Сталинскую городскую комсомольскую организацию, когда он был первым секретарем горкома партии). Да, Василий Иванович был именно таким — на редкость энергичным, требовательным работником и блестящим оратором. Его доклады и выступления — логически стройные, аргументированные, четкие, перед любой аудиторией — всегда поддерживались громом аплодисментов. Его любили, ему доверяли, и, что греха таить, многим из нас, молодых, очень хотелось хотя бы немножко походить на Карпова.

В каждом воспоминании авторов книги есть тема любви к родному Кузнецкому краю. Здесь проходила их молодость, здесь впервые они осознали величие созидательного труда шахтеров, металлургов, химиков, строителей, тружеников села, воочию увидели подвижническую роль врачей, учителей, работников культуры, почувствовали могучее биение сердца Сибири. Не случайно книга открывается статьей губернатора области Амана Гумировича Тулеева, который в столь трудное и непростое время пытается не только сохранить и возродить все доброе и ценное из того, что было создано прошлыми поколениями, но и достичь новых высот, без которых движение вперед невозможно.

«От всей души, — пишет Аман Гумирович, — благодарю за совместную работу региональную общественную организацию «Землячество Кемеровской области»... Спасибо вам за то, что восстановили в правах само понятие «землячество». Ведь именно это общественное объединение реально связывает малую Родину, где человек родился, вырос, где прошла большая часть его трудовой биографии, с великой Родиной — Россией».

БЕЗ МАЛОГО СОРОК РЕДАКТОРСКИХ ЛЕТ

Они прошли, как промелькнули, в «Комсомольце Кузбасса», «Кузбассе», «Социалистической индустрии». В памяти люди, с которыми работал, встречался, события, факты, эпизоды. Некоторые из них выстроились в эти заметки.

УРОКИ СМОЛОДУ

Первые номера вновь созданной кемеровской областной молодежи делались в одной из комнат «Кузбасса». В старом двухэтажном доме возле кинотеатра «Москва» внизу была типография, на втором этаже — редакция. Сразу за входной дверью вы попадали в атмосферу, насыщенную запахами типографской краски, разогретого машинного масла, расплава литьевого металла; все здание чуть подрагивало, когда грохотали ротационные машины. И через полвека все это живо во мне.

Газеты тогда подписывались «в свет» под утро. Как-то уже за полночь оживился редакционный коридор. Приоткрыл дверь и вижу: к своему кабинету стремительно шагает редактор «Кузбасса» Арсен Арсенович Бабаянц. Пальто нараспашку, встрепанная черная с сединой шевелюра, сверкающие чуть навывкате глаза. Он приехал с заседания бюро обкома партии и отрывисто бросает семенящим за ним работникам секретариата: «Стенографистку! Первую полосу задержите, продиктуйте передовую!» У меня дух захватило: «Вот это да! Я так, наверное, никогда не смогу!»

Свои четыре полосы малого формата мы в неумении, суете и тесноте мусолили всю ночь. Утром приходили на работу технические дамочки из «Кузбасса», с любопытством заглядывали в комсомольскую комнату, брезгливо морщили напудренные носики: на ободранном старом диване сладко спал наш дежурный, его огромные вален-

ки, прикрытые сверху портянками, стояли рядом. Оттиски полос в типографии делали на сырой бумаге специальной щеткой на длинной тяжелой рукоятке. Очередной дежурный, борясь со сном, уронил голову на свежий с жирной краской оттиск, и утром товарищи вовсю хохотали, читая у него на лбу заголовок статьи...

В первом номере «Комсомольца Кузбасса» — 1 февраля 1950 года — опубликовано письмо французской девочки Сталину. В редакцию оно как-то попало из Москвы. Редакционный художник перестарался и изобразил девочку, склонившуюся над письмом, при свече. Редактор почувствовал некоторый перебор со свечой, но в суете первого номера заменить рисунок не удалось, так газета и вышла. Что же касается текста письма, то девочка возлагала на Сталина, на нашу страну надежду на лучшую жизнь, на избавление от нужды. Да что девочка! Мы все, только что вышедшие из страшной войны, надеялись и верили.

В газетной полосе все, что связано со Сталиным — текст, а особенно фото, — вычитывалось и рассматривалось самым тщательным образом всеми: от корректора до редактора. Мы были наслышаны, что снимали с работы и исключали из партии редакторов, если, скажем, на портрете Сталина случайно протискивались с оборота полосы звездочки или точки. Смотрели во все глаза, но как-то «свежая голова» обнаружила в подписанном номере буквенную ошибку: «тЕварищ Сталин». Что делать? Остановили отправку тира-

жа и — не пускать же под нож — всем немногочисленным коллективом с помощью нехитрого приспособления вручную исправляли «е» на «о». Тогда почувствовали, что такое 30 тысяч экземпляров.

Забегая вперед, скажу, что когда принимал газету «Кузбасс» у своего предшественника Ф. Е. Демина, он передал мне большую лупу в черном футляре. Времена уже были другие, и я искренне удивился, зачем она? Он объяснил, что рассматривал оттиски клише: вдруг на «сетке» точки образуют свастику? Лупой я не пользовался, но в свою очередь оставил ее своему преемнику. Возможно, она и сейчас хранится у редактора в столе, а может, в редакционном музее.

Таким образом «охотились за ведьмами» в ту пору не только в редакциях. Как-то в День Военно-Морского Флота в «Комсомольце Кузбасса» напечатали плакат: могучий боевой корабль мчится по морским просторам, рассекая волны. Прошло время, получаем письмо из далекого таежного поселка: куда же вы, такие-сякие, смотрите? Ведь в волнах на вашем рисунке я обнаружил очертания чудовищного зверя — дракона... Ответили на письмо сразу, без дипломатии, по-комсомольски: пить надо меньше, тогда всякая чертовщина не будет мерещиться... Ответ, видимо, автора удовлетворил, жалоб не было.

Запомнился номер «Комсомольца Кузбасса» с сообщением о смерти Сталина. Многие тогда плакали, казалось, жизнь остановится. В таком номере, как нам представлялось, совершенно неуместными были обычные заметки. Решили оставить только две полосы с траурными материалами. Так номер и вышел. Никто на это внимания не обратил, а я потом признался себе, что дал маху. Но что поделаешь, было. И всегда будет в комплекте «Комсомольца Кузбасса» этот половинный траурный номер.

Как сейчас понимаю, ЦК ВЛКСМ в начале пятидесятых годов хорошо занимался молодежными газетами. Многие из них возрождались, другие только создавались. Редакторов приглашали

в Москву на краткосрочные курсы, семинары, совещания. Горячие разговоры и споры шли не только в залах и аудиториях, но и в кулуарах, общежитиях, где, бывало, размещалось в комнате человек по десять.

Многие из тех, кто возглавлял тогда молодежные газеты, стали известными людьми. «Московский комсомолец», например, редактировал А. Субботин, будущий редактор «Московской правды», «Труда», секретарь ВЦСПС, шеф-редактор журнала «Проблемы мира и социализма». Ленинградскую «Смену» смело, с выдумкой делал молодой поэт, переживший блокаду, Ю. Воронов, впоследствии главный редактор «Комсомольской правды», правдист, главный редактор журнала «Знамя», заведующий отделом ЦК КПСС, главный редактор «Литературной газеты». Б. Стукалин начал редактором молодежи в Воронеже, там же редактировал областную партийную газету, был первым заместителем главного редактора «Правды», заведующим отделом ЦК КПСС, на дипломатической работе. Список этот можно было бы продолжить.

Летом 1955 года вызвали в Москву — группа редакторов молодежных газет готовилась к поездке в США. Тогда это было событием, впервые после начала «холодной войны» пытались установить какие-то контакты. Дмитрий Горюнов, главный редактор «Комсомольской правды», возглавлял нашу команду. В ее составе был и Алексей Аджубей, тогда редактор отдела «Комсомолки», то ли будущий, то ли уже состоявшийся зять Хрущева, тот самый «Не имей сто рублей, а женись как Аджубей». Талантливый журналист, он впоследствии как главный редактор сделал из «Известий», скучного казенного официоза, яркую, живую, острую газету. Был и ленинградец Юрий Воронов.

Несколько дней нам рассказывали об Америке, инструктировали. Обнаружилось, что для такой поездки одеты мы, мягко говоря, не лучшим образом. В ЦК ВЛКСМ дали под отчет денег, в ЦУМе купили по два костюма, выбор был

• Конференция журналистов Кузбасса в начале шестидесятых.
В первом ряду слева направо: Пётр Ворошилов, Виталий Банников, Нина Новосадова,
Любовь Чухонцева, Николай Троицкий, Михаил Карпенко, Александр Лисенко

богатый, и опасения насчет униформы не оправдались.

Разъехались по домам, ждем вызова. Но не дождались: принимающая сторона потребовала отпечатки пальцев, не взяла на себя ответственность за нашу безопасность. Так я и не побывал в Америке, а за костюмы долго расплачивался из скромной редакторской зарплаты.

То, что усвоили в молодые редакторские годы, осталось на всю жизнь и выдержало проверку временем. Служить делу, газете, а не кому-нибудь лично. И поступать в интересах дела независимо от того, как к этому отнесется твое начальство. Утвердив себя, партийный комитет доверил тебе вести газету. Вот и веدي, бери всю ответственность на себя. Не бегай согласовывать материалы, иначе уже не ты будешь редактором, а тот, кто одобрил или, чаще всего, забраковал полезную статью.

Главной темой газет было производство, строительство. Главным героем — человек труда. «Кузбасс» постоянно имел выездные редакции, специальные выпуски на важнейших объектах металлургии, большой химии. Руководители строек приравнивали такой «кузбассенок» к сотням монтажников. Эту работу поручали лучшим журналистам, многие из них потом плодотворно трудились в литературе, в центральных газетах — П. Ворошилов, В. Банников, А. Дергачев, А. Никитин, В. Махалов.

Сотрудники выездных редакций были все время с людьми, жили их радостями и болью. И люди видели в газете, в журналистах своих надежных помощников. Как-то под вечер в редакционном коридоре крик, шум: «Да я ни дня больше не буду работать в этой паршивой газете. Это же черт знает что...». Крик и топот приближаются к редакторскому кабинету. Распахивается дверь, врывается раскаленный Саша Никитин. Это потом он стал одним из ведущих публицистов «Литературной газеты». А тогда был молодым литсотрудником в выездной редакции на стройках стройиндустрии. Редактору он сказал все, что думает, и о

газете, и о порядках в редакции, и о редакторе, который неизвестно куда смотрит. Поводом же для столь мощного эмоционального взрыва была ошибка в его очередной корреспонденции: вместо «керамзит» прошло «карамзит». Слово это было тогда новое, можно бы и простить оплошность корректуры. Но Саня бушевал: «Как же я теперь буду людям в глаза смотреть? Что они обо мне подумают?»

При Н. С. Хрущеве редакторов партийных газет стали приглашать на пленумы ЦК КПСС, все-союзные и зональные совещания. Перед одним из таких крупных совещаний в Новосибирске, куда съезжалась вся Сибирь, обком поручил нашей редакции срочно сделать фотоальбом об успехах кукурузоводов области. Успехи, как мы понимали, действительно были. На тучных черноземах в Беловском районе кукуруза вымахала, что твой лес. Там в одном из колхозов и сделал фотокор ударный снимок: председатель верхом на лошади, а кукуруза ему чуть не выше головы. И так далее, целый альбом.

В огромном зале Новосибирского оперного театра все расселись, первый секретарь нашего обкома Л. И. Лубенников ушел в президиум. Послушали зажигательную речь Никиты Сергеевича, выступления. Едем домой, вроде все хорошо, а Лубенников злой-презлой, на редактора косится. Почему? Только через много лет, уже в Москве, он рассказал, как осрамился со злополучным кукурузным альбомом. Во время обеда показал его Хрущеву. Тот посмотрел и вместо похвалы принялся распекать Лубенникова. Ты, мол, решил похвастаться, альбом мне подсунул, а кукурузу у тебя неправильно возделывают...

Тогда уже в обиход вошла формула «Наш дорогой Никита Сергеевич...». Мы в редакции некоторое время упорствовали, избегали ее, но она все-таки прорвалась на газетные страницы сначала в официальных, а потом и в собственных материалах, вызывая недоуменные вопросы о XX съезде, культе личности и непоследовательности,

расхождении слова и дела. Чем дальше, тем заметнее. Обещания не выполнялись, хотя и сделано было немало. Подъем, энтузиазм постепенно сменялись разочарованием, усталостью от задержавших всех реорганизаций. Ничего хорошего не получалось от разделения партийных организаций на промышленные и сельские, от ликвидации сельских райкомов КПСС. Чувствовалась какая-то неуверенность. Ждали перемен.

Никита Сергеевич часто ездил по стране, выступал, мы не успевали печатать речи. Как-то летом звонок: срочно на бюро обкома. Пришел, когда разговор уже начался, а о чем, сразу не пойму. Один говорит, что надо ковровую дорожку к трапу самолета стелить, другой возражает. Оказывается, обсуждали, как встречать Хрущева, из ЦК сообщили, что он прилетит в Кузбасс. Прилетит так прилетит. Определили, что кому делать, разошлись. А к концу дня — отбой, визит отменяется. Огорчаться не стали, после работы зашли с приятелем к нашему товарищу, первому секретарю горкома, он вынул из сейфа и торжественно нам вручил хлеб-соль, приготовленный для высокого гостя. Не пропадать же добру.

В то же лето ждали знаменитых чехословацких путешественников Ганзелку и Зикмунда. Они ехали из Японии по нашей стране. Кузбасс должен был встречать гостей на границе с Красноярским краем. Поручили это Федору Федоровичу Бабичу, председателю областного комитета народного контроля, и мне. В обкоме передали рекомендацию из ЦК: это наши друзья, пусть смотрят, что хотят, не отвлекайте их шумными встречами, оберегайте от репортеров, что мы и старались делать, хотя с учетом сибирского гостеприимства не всегда успешно. Путешественники шутиливо сетовали: едем из страны, где меньше всего едят, через страну, где едят больше всего.

Что прежде всего искали у нас путешественники? Думаю, Иржи Ганзелка пытался выяснить, как в условиях социализма побудить каждого человека трудиться с полной отдачей, беречь народ-

ное добро. Об этом шла речь на встречах и в беседах. Видимо, это он хотел узнать, когда спускался в шахту со знаменитым бригадиром Николаем Кочетковым, когда на угольном разрезе вскакивал в кабину самосвала, чтобы без помех побеседовать с водителем.

Однажды вечером в Новокузнецке вышли подышать на балкон. Ганзелка, возвращаясь все к той же теме, доверительно сказал: «У нас пока не получается, у вас опыта больше, но, чувствую, проблемы те же самые. Золотого памятника при жизни достоин человек, который предложит их решение!»

Кандидат на золотой памятник объявился скоро. Один из кемеровских руководителей, молодой и шустрый, на встрече в заводоуправлении Новокемеровского химкомбината с апломбом заявил, что у нас все давным-давно решено и голова об этом не болит. Ганзелка только вежливо улыбнулся.

Проблемы были и становились все острее. Во время командировки от «Социалистической индустрии» в Челябинск беседуем с секретарем парткома тракторного завода. Он говорит о наблевшем: близко к 40 годам способный инженер становится руководителем цеха, службы и т. д. Имеет уже полный «джентльменский набор» — квартиру, садовый участок, автомашину. А работает без прежнего энтузиазма и инициативы. В чем дело? Шансы для дальнейшего служебного роста уменьшаются по мере того, как высоко ты уже поднялся. Расширить «джентльменский набор» практически невозможно. Как и чем заинтересовать человека, чтобы он сполна отдавал общему делу свой опыт, знания, уйму неизрасходованной энергии?

Множество таких вопросов требовало ответа. Потому так горячо поддерживали люди идею перестройки. Правда, кроме слов-заклинаний «перестройка» и «ускорение» не ясно было, что же практически делать. Помню, как маялся над передовой в «Социалистической индустрии» по итогам

XXVII съезда КПСС, пытаюсь сказать что-то простое и конкретное. А ведь уже было выступление писателя Юрия Бондарева на XXX партконференции, где он сравнил перестройку с самолетом, экипаж которого, поднявшись в воздух, не знает, куда лететь. Но не хотелось в это верить, читал и перечитывал материалы съезда, правил и переписывал передовую. Тщетно. Остались общие положения и призывы. Жизнь скоро показала, что слова писателя-фронтовика были пророческими. Из глубокой ямы, куда залетели, до сих пор никак вылезти не можем.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ФАКТ

У редакций всегда были и будут конфликты по поводу тех или иных критических публикаций. В самых трудных спорах решающий аргумент у газеты — правда, достоверность, абсолютная точность фактов, на которых основаны оценки и выводы. Забота об этом — давняя, добрая традиция нашей печати, ее надо хранить и развивать.

Редактору лучше быть излишне придирчивым при подготовке статьи к печати, чем подставить газету, да и самого автора под удар неточностью, неряшливой формулировкой, небрежной правкой. Чувствую, что впадаю в назидательный тон. Прекрасно знаю также, что чужой опыт не учит, а самые простые истины каждый постигает сам, получая синяки и шишки. И тем не менее не подчеркиваю то, что написал, — это основа основ газетного профессионализма, незыблемости позиции газеты в самой острой схватке.

...Члены бюро, заведующие отделами Кемеровского обкома партии обедали в отдельной комнате обкомовской столовой. За обедом о серьезных делах говорить было не принято. А тут один из членов бюро с раздражением и нажимом заметил, ни к кому прямо не обращаясь: «До каких же пор эти газетчики будут избивать кадры?»

Чего-то подобного можно было ждать, потому что в этот день в «Кузбассе» был опубликован

фельетон о главном враче областной больницы. Хороший врач и организатор, она хозяйничала в больнице как у себя дома, злоупотребляла служебным положением. Написал фельетон старейший фельетонист Павел Бекшанский, прошедший сталинские лагеря, опалу, но сохранивший боевой дух первого поколения советских журналистов, непримиримость к нечистоплотности, своекорыстию.

После первой реплики за столом наступила настороженная тишина. А потом словно побежала искра по бикфордову шнуру. Один сказал, что главврач спасла его жену, другой — что в больнице хороший порядок, третий — что редактору надо советоваться, прежде чем замахиваться на руководителей, и т. д. Все разгораясь, искра дошла до первого, Афанасия Федоровича Ештокина. Но взрыва не произошло. Он только покосился на меня и спросил: «Ну, а что ты молчишь?»

Все сказанное за столом было правдой. Но правдой было и то, что написано в фельетоне. Приводились только те факты, которые были подтверждены документами. И я ответил: «Разговор идет очень серьезный, и вести его надо не за этим, а за другим столом...»

Ждал, конечно, продолжения, но его не последовало. Редакция вскоре получила и опубликовала ответ облздравотдела: факты имели место, главврач от занимаемой должности освобождена.

Не дошло до официального обсуждения и в другом случае. «Социалистическая индустрия» в самую что ни на есть застойную пору опубликовала фельетон Георгия Пороженко о нарушениях и злоупотреблениях на крупном подмосковном комбинате стройматериалов. Задевал фельетон и начальника главка стройматериалов, бывшего министра внутренних дел СССР. Как задевал? Директор комбината оказывал ему личные услуги, не отказывал работникам главка и союзного министерства в дефицитной пленке и линолеуме. Сверху же снисходительно смотрели на нарушения со стороны директора.

Напечатали, ждем ответа. Неожиданный звонок: у заместителя председателя КПК при ЦК КПСС будет рассматриваться жалоба на газету. Хорошо, говорю, придет заведующий отделом. «Нет, — вежливо объясняют, — должен быть ваш главный редактор, но его нет на месте, поэтому ждем вас».

Прихожу. Во главе стола для заседаний — зам. председателя, по одну сторону — автор жалобы, секретарь Московского горкома партии по строительству, еще несколько человек — так сказать, группа обвинения. По другую сторону — два работника КПК, которые проверяли жалобу, представители Московского областного комитета народного контроля и газеты. Группа обвинения выглядела солидно и настроена была весьма агрессивно. Жалобщик, например, пытался доказать, что газета, ни много ни мало, сводит с ним счеты за его прошлую деятельность на посту министра внутренних дел. Секретарь горкома напирал на высокие показатели комбината, организаторские способности его директора и безответственность газеты, придравшейся якобы к пустякам. Звучало все это достаточно грозно. Но оппоненты старательно обходили конкретные факты и главный вывод газеты, ради которого и публиковался фельетон: опасность круговой поруки, в которую втянуты и руководители предприятия, и те, кто над ними, кто должен их проверять. Об этом я и сказал, да привел еще несколько фактов, которые в фельетон не вошли.

Ждем слова работников КПК. Читают справку: факты подтвердились, но газета рассказала об этом в развязной форме. На душе отлегло, спор же о законах жанра не для этой аудитории. Подводя итоги, председательствующий спросил, настаивает ли кто-то на обсуждении вопроса на заседании КПК. Таких не оказалось. А чем бы все это кончилось, окажись хоть один кирпичик в здании фельетона ненадежным? Директора вскоре

наказали в партийном порядке, обстановка в коллективе разрядилась.

Событием в стране были пленумы ЦК КПСС, особенно октябрьский 1964 года, когда сместили Н. С. Хрущева. Конец волюнтаризму. Коллегиальность руководства, научный подход — столбовая дорога к успеху. Кстати, в хрущевские времена, когда действовали две партийные организации, редактор областной газеты был между двумя обкомами, как пленник между двумя берегами у половцев. С началом нового периода и связаны два любопытных эпизода.

Обкомы готовились наконец-то объединяться, и председателем оргбюро был назначен первый сельский, член ЦК Л. И. Лубенников. А промышленный обком пока возглавлял А. Ф. Ештокин. В партийных организациях тем временем начались отчеты и выборы, и Лубенников предложил нам посвятить этому событию передовую. И не только предложил, но и, к радости редактора, сам ее написал, да живо, остро, с настроением.

Передовая ушла в набор, а я поехал в командировку в Гурьевск. Утром, как только пришел на металлургический завод, телефонный звонок из обкома. Что стряслось? Взял трубку, слышу голос помощника первого — промышленного: «Сейчас будете говорить с Афанасием Федоровичем». И здесь, впервые за годы совместной работы, получаю разнос. «Что за передовую вы напечатали? И то в ней не так и это не эдак. Да читал ли ты ее сам? Ах, читал! Какой же ты тогда редактор!». И после паузы: «Кто писал передовую?» В начале разговора, признаюсь, струхнул. А тут смех взял: нет, не разорвали редактора меж двух берез, значит, сто лет проживу. Назвал автора. Теперь пауза была более продолжительной. И в заключение я услышал: «Ну и что, что Лубенников? Ты же редактор...».

Потом выяснилось, что отчеты раньше начались в городах, и все негативные примеры приво-

дились в передовой из промышленной организации. Но скоро двоевластие кончилось. Лубенникова отозвали в Москву, первым секретарем единой парторганизации Кузбасса стал Ештокин, умный, мудрый человек, оставивший в области добрый след.

Настроение в ту пору было приподнятое, верили, что пришел конец говорильне, показухе, началось дело. А тут звонит собственный корреспондент «Кузбасса» из Киселевска: выступления на городской партконференции здесь по-прежнему предварительно редактируют, а некоторые и писали в горкоме. Открыл это собкор случайно. Объявили приготовиться к выступлению знатному шахтеру, а когда дали слово, он на трибуну не вышел. Пригласили следующего оратора, на заминку никто внимания не обратил. Кроме собкора. Он в перерыве отыскал шахтера. Оказалось, что тот надел другой костюм, и тетрадка с написанным в горкоме текстом осталась дома. Решили так все в отчете и написать. Когда стенографистки расшифровали текст, еще раз с автором прошлись по всем фактам, деталям — вроде все надежно. Напечатали. И разразился скандал.

Дошло дело до бюро. Первый секретарь горкома, молодой, энергичный и толковый, так доложил, что члены бюро, судя по репликам, вознамерились обсуждать не горком, а этих самых журналистов, бросивших тень, и т. д. Хотя ни секретарь горкома, ни готовивший вопрос отдел обкома не опровергли ни одного факта в публикации. Почему же, спрашиваю, товарищи не согласны с принципиальной оценкой этих фактов газетой? И в подкрепление вручил первому секретарю обкома книжку, которую получили делегаты городской конференции. В ней, на многих страницах, с иллюстрациями, — сплошная похвальба. Наверное, эта книжка стала последней каплей. Обсуждали потом все-таки горком, публикацию газеты признали правильной.

Сила инерции очень велика. Тогда мы активно хотели, чтобы все тут же переменялось. А через четверть века, уже в пору перестройки, «Социалистическая индустрия» опубликовала отчет с одной из областных партийных конференций и все о том же: в обкоме предварительно читали и правили выступления делегатов.

Всем, кто работал в центральных газетах, хорошо известен Круглый зал на пятом этаже десятого подъезда ЦК КПСС. Главные редакторы или их заместители приходили сюда на инструктивные совещания. Зал оживал, когда говорилось о каких-то промахах и ошибках в тех или иных изданиях. Угодила и «Социалистическая индустрия» однажды под горячую руку, причем по самому неожиданному поводу.

Шел чемпионат Европы по фигурному катанию, и мы были очень довольны, что информацию о соревнованиях в нашу газету передавали по телефону знаменитые чемпионы И. Роднина и А. Уланов. Все шло хорошо, пока однажды в редакцию не пришли... отцы наших корреспондентов — небольшой, подвижный — Родниной (Ирина на него очень похожа) и суховатый, подтянутый, в офицерской форме — Уланова. Суть взволнованного, горячего разговора свелась к тому, что редакция чуть ли не крест поставила на спортивной карьере их детей: в одной из информации содержится замечание судьям за необъективную оценку выступления наших танцоров. А судьи все меж собой связаны, и теперь наших детей на чемпионате мира обязательно засудят. Пытались успокоить отцов, объясняли, что они переоценивают авторитет и влияние «Социалистической индустрии» в мире фигурного катания, но все напрасно. Отцы были непримиримы и грозили пожаловаться на самый верх.

На всякий случай попросили отдел информации, чтобы впредь чемпионы в своих заметках судей не критиковали. Считали, что забавный ин-

цидент, позволивший познакомиться с отцами чемпионов, исчерпан. И вдруг на совещании в Круглом зале один из руководителей отдела пропаганды А. Н. Яковлев, будущий «архитектор перестройки», обрушивает на «Социалистическую индустрию» град упреков и обвинений и в некомпетентности, и в фальсификации — якобы Роднина и Уланов прислали кому-то телеграмму, что они судей не критиковали, это им приписали в редакции — вплоть до того, что, если руководители газеты ничего не смыслят, найдем других. В духе, так сказать, Мыларщикова. Люди старшего поколения помнят такого зав. отделом сельского хозяйства ЦК КПСС при Хрущеве. Это имя стало олицетворением грубости и хамства. Мне тоже пришлось его однажды слушать. На многолюдном совещании докладывал председатель Кемеровского облисполкома, а Мыларщиков то и дело прерывал его издевательскими репликами вроде: «И зайца учат спички зажигать, а вы...»

Но дело не только в грубой форме замечаний на совещании в Круглом зале. Никто предварительно мнением редакции не интересовался, объяснений не просил. И до сих пор неизвестно, была ли телеграмма, кто и кому ее прислал. Но все хорошо знают, что никто наших авторов-фигуристов не засудил, и они завоевали все золото мира. Ирина потом многие годы была спортивным обозревателем «Социалистической индустрии».

С грубостью, командованием, а то и открытым произволом сталкиваться приходилось нередко. Случился у редакции «Социалистической индустрии» конфликт с Донецким обкомом партии. Поводом была заметка о расправе с молодым коммунистом, способным ученым из местного университета. Обком ответил опровержением в резкой категоричной форме. Как быть? Решили еще раз вместе с обкомом разобраться. Выпало это на мою долю. Перед командировкой побывал в Комитете партийного контроля, который также занимался этой историей, в орготделе ЦК познакомился с протоколами бюро обкома. Заметил,

что донецкие товарищи, мягко говоря, не почищают партийный устав, попирают права коммуниста. Это полностью подтвердилось после многочисленных встреч и бесед, которые по договоренности со вторым секретарем обкома проводили вместе с председателем местной парткомиссии. Чего стоило, например, постановление бюро обкома, на основании которого было написано опровержение в газету. Герой заметки к тому времени уже снялся с учета, работал в соседней области. Но это не помешало бюро, в его отсутствие, записать, что именно он виновен в нарушениях и злоупотреблениях. И тут же поручение прокурору области: разобраться и привлечь виновных к ответственности. А чего разбираться, если бюро обкома строчкой выше назвало виноватого? Дело это было сложное, не скажу, что удалось все до конца распутать. Но для вывода, что обкому надо не опровергать, а, наоборот, восстанавливать справедливость, были все основания. Об этом и шел нелегкий заключительный разговор в обкоме. Условились, что они присылают в редакцию другой ответ, отражающий результаты совместного разбирательства.

Ждем-пождем — нет обещанного ответа. Как-то, когда я был у главного редактора В. Н. Голубева, раздался звонок по междугородному аппарату «ВЧ». Главный слушал, пытался что-то сказать, но тщетно, хотя обычно за словом в карман не лез. Положив трубку, явно расстроенный, сказал, что звонил первый из Донецка, и, как я понял, самое вежливое из сказанного было, дескать, зачем мы прислали какого-то писаку ревизовать деятельность обкома. Ничего пересматривать обком не будет и в ЦК доложит. И если бы он, первый, в ту пору не отсутствовал, он бы этого писаку...

Успокоить главного я мог только советом подождать официального ответа: одно дело кричать и ругаться по телефону и совсем другое — подписать документ. Так и получилось. Вскоре пришел ответ, который не стыдно было напечатать.

ЖИЗНЬ ВСЕ РАССТАВЛЯЕТ ПО МЕСТАМ

Редакторский хлеб тяжел. Но к постоянной ответственности, напряжению, ночным бдениям привыкаешь, не замечаешь их, когда вокруг бурлит жизнь, а газета идет с ней в ногу. Но бывали трудные времена, когда в редакции тоскливо и газета не радует. Так было на закате Н. С. Хрущева, так было, но куда дольше и глубже, в последние годы Л. И. Брежнева.

Один незначительный вроде эпизод для меня стал сигналом: так быть больше не может! Дежурная служба работала в цехе над вторым, московским, выпуском «Социалистической индустрии». Делать его пришлось в связи с очередным вручением наград. Ближе к полуночи подписали первую полосу, ждем «сигнала», и вдруг «свежая голова» говорит: «Как же так, на снимке пять награжденных, в тексте Брежнев каждому из них по абзацу посвятил, а в начале сказано, что приятно вручить награды четырем товарищам, которых знает и уважает наш народ». Одним из награжденных, кстати, был М. С. Горбачев.

Посмотрели — все так. Ничуть не сомневаясь, что это техническая ошибка, попросил вернуть полосу, поправил «четырем» на «пяти». Но когда уже уходили из цеха, технорук многозначительно заметил, что другие газеты первую полосу не возвращали. Я сначала не придавал этому значения, а по дороге домой засомневался — все-таки выступление генсека, может, есть в этой «четверке» высший смысл? Может, кто-то, пятый, и не очень уважаем в народе? Сейчас эти сомнения вызывают улыбку. Но кто был редактором, поймет.

Утром первым делом вынул из почтового ящика «Правду» — «четырем». Приехал в редакцию, рассказал Голубеву, посмотрели все газеты — везде «четырем». «Надо звонить в ЦК», — говорит главный. Нужный номер «кремлевки» не ответил, я ушел к себе. Сiju, а в голове — пять — четыре. Через некоторое время звонит главный, просит зайти. Молча протягивает телетайпную ленту с

поправкой ТАСС к вчерашнему сообщению о вручении наград: в такой-то строке вместо «четырем» писать «группе».

Да, чем хуже шли дела, тем больше было награждений, сообщения о них примелькались. Сам вручающий, с трудом одолевая заранее подготовленный текст, прочитал «четырем», хотя перед ним было пятеро... Как говорится, дальше ехать некуда!

Такое же ощущение возникло и в конце правления Горбачева, но по другому поводу. Он в очередной раз пригласил руководителей средств массовой информации к себе, в зал заседаний Секретариата ЦК. Главный редактор был в отъезде, позвали меня. Генсек был говорлив, но давние приятные впечатления от его речей без бумажки уже стерлись, многословие раздражало, что делать, чувствовалось, он и сам не знает. А тут популярный еженедельник опубликовал итоги опроса, для Горбачева весьма неприятные. Он спросил, есть ли в зале главный редактор этой газеты, а когда тот отозвался, жестко, с нажимом посоветовал ему подать в отставку. Зал притих. Наверное, не только у меня мелькнула мысль: «Если отставка не состоится, конец безграничной власти генсека». Тот главный редактор, кажется, работает до сих пор.

Не буду анализировать и оценивать «Социалистическую индустрию» за последние пять перестроечных лет. Не с руки это мне. Скажу только, что была она не хуже других газет и несла на себе все противоречия и сложности того переломного времени.

Какой бы вышла «Социалистическая индустрия» из затянувшейся митинговой перестроечной эйфории, гадать не стоит. Ее последний № 6191 датирован 31 декабря 1989 года. Эстафету, правда, не сразу приняла «Рабочая трибуна», «Трибуна». Растет ее современное здание, фундамент прочный: два десятилетия «Социалистической индустрии». Жизнь продолжается, все расставляет по местам.

• Шахтёры. Рисунок Александра Капорушкина

НАША ХРЕСТОМАТИЯ

Рубрику ведет кандидат исторических наук,
профессор **Е. А. КРИВОШЕЕВА.**

Деятельность АИК «Кузбасс» оставила значительный след в отечественной и мировой литературе, дав образцы публицистических произведений, авторами и героями которых стали известные в истории люди. Мы продолжаем знакомство с этими произведениями на страницах альманаха. В третьем выпуске вы могли прочесть рассказ Теодора Драйзера «Эрнига». В этом выпуске предлагаем главы очерка Анатолия Луначарского, посвященные Кемерову.

ЛУНАЧАРСКИЙ АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1875–1933)

Государственный и партийный деятель, академик. С 1917 года нарком просвещения.

В 1928 году А. В. Луначарский посетил несколько районов Сибири. Такие поездки периодически предпринимали государственные деятели. Обычно они совершались или в особо сложные периоды, или в связи с решением важных проблем в социально-экономическом развитии Сибири. А. В. Луначарский в качестве наркома просвещения впервые посетил Сибирь в 1923 году, когда остро стоял вопрос о состоянии культуры и просвещения. Дело в том, что по решению правительства в 1922–1923 годах половина расходов на просвещение и культуру была возложена на местные бюджеты. Это вызвало резкое уменьшение количества школ и учреждений культуры.

Вторая поездка в 1928 году была связана не только с заботами о просвещении и культуре, но и с перспективным экономическим развитием Кузбасса. Луначарский отметил резкое улучшение системы образования, обратив особое внимание на развитие школ, укрепление их связи с производством, создание и совершенствование системы фабрично-заводского обучения. Однако в оценке экономического развития Сибири и Кузбасса он весьма субъективен. В заметках Луначарский неоднозначно высказывается об урало-кузнецкой проблеме, о строительстве в Кузбассе металлургического завода.

МЕСЯЦ ПО СИБИРИ

г. 1928

ЩЕГЛОВСК — КЕМЕРОВО (КУЗБАСС)

Кузбасс, Кузнецкий угольный бассейн — сокровище Сибири. Он представляет собою огромный пласт угля, мощность которого, в сущности, почти совсем не исследована. Возможно, что она превышает те размеры, в которых нам представляется. Но уже в этих размерах кузбасские угольные залежи являются одними из самых больших среди всех известных пластов мира и могут конкурировать с основными английскими угольными запасами. Кое-где пласт выходит совсем на поверхность, и его можно разрабатывать не путем шахт, а путем прямых галерей, которые вырываются в горе прямо с железнодорожных подъездных путей; кроме того, пласт благородного угля местами достигает 100 метров, т. е. является поистине чудовищным. Запасы угля здесь можно считать неисчерпаемыми. Общее количество угля предполагается в 450 млрд тонн; наконец, местами уголь этот принадлежит к числу высоких коксующихся сортов и может быть рассматриваем не только как известный энергетический запас, но и как основное подспорье добычи у нас черного металла. Отсюда и возникновение огромного плана гигантского металлургического завода в Тельбесе.

Сибиряки очень недовольны тем, что вопрос о Тельбесском заводе задерживается. Однако естественно проявить осторожность в расходе, который выразится приблизительно в 170 млн руб. Дело в том, что после целого ряда проверок с участием специалистов и выдающихся европейских экспертов пришлось признать, что совершенно точно выясненное количество же-

лезной руды в Тельбесе не так уж велико. При выработке чугуна до 600 тысяч тонн в год этого запаса могло бы хватить на какие-нибудь 12–14 лет. Зато привлекательно неисчерпаемое количество коксующегося угля тут же рядом.

По-видимому, правильное разрешение вопроса находит при совокупном рассмотрении его с магнитогорской проблемой.

Магнитная гора на Урале представляет собой гигантский запас руды, но, как известно, уральский уголь еще находится на этапе разведки и только начинает играть некоторую роль в уральской промышленности. Магнитогорскому гиганту, построение которого уже предрешено, придется все равно в течение долгого срока (даже если угля на Урале окажется больше, чем предполагают) тащить к себе либо уголь для коксования, либо самый кокс из Кузбасса. В обоих случаях будет возвращаться в Сибирь самый серьезный порожняк. Расстояние в 2500 верст, конечно, огромное, но при точном учете оказывается, что Сибири выгодно иметь свой собственный чугун даже в том случае, если Тельбес будет идти отчасти на своей руде и частью на руде магнитогорской. Представьте себе этот грандиозный комбинат — Магнитогорский завод, вырабатывающий добрых полмиллиона тонн чугуна в год из своей руды и кузнецкого кокса, и Тельбес, вырабатывающий столько же из уральской руды и кузнецкого кокса!

Конечно, вопрос нужно подробно изучить, но, по-видимому, удовлетворительное разрешение его намечено. Надо сказать, что по всей Сибири, и не только в угольных ее местах, но и

буквально повсюду население жаждет как можно скорее видеть воздвигнутыми стены Тельбесского чугунного завода и всего бесценного комбината, который должен возникнуть (там есть и цветные металлы, в особенности цинк). Этим самым создается железно-пламенное сердце всей постепенно вырастающей индустрии Сибири.

Первым пунктом Кузбасса, который я посетил, был город Щегловск, всего в тысяч 25 жителей; однако в нем заметно довольно значительное новое строительство. Это объясняется тем, что Щегловск заключает в себе большой химический завод (точнее, завод коксобензолный), а по другую сторону речки расположены довольно богатые Кемеровские копи, которые доставляют основной уголь для завода. Правда, завод может идти только на комбинированном угле: к кемеровскому углю надо прибавить еще уголь из других рудников того же Кузбасса – Ленинского и Прокопьевского. В общем, городок скудный, носящий еще все черты провинциальной дыры; но, повторяю, кое в чем уже сказывается громадный рост кузнецкой угольной промышленности.

Так, например, здесь я видел школу, какой давно уже не видел в пределах нашего Союза.

Это фабрично-заводская семилетка, построенная из дикого камня, очень просторная и светлая. Она имеет значительное количество классов с большими окнами американского типа, с образцовыми столами и стульями вместо надоевших и отвратительных парт. Классы эти не отнесены к какой-нибудь определенной группе учеников, а оборудованы для соответствующих предметов, т. е. строго проведена система кабинетов. Иные из этих кабинетов (например, физический) оборудованы вполне удовлетворительно, другие приближаются к этому удовлетворительному оборудованию. Школа располагает громадным гимнастическим залом, который может служить для всякого рода лекций, для спектаклей и т. п.

Школа (вот счастливые-то ребята!) работа-

ет в одну смену и дети, таким образом, не подвергаются тому недопустимому, возмутительному систематическому отравлению, которому мы их подвергаем из-за нашей нищеты во всех почти школьных зданиях. Поэтому и дети тут веселее, розовее, ярче блестят их глаза и как-то ярче и веселее их речи. Детишки горняков и рабочих химического завода очаровали меня своей непосредственностью и живостью. В течение нескольких минут они сумели приветствовать меня и по политической, и по культурной линии, и рассказать мне о кабинетной системе, о коллективных заданиях, которые они разрешают, о многочисленных кружках, которые у них возникли, и т. д.

Единственно, что меня несколько огорчило, это то, что школа, несмотря на свое название фабрично-заводской, в сущности, очень плохо связана с заводом. Ссылаясь на срочность своих производственных заданий, на тесноту и на всякие другие условия, завод, как это, впрочем, делают хозяйственники, всячески отстраняет от себя свою семилетку и не только не дает ей возможности опереться на свое оборудование, но даже недружелюбно смотрит на какую-нибудь научную экскурсию на завод. Настоящего понимания у всей толщи хозяйственников глубочайшей необходимости подтягивать к себе фабрично-заводскую семилетку, сделать такую школу, так сказать, своим маленьким подмастерьем еще нет.

Другим интересным созданием нового времени в Щегловске является Дворец культуры. Это прекрасное здание с внешней стороны, так сказать, новосибирского типа, т. е. такой же, может быть, несколько уменьшенный в своих размерах, американский дом. Его фасад гармоничен, он имеет интересную башню и выглядит нарядно и солидно. Внутри у него есть роскошный зал на 1500 человек, фойе, кабинеты для занятий и т. д.

Самую, однако, диковинную и вместе с тем веселую ноту в Щегловск вносит завод. Когда вы

едете туда, то вдруг неожиданно, выезжая из-за какого-то холма, вы видите перед собой незабываемую картину. Перед вами вырастают мощные контуры заводской башни, укрепленной циклопическими стальными фермами и разевающей на большой высоте свою стальную часть. К этой пасти на расстоянии, как мне кажется, добрых трех километров тянется с противоположного гористого берега реки воздушная дорога, по которой непрерывно, на равном расстоянии друг от друга, весело вырисовываясь на фоне неба, катятся вагонетки с кемеровским углем. Они опрокидывают с грохотом свое содержимое в заводскую пасть и так же равномерно, словно совершая какой-то воздушный танец, возвращаются за новой ношей. Это постоянное движение вагонеток, эта живая связь на большом расстоянии и через реку завода и копей производит веселое впечатление.

Мы внимательно осмотрели завод. Мы видели самый интересный момент, когда одна из печей батареи (здесь их две) была открыта. Огненно-угольный пирог кокса медленно выдвигался из нее, вдвигаясь в заранее приготовленный футляр в подвижном металлическом вагоне. Пирог весь в пламенно золотых прожилках, ползя, играл черным и темно-пурпуровым светом. Кокс охлаждается огромным количеством воды, наливаемой на вагон, и затем грузится уже окончательно в вагон, который повезет его куда-нибудь к Ижевскому заводу, и мы можем похвастаться – кокс из кузнецкого угля, изготовленный Щегловским заводом, уже полностью сравнялся с английским и заменил его на нескольких уральских заводах. Это большое послереволюционное достижение.

Специалист-инженер водит нас потом по всем кругам химического ада. Как почти всегда бывает у специалистов (из встреченных мною я не знаю ни одного исключения), этот скромный человек влюблен в свой завод. Когда он показывает нечто положительное, какое-нибудь новое приспособление, говорит о каком-нибудь дости-

жении в смысле процента выработки, в смысле большей чистоты продукта, в его голосе звучит самая неподдельная гордость, которой он, по видимому, сам не замечает. Когда, напротив, ему приходится указывать на тесноту лаборатории или на то, что изготавливаемый здесь кристаллизованный нафталин лежит в деревянном здании, что небезопасно в пожарном отношении, или на то, что все еще не ладится электрическая установка, которая поднимает электрическую силу завода с одной тысячи до трех тысяч киловатт, – то в голосе его слышны нотки, какие вы можете слышать в голосе отца или мужа, озабоченных здоровьем дорогих ему людей.

Во время моих частых, отдаленных поездок по нашей стране и осмотра десятков, я думаю, в настоящее время уже сотен заводов, я очень полюбил нашего хорошего специалиста. Мне не приходилось жить с инженерами нашими в более или менее тесном соприкосновении. В Наркомпросе мне приходится, конечно, встречаться с ними, но далеко не так интимно, как хозяйственникам. Они начинают иногда равнодушно, – кто знает, зачем приехал какой-то официальный гость, интересуется ли он производством или просто хочет «оказать честь» и выполнить церемониал. Но как только такой специалист замечает, что вы захвачены производством, что вас волнуют его вопросы, сейчас же зажигаются в его глазах огоньки, речь приобретает воодушевленность, и только постоянные напоминания спутников «да ведь все сроки прошли, ждут на собрании» могут заставить его несколько сократить поток его технического красноречия.

Химический завод, как всегда, очень вонюч, хватает вас то за нос, то за горло, заставляет вас кашлять, чихать и в то же время бесконечно увлекает вас всеми этими изворотами своих чутких кишок, всеми этими огромными резервуарами, насосами, конденсаторами, промывальниками, каждый из которых производит какое-нибудь чудо преобразования материи в новые ее формы.

- А. В. Луначарский среди рабочих коксохимзавода (1928 год)
- Коксохимзавод с канатной переправой (1924 год)

Лаборатория завода заслуженная. Она добила немало количества успехов не только для данного завода, но и вообще для округа. В ней работают преданные, знающие люди. Оборудована она удовлетворительно, но действительно очень тесна и не соответствует крупности исполняемой ею задачи.

Посетил я также фабзавуч. Кажется мне несколько странным, что на этом большом ФЗУ имеются только электромашинные и слесарные отделения. По-видимому, никому не приходит в голову, что химический завод должен прежде всего иметь химическое отделение фабзавуча, которое могло бы дать заводу хорошую, крепкую молодежь для дальнейшего его развития. А развитие будет сложным, ибо химия не идет, а бежит вперед. Жаловались фабзавучники, что, в то время как ремеслу их учат очень хорошо, общеобразовательные предметы хромают: так, например, обществоведа им за один месяц переменили четыре раза. Об этом, конечно, я говорил позднее с товарищами из Сибкрайона.

Необыкновенное впечатление производит постройка новой, третьей, батареи. Вы входите в огромный деревянный барак-теплушку, весь потолок которой сделан из стекла. Света много, и свет какой-то своеобразный благодаря отражению в некрашеном дереве. И среди этого барака идет живая, веселая, гремучая постройка.

Пепельно-серый, сухой, похожий на пемзу кирпич, идущий на коксовые печи, лежит грудками в больших кусках то кубической формы, то какой-нибудь причудливой, в зависимости от места, куда должен лечь этот кирпич, напоминающий кубики затейливого строительного ящика для детей. Человек сто каменщиков с необыкновенным искусством точными ударами отсекают своими инструментами те или другие углы или части этих кирпичей. От этого стоит зловещий, немолчный, какой-то болтливый стук во всем этом светлом, сухом здании, и на ваших глазах растут и растут изжелта-серые печи этой новой батареи.

Тут случилось несчастье. Это веселое место недавно горело. Весь барак оказался жертвой пламени. Инженер, создававший новую батарею, прибежал на пожар и пришел в такой ужас от неожиданного бедствия, что тут же скончался от разрыва сердца. А между тем бедствие отнюдь не приостановило роста батареи. Вот уже в кратчайший срок, в несколько недель оказался возведенным второй барак, и работа идет дальше, как ни в чем не бывало. Инженер говорит мне: «Вообразите, в какой короткий срок опять воссоздали все условия постройки!» А один из каменщиков, постукивающий, словно ювелир, по своему кубику, с улыбкой и слегка подмигивая, говорит: «Сработаеть быстро, когда этот завод всем нам даст кусок хлеба».

В Щегловске я выступил два раза на многочленном собрании в клубе химработников, где собирались исключительно рабочие и технический персонал, и с большим докладом на расширенном заседании горсовета в обширной праздничной зале Дворца культуры. Здесь еще не сказались все характерные особенности рабочего горняцкого собрания, какие я отметил позднее, ибо на щегловском расширенном горсовете немало было и представителей городских обывателей. Все же оба собрания прошли при самом приподнятом интересе, а главное из них продолжалось часов пять.

Крестьянские окрестности Щегловска представляют также значительный интерес. Во-первых, в этом году здесь такой урожай, что Щегловский округ дает по хлебозаготовкам больше, чем ему причитается, и, во-вторых, здесь имеет место и очень важное явление, — именно необыкновенно значительное превышение урожая колхозного над урожаем единоличников. По утверждению председателя окрисполкома, урожай в колхозах в этом году достиг местами 150 пудов с десятины, в то время как урожай единоличника ни в каком случае не превышает 80 пудов с десятины. Объясняется это в особенности посевом селекционных семян.

• Герман ЗАХАРОВ.

ПОИСК ОБРАЗА

Федор ЯГУНОВ

«КЕМЕРОВСКОЕ ДЕЛО»

ГЛАВЫ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту главу я написал в 1993 году, сразу же после того, как была закончена наша, в соавторстве с писателем Вилем Рудиным, пьеса «Красная горка». А до этого была продолжительная работа в архиве УКГБ по Кемеровской области над изучением дела № 1302. О доступе к нему договорился В. Рудин и пригласил меня принять участие в работе над документальной повестью по материалам некогда нашумевшего дела о вредительстве на кемеровской шахте «Центральная» (1936 год).

Пьеса возникла случайно. Изучая 43-томное «Кемеровское дело», я однажды увидел в нем почти готовый детективный сюжет – с любовью и тайнами, мужеством и предательством, иностранными агентами и злым роком. Продолжая ходить, как на службу, в серое здание на площади Советов, просиживая там ежедневно по четыре-пять часов в чьем-то пустующем кабинете, куда мне приносили нужные тома, я возвращался домой и принимался за пьесу.

Решение привлечь к дальнейшей работе В. Рудина было вполне закономерным. Вторая часть пьесы – это следствие. Допросы, специфические методы получения признательных показаний, фальсификация процесса. Виль Рудин по своей основной профессии – следователь, в 1945–1976 годах работал в органах КГБ и МВД, подполковник в отставке, специфику этих учреждений знал не понаслышке. Затея показалась Рудину интересной, и он охотно включился в работу. Пьеса была написана, предложена художественному руководителю областного драматического театра им. Луначарского Борису Соловьеву и после некоторой доработки им принята. На этом все и закончилось. Произошел распад страны. Первой пострадала культура.

Труппа облдрамтеатра сократилась до 13–15 человек, а в пьесе только мужских ролей тринадцать!

Я попробовал вернуться к первоначальной идее – созданию по материалам «Дела» документальной повести. Написал первую главу. Рудин прочитал, одобрил и обещал присоединиться к работе. Однако здоровье его ухудшалось, он спешил завершить ранее начатые вещи. К «Кемеровскому делу» Рудин так и не вернулся. Летом 1997 года его не стало.

Мне не дает покоя собранный материал. Четыре или пять больших тетрадей с выписками из «Дела». Записи моих бесед с людьми, как-то причастными к трагедии на шахте «Центральная», со специалистами-горняками, с горноспасателями, отыскавшими для меня в своих архивах чертежи горных выработок 1936 года, переписка с родственниками осужденных по тому делу...

«Кемеровское дело» в ряду громких так называемых «открытых» политических процессов 30-х годов занимает особое место. Оно явилось одним из краеугольных камней, главным криминалом для суда над видными деятелями партии и государства – Пятаковым, Сокольниковым, Серебряковым, Радеком, Мураловым, Норкиным и другими. (Дело запасного троцкистского террористического центра.)

Вправе ли я, обладая богатейшими материалами, в том числе и уникальными (письма родственников), позволить им кануть в Лету, не попытаться облечь их в некую литературную форму и тем самым сохранить для будущего? Ну и что из того, что в настоящее время у меня нет возможности опубликовать книгу? Рукописи не горят, сказал классик. Если понимать эти слова не в буквальном, а в более высоком смысле, нельзя опускать руки.

Да поможет мне бог!

НОЧНАЯ СМЕНА

Пожалуй, ни одна профессия не требует столько времени на подготовку к работе, сколько приходится тратить его горняку. На «Центральной» еще с августа пытаются перейти на безнормативную систему, но пока не получается. Шахта – такое производство, где обстановка постоянно меняется. Сегодня ты работаешь в одном забое, завтра – в другом. Сегодня рубишь уголь, завтра настилаешь пути, ремонтируешь крепь. Но это, так сказать, дела людские, исходящие от начальства. Есть еще много такого, что от человека не зависит. Как крестьянин, на успех и благополучие которого влияют дождь и солнце, поздние холода и ранние заморозки, так и горняк – только в еще большей мере – зависит от таинственных сил природы. Вторгаясь в самое чрево земли, человек должен быть чутким и осторожным, иначе оно в одно мгновение может смять и поглотить и его самого, и все его хитроумные сооружения, что понастроил он там, подбираясь к земным кладам.

Чтобы попасть в кладовые земли, человек должен исполнить обязательный ритуал. В предбаннике шахтерской мойки он оставит свою повседневную одежду, облачится в специальную, пропитанную угольной пылью, пропахшую потом, одинаковую зимой и летом брезентовую робу. На голову наденет каску. Отстояв очередь, он получит светильник. Прицепив к поясу аккумулятор, горняк клетью или шурфом спустится на глубину, измеряемую подчас сотнями метров. Там пешком, откаточными выработками – квершлагами и штреками, а здесь счет идет уже на километры – доберется до своего участка. Потом ходком или печью поднимется в забой, где, собственно, и начинается его работа. А закончив смену, тем же путем, только в обратной последовательности, поднимется на-гора и, отмывшись в шахтерской мойке, пойдет домой отдыхать.

Только той сентябрьской ночью все случилось по-другому.

Начальник второго участка Николай Леоненко, проводив смену, пошел доложить руководству обстановку. Толкнув дверь приемной, он услышал, что из кабинета главного инженера доносятся голоса. Леоненко постучал.

– Заходите! – раздался из-за двери голос Коваленко. Раньше Леоненко входил к нему без стука: зам. главного инженера для начальника участка не такой уж большой чин. Теперь, когда Коваленко официально, приказом из Новосибирска, назначен главным, приходится соблюдать субординацию.

– Посиди пока, – кивнул на стул Коваленко. У его стола сидели люди с других участков. Здесь же был и новый управляющий шахтой Попов, назначенный вместо уволенного недавно троцкиста Носкова.

На шахте создалась пиковая ситуация. Управляющий был не только новым человеком на шахте. Он, имея профессию металлиста, вообще никогда не работал в угольной промышленности. Получилось, что вся нагрузка по руководству сложным производством легла на главного инженера. План по угледобыче не выполнялся. Как всегда бывает в таких случаях, вышестоящие организации создавали нервную обстановку: звонки из Новосибирска, визитеры из рудуправления, вызовы в райком. Положение осложнялось еще и тем, что под землей возникло два новых пожара. Нет, не в самое подходящее время поспело назначение на высокую должность.

Коваленко и Леоненко жили в одном доме в соседних квартирах. И не то, чтобы дружили – для этого слишком велика была разница в возрасте, но в их судьбах было много общего, и это не могло не сказываться на взаимоотношениях. Оба родились за границей, в Харбине, куда их родители уехали еще в начале века строить КВЖД – Китайско-Восточную железную дорогу. Оба окончили, хотя и в разное время, один и тот же техникум в Томске. Теперь вот – столько лет на одной шахте. Коваленко прошел по всем ступенькам

• Рисунок Германа Захарова

шахтной иерархии. Начиная сменным десятником. Несколько лет был начальником участка, тогда называли – штейгером. Последние два года работал – и неплохо работал – помощником главного инженера. А два месяца назад начались эти перестановки в руководстве...

В городе была разоблачена контрреволюционная троцкистская организация с разветвленной сетью. По шумным статьям в газетах было известно, что нити заговора ведут вверх – в краевые хозяйственные организации и даже выше, страшно подумать, в правительство!..

Не миновала эта беда и шахту «Центральная». Разоблаченные ныне троцкисты, руководители

крупнейшей в городе организации «Кемерово-комбинатстрой» Дробнис и другие сумели свить троцкистское гнездо и на их шахте. Троцкистом оказался сам управляющий шахтой Носков. Его исключили из партии, сняли с работы. Исключен из партии и арестован органами НКВД начальник 6-го участка Шубин.

И уж совсем неожиданной для Леоненко была новость, что в троцкистские дела оказался втянутым молодой инженер, тихий и скромный Миша Куров. Его исключили из партии «...за связь с активным троцкистом Шубиным, за сокрытие его контрреволюционной деятельности». Трудно поверить! Хотя, черт его знает, чужая душа – потем-

ки. Шубин вроде еще в Москве, где он заканчивал горный институт, связался с троцкистами, по слухам, был даже знаком с самим Троцким. А с Куровым они как холостяки год жили на одной квартире...

Леоненко доложил главному о работе участка за прошедший день. Дела вроде налаживались. Все говорило за то, что план все же будет выполнен.

– Ну, все! – сказал Коваленко. – Поехали отдыхать. – И он по телефону вызвал дежурную пролетку. Шел двенадцатый час ночи. Времени для отдыха оставалось мало: к восьми, как обычно, обоим надо было снова быть на шахте.

Но отдыхать в эту ночь не пришлось совсем. Кучер, возвратясь на конюшню, не успел еще распрячь лошадь, как ему снова пришлось гнать по тому же самому адресу.

ВЗРЫВ

Стояла тихая погожая ночь конца сентября 1936 года. В окнах добротных бревенчатых домов на Красой Горке, где жило в основном рудничное начальство, один за другим гасли огни. Горняцкий поселок спал. И только глубоко под землей, под этими домами, улицами, огородами, под вековым сосновым бором, в тесных выработках, в вечной темноте, лишь кое-где прорезаемой тусклыми и короткими лучами шахтерских светильников, шла работа. Заступала первая смена новых календарных суток.

Прокопий Вдовин спустился в шахту как всегда несколько раньше остальной смены. Ему надо успеть пройти по забоям, в особенности по тупиковым, убедиться, нет ли в выработках метана. Для этого у Вдовина кроме головного светильника имеется еще бензиновая лампа Вольфа, а в сумке – пузырьки, на тот случай, если понадобится брать пробу воздуха для лаборатории.

Прокопий Платонович – горняк опытный. Как пришел на шахту после Гражданской, демобилизовавшись из Красной Армии, так и прижился

здесь. Женился, нарожали с женой четверых ребятишек. Работал и крепильщиком, и забойщиком. Год назад пришлось ему по состоянию здоровья перейти на более легкую работу. Физическая нагрузка десятника вентиляции, конечно, полегче, зато ответственности больше. К своим обязанностям Вдовин относился добросовестно, как привык с детства. Не чурался и помочь товарищам – когда советом, а когда и собственным плечом.

Уже в коренном штреке своего района встретился Вдовину десятник из предыдущей смены Демидович.

– Ну, как там? – спросил Вдовин, имея в виду состояние проветривания в забоях. То, что два дня до этого в некоторых тупиковых забоях обнаружилось скопление газа, продолжало тревожить Прокопия Платоновича.

– А что? Все чисто, – охотно ответил Демидович. – Вишь задержался, замеры делал. Все чисто, – еще раз повторил он.

– Точно? – обрадовался Вдовин. Если только что проверено, значит, ему, Вдовину, можно замеров сейчас не делать, не терять времени, ведь время – это лишние тонны.

– Можешь не сомневаться, – подтвердил Демидович. – Вон, все результаты на доске замеров, – кивнул он в темноту и зашагал к выходу.

Вдовин подошел к доске, осветил ее своей лампой, внимательно просмотрел сделанные мелом записи. По основным забоям – ноль. Только в тупиках старых печей были отмечены следы метана. Но следы – это ничего, допускается.

Подошел бригадир Максименко. Взглянул на доску, удовлетворенно кивнул.

– Замеры свежие? – спросил. – Тогда ты, Проша, не держи нас. – И нырнул в печь. За ним потянулись бригадники. Вдовин повесил на затяжку лампу и тоже отправился следом.

В уступах выше первой параллельки Максименко осмотрел заряженные предыдущей сменой шпур, зачем-то потрогал пальцем глину на забитых отверстиях.

– Будем палить, – сказал он.

Запальщик Петька Усиков стянул с плеча машинку и стал прилаживать концы запальных проводов.

Максименко подозвал отгребщиков Василия Кадетова и Михаила Александрова и велел им унести на 2-й параллельный штрек оставшуюся от забойки глину. Туда же ушли крепильщики Субботин и Нелюбов.

– А ты, Петруша, – велел он отгребщику Путову, – посмотри, что там с люком на 32-й печи.

Путов взял топор и занялся ремонтом люка.

В это время в других забоях, тех, что рядом и дальше, всю шла работа. Забойщик Борис Чекалин, упершись всем корпусом в сверло, бурил скважины. Вдруг сверло, взвизгнув в последний раз, остановилось. Чекалин пытался его запустить, пощелкал кнопкой, подергал кабель, электросверло не включалось. Чертыхнувшись, Чекалин оставил сверло и стал соображать, где ему найти электрика.

Отгребщик Путов наладил люк, вышел на первый параллельный и пошел к 31-й печке, подальше от забоя, где собирались палить. Чуть раньше сюда же из второго параллельного спустились Кадетов и Александров. Здесь у головки транспортера, привалившись к борту штрека, сидели мотористки. При общей бедности, когда всего не хватало, им пока не выдавали даже шахтерского спеца, они ходили в шахту в своем. Путов, как человек холостой, подсел к самой молодой из них, к Вере Сергеевой.

Несмотря на свои девятнадцать лет, Вера была уже опытной горнячкой, второй год в шахте. Ее напарница Паша Кочкина – постарше, уже замужняя, однако ее подземный стаж только начинался: до сентября Паша работала на поверхности, на лесозаводе. Подсев, Путов затеял с Верой игру. На Вере была юбка и простые чулки. Путов старался ухватить ее за коленку, а Вера звонко шлепала его по руке. Оба смеялись, довольные. Остальные сидели, лениво наблюдая за молодежью, наслаждаясь последними минутами

отдыха. Закончится отпалка, начнется работа, и тогда уже не передохнешь до утра.

Яков Черныш, десятник горных работ, по дороге на участок отстал от других. Леоненко перед спуском в шахту сказал ему, что в 62-м квершлаг по Волковскому пласту появился газ, велел проверить. Газа там Черныш не обнаружил и теперь спешил к месту, где работала его бригада.

Борис Чекалин, не найдя электрика в верхних выработках, спустился на основной штрек. Здесь у 32-й печи он увидел мотористку Гутю Дружинину, спросил, не видела ли она электрика. Гутя пожала плечами и снова прикрыла глаза, подремывая.

Запальщик Петька Усиков накинул петли проводов на клеммы взрывной машинки и вопросительно посмотрел на бригадира.

– Давай, – кивнул тот.

Петька выдернул из кармана свисток и дал длинный предупредительный сигнал. Надобности в этом не было, все и так в ожидании взрыва ушли в безопасные места. (Как и было положено.)

– Постой, – остановил Максименко Петьку, готового свистеть второй предупредительный, – а чего ты провода не зажимаешь?

– А! Гайки куда-то задевались, – отмахнулся Петька. – Да ты, Семеныч, не опасайся, я хорошо заматал.

– Все-то у тебя не слава богу, – недовольно проворчал Максименко. Однако, помедлив секунду, сказал: – Давай, пали.

Один за другим громыхнули три взрыва. Выработки возле забоя заполнились дымом. Остался последний, четвертый, заряд.

– Будем ждать, пока вытянет? – спросил бригадира запальщик.

– Давай, рви. Потом проветрим.

Что произошло вслед за этим, рассказывают сами горняки. Разумеется, те, кто остался в живых.

ПЕТР УСИКОВ, ЗАПАЛЬЩИК: «Сделав отпалку трех скважин, я получил распоряжение от Максименко скорее произвести отпалку четвертой скважины. Только что был закончен этот разговор, я, оглянувшись, увидел большое пламя огня

и моментально был охвачен этим огнем. Куда исчез Максименко, я не знаю. Совершенно также не помню, что произошло со мной вплоть до того момента, когда меня стали поднимать на-гора. Получил тяжелые ожоги, долго лечился в Томске в физико-терапевтическом институте».

ПЕТР ПУТОВ, ОТГРЕБЩИК: «После того как началась отладка скважин, Александров и Кадетов ушли на 1-й параллельный штрек и находились около 31-й печи, куда по окончании исправления люка 32-й печи пришел и я. Здесь были мотористки Сергеева и Кочкина. Пробыв в этом месте несколько минут, я услышал сильный треск. Оглянувшись увидел, что по первому штреку несется большое пламя огня. Я моментально прилег на землю, правую руку спрятал под себя, а левой хотел прикрыть лицо. Но не успел донести руку до головы, как у меня сильным порывом огня снесло рукавицу с руки, и я сразу почувствовал, что на голове горят волосы. Придя в сознание, я побежал к люку 31-й печи, через которую пробрался в коренной штрек, а затем выбрался на-гора».

ПРАСКОВЬЯ КОЧКИНА, МОТОРИСТКА: «Когда мы все сидели у мотора, неожиданно из забоя пошел сильный ветер, и моментально вслед за этим вспыхнул огонь. От струи ветра меня повернуло лицом в другую сторону. Огонь был непродолжительным. После того как он прошел, я встала и пошла к выходу. У меня обожгло лицо, руки и ноги. Спецодежды у меня не было, поэтому особенно сильно пострадали ноги: во время вспышки на мне загорелись чулки. Лечилась в Томске».

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВ, ОТГРЕБЩИК «В момент взрыва я находился в первом параллельном штреке около 31-й печи, примерно на расстоянии 15–20 метров от места взрыва... Я услышал какой-то необычный гул. И сразу же от уступов 32-й печи появилось большое пламя огня. Увидев, что пламя идет по направлению к тому месту, где мы сидели, я плотно прилег к земле, закрыв лицо и голову руками. Почувствовав на лице и руках ожог, я крикнул: «Спасайтесь, бегите от-

сюда!» После чего все, кто был со мной рядом, побежали к выходу. Из штрека на-гора мы выбрались сами, без посторонней помощи. Тяжелых увечий у меня нет, но я получил ожоги лица и рук».

ВАСИЛИЙ КАДЕТОВ, ОТГРЕБЩИК: «Взрыв произошел приблизительно спустя 30 минут после того, как смена забойщика Максименко, в том числе и я, заступили на работу. Мы с Александровым отнесли глину, как нам велел Максименко, и, возвращаясь, зашли в первый параллельный штрек. Через некоторое время туда же пришел отгребщик Дутов. Там же были мотористки Сергеева и Кочкина. Минут через пятнадцать я услышал гул. Под впечатлением какой-то надвигающейся опасности я быстро оглянулся и увидел, как из уступов 32-й печи по первому параллельному штреку быстро неслось огромное пламя огня. Я хоть и растерялся, но успел упасть лицом вниз, правую руку спрятал под себя. Я помню, как Путов кричал «Спасайтесь!», но я испугался и не мог быстро сообразить, что надо делать и куда бежать. Кругом темнота, я пришел в сознание, когда услышал чей-то крик «Спасите, погибаю!». Я вскочил и побежал к люку 31-й печи, потом вместе с другими добрался до клетки и был поднят на-гора. Я получил ожоги рук, лица, головы, левой лопатки и груди. По заключению врачей, ожоги относятся к разряду тяжелых».

БОРИС ЧЕКАЛИН, ЗАБОЙЩИК: «Во время взрыва я был на главном штреке, против 32-й печи. Я искал электрика и в этот момент разговаривал с мотористкой Августой Дружининой. Ударной волной меня сшибло с ног и отбросило в сторону. Я оказался в канаве с водой и прополз по этой канаве метров 60 по направлению к выходу из штрека. Там кто-то меня встретил и увел к клетке. Получив первую помощь, я был отправлен в больницу. У меня оказалась рассеченная голова и коленка правой ноги, на затылке образовалась большая опухоль. Кроме того, ушибло левую ногу, обожгло грудь и правый бок. Сильных ожогов не было, так как на мне была хорошая спецодежда».

НИКОЛАЙ БОРОВКОВ, ОТГРЕБЩИК: «Я был

в главном штреке возле 27-й печи. Взрыв произошел во время, когда я шел за креплением для забоя. Меня внезапно сшибло с ног. Опомнился минут через пять. Поднялся и побежал к выходу. Поднялся на-гора и был направлен в амбулаторию на лошади вместе с забойщиком Чекалиным. Я получил ушибы обеих ног и поясицы».

ЯКОВ ЧЕРНЫШ, ДЕСЯТНИК ГОРНЫХ РАБОТ: *«Я почти не пострадал, так как задержался у 62-го квершлага, выполняя поручение Леоненки».*

ВЕРА СЕРГЕЕВА, МОТОРИСТКА: *«Я получила тяжелые ожоги и ранения. Долго лечилась сначала в Кемерове, а потом в Томске».*

Огненный смерч, с огромной скоростью пронесшийся в тесном пространстве горных выработок, оставил после себя обрушенную во многих местах кровлю, завалы из угля и переломанного крепления, обугленные стойки там, где они уцелели, обгорелые трупы людей. Затихли вдали топот и вопли бегущих. В выработках, заполненных густым дымом, установилась тишина, нарушаемая лишь треском ломающейся крепи и глухими стонами растревоженной горы.

ПРИШЛА БЕДА – ОТВОРЯЙ ВОРОТА

Сигнал тревоги в размещении 9-го военизированного горноспасательного отряда и в квартирах бойцов раздался в ноль часов пятьдесят восемь минут. Была уже среда 23 сентября. Поднятые по тревоге горноспасатели уже через минуту знали, что на шахте «Центральная» произошел взрыв.

Первая очередь в составе пяти человек во главе с командиром оперативного взвода Баскаковым немедленно выехала к стволу шахты и, спустившись по основному штреку Кемеровского пласта, через 15 минут прибыла в район печей, где произошел взрыв.

Вторая очередь, тоже в составе пяти человек, выехала вслед за первой к ходу № 19-бис. Спасатели осмотрели все очистные и подготовительные выработки второго района и спустились на горизонт 160 метров.

Третья очередь во главе с командиром отряда Масловым выехала также к стволу и прибыла на место аварии.

Коваленко еще не успел лечь спать, как позвонил дежурный. Пролетку, высланную за ним, он встретил на полдороге к шахте. Вбежав в диспетчерскую, первым делом спросил, прибыли ли горноспасатели?

– Два отделения уже в шахте, – шагнул ему навстречу человек в шахтерской робе и с гофрированными трубками респиратора на груди. – Командир отряда Маслов, – представился он. – Жду вас. Принимайте командование, а я – в шахту, с третьим отделением.

Дежурный обзванивал участки, проверяя, вывели ли людей из шахты.

– Сколько на смене во втором районе? – спросил Коваленко. Дежурный локтем подвинул Коваленко журнал: сорок один человек, значилось в графе. Коваленко схватил телефон, вызвал рукоятчика подъема и приказал немедленно докладывать о всех, кто будет поднят со второго участка. Согласно положению, главный инженер с момента прибытия на шахту становился руководителем всех работ по ликвидации аварии.

Комната заполнялась поднятыми по тревоге руководителями служб. Коваленко отрядил кого-то на коммутатор проверить, сообщили ли в больницу. Кому-то велел вызвать милицию...

Однако раньше милиции прибыли работники НКВД. Человек в шинели с тремя шпалами на петлицах отрекомендовался начальником горотдела НКВД и потребовал комнату с телефоном. Прибежавший управляющий шахтой Попов отвел его в кабинет главного инженера. Стали поступать доклады от горноспасателей. От этих сообщений шевелились волосы на голове. Акт, составленный позднее командиром горноспасателей Масловым и командиром опервзвода Баскаковым, напоминал донесение с поля боя.

«...Первая очередь на основном штреке обнаружила одного убитого у печи № 31. Затем, продвигаясь к тупику основного штрека, на зава-

ле у печи № 33 обнаружила одного раненого, который был немедленно доставлен на свежую струю. Рядом с раненым, на завале крестов, у этой печи лежал один убитый. Продвигаясь к тупику основного штрека, спасательная команда обнаружила еще четырех убитых.

...Кроме того, погибшие были обнаружены: первый погибший был в печи № 31 (расстояние от основного штрека 4 метра), второй погибший был на крестах 1-й параллельной придавлен лесом, и третий погибший был на крестах 1-й параллельной в печи № 31. Все погибшие были сильно обожжены, все извлечены спасательной командой, доставлены на свежую струю на основном штрек у печи № 29. Спасательной командой обнаружена на 1-й параллели у печи № 32 взрывная машинка с ключом, провода были наброшены на контакты, и концы находились в завале уступа... На основном штреке у печи № 34 висела сумка с динамитом и взрывная машинка, проводов не было. На основном штреке, у вентилятора «Сирокко-3» на затяжках висели четыре лампы Вольф, исправные. Они были выданы из шахты и сданы в ламповую.

...Электросверло находилось в сбойке с основного штрека – печь № 34 – и выдано представителям НКВД. Обнаруженное электросверло на первой параллели у печи № 32 и лампа Вольф в тупике основного штрека выданы комиссии на поверхность.

...Спасательной командой была проведена разборка завалов на основном штреке с целью разведки и проветривания. Вентиляторы были обнаружены в разрушенном виде на основном штреке между печами 32–33. Обрушение выборок произошло на основном штреке... В печах 32 и 33 с основного штрека до первой параллельной было обрушение кровли (частичное) и выбито крепление...

Во время работ спасательной команды по извлечению пострадавших был густой дым на основном штреке, на первой параллельной... Работа по извлечению пострадавших была за-

кончена 23 сентября 1936 года в 3 часа 30 минут, после чего было установлено дежурство во 2-м районе».

Весть о катастрофе успела облететь весь рудничный поселок. К шахте бежали люди. Но прибывшие милиционеры в комбинат никого не пускали. Оцепили они и здание подъема, пропуская туда только медиков. По всему видно, они выполняли распоряжения человека в голубой фуражке со шпалами в петлицах.

Коваленко внутренними переходами прошел к клетьевому подъему. По дороге ему встретился бледный, трясущийся начальник вентиляции Ляшенко. Дохнув запахом вина, он пытался что-то объяснить, но Коваленко почти с ненавистью взглянул на него и, отстранив рукой, спустился к дверям шлюзовой камеры.

В ярко освещенном пяточке прямо на рельсах стояли носилки. Их было много. Кричала от боли мотористка, ей перевязывали обожженное лицо. Несколько врачей и медсестер оказывали первую помощь. Среди них Коваленко увидел молоденькую врачиху из здравпункта. Она чуть не через день приходила к нему с каким-нибудь требованием для своего здравпункта. Коваленко кивнул ей, но она не обратила на него внимания. Раненых, наспех перевязав, увозили в больницу. Шахтер, у которого были забинтованы лицо и руки, когда его вели к подводе, плакал и яростно матерился. Площадка перед клетью быстро опустела. Кто-то сказал, что сейчас будут поднимать погибших. К самым воротам подогнули крытую машину. Коваленко повернулся и вышел. В диспетчерской он продолжал выслушивать доклады и отдавать распоряжения. За окном поднимался тяжелый осенний рассвет. Доносились возбужденные людские голоса. Кричала женщина. Подходить к окну было страшно. Все жались к столу, где сидел дежурный. Принесли список погибших, сверили, получалось, что из шахты выведены и вынесены все. Это как-то утешало.

Большинство погибших были опытными горняками, их все здесь знали. Вот Максименко Иван

Семенович, забойщик, бригадир. С первых дней развертывания стахановского движения ему было присвоено звание стахановца. Остались без кормильца жена-инвалидка и мать.

Вдовин Прокопий Платонович, сорока семи лет от роду, десятник вентиляции. Остались жена и четверо несовершеннолетних ребятишек.

Немихин Григорий Алексеевич, электрослесарь. Остались беременная жена и десятилетняя дочь. Он находился в отпуске и работать не должен был. Но, в связи со стахановской трехдневкой, его отозвали, и вот...

Степан Михайлович Лапин, отгребщик, бывший крестьянин из ближнего села Комиссарово. Воевал в Гражданскую, ударник.

Гаврилов Иосиф Степанович, тоже отгребщик. Хотел стать забойщиком. Холостой, но на иждивении у него было четверо – отец, инвалид войны, мать и две малолетние сестры.

Нелюбин Александр Михайлович, крепильщик. После семи лет работы на шахте уходил с нее, пытался работать в леспромхозе, но за неделю до взрыва снова устроился на «Центральную».

Нургат Залятдинов, новичок на шахте. Собирался перевозить сюда семью из деревни.

Иван Яковлевич Котлов, один из стахановцев, отгребщик. Молодой еще, хотел учиться на летчика.

Юрьев Филипп Ипатьевич, запальщик. Бывший батрак. Во время службы в армии участвовал в боях с белокитайцами на КВЖД. Три года назад на этой же шахте погиб при аварии его старший брат Семен. Семья брата – жена и трое детей – находились на иждивении Филиппа.

Субботин Дмитрий Алексеевич, крепильщик. Бывший пастух, неграмотность ликвидировал на службе в Красной Армии. На шахте начинал чернорабочим, потом сдал экзамены на отгребщика. Был стахановцем. Оставил жену и двоих детей...

В поселке стоял женский вой. В шахтOME

сначала вознамерились объявить траур, похороны погибших сделать при скоплении народа и даже произвели кое-какие подсчеты расходов. Однако сверху порекомендовали шум не поднимать, массы не возбуждать, а похороны рассредоточить, произвести в разное время, оказав, конечно, посильную помощь семьям. Назавтра, да и в последующие дни, ни городская, ни краевая газеты ни единым словом не обмолвились о происшедшем. Не было и обычных в подобных случаях соболезнований. В газете «Кузбасс» под крупной шапкой «Победой ознаменуем годовщину речи товарища Сталина на слете стахановцев» было опубликовано обращение стахановцев второго и пятого участков шахты «Центральная» к горнякам рудника с призывом «ознаменовать годовщину и съезд Советов новым подъемом производительности труда, новой, более мощной волной стахановского движения и о своих победах рапортовать товарищам Сталину и Орджоникидзе». Как писал пролетарский поэт, «Отряд не заметил потери бойца и «Яблочко»-песню допел до конца».

Невесть откуда взявшийся слух о вредительстве на шахте сначала передавался шепотом, а после того как начались аресты, об этом говорили не таясь. Начинался следующий акт трагедии.

ОТ РЕДАКЦИИ

Таковы первые главы документальной повести Федора Ягунова, которые мы сочли нужным опубликовать в этом выпуске альманаха. Полный текст повести остается в фондах музея-заповедника «Красная Горка». Возможно, мы к нему еще обратимся в других выпусках. Возможно, им заинтересуются спонсоры, и выйдет наконец книга. А эту публикацию мы завершаем страничкой из «Исторической энциклопедии Кузбасса». Страничка родилась в результате изучения материалов «Кемеровского дела» писателем Вилем Рудиным и краеведом Фёдором Ягуновым.

ИЗ «ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ КУЗБАССА»

«КЕМЕРОВСКОЕ ДЕЛО» возбуждено Кемеровским НКВД в связи со взрывом газа метана на шахте «Центральная» Кемеровского рудника треста «Кузбассуголь», происшедшим в ночь на 23 сент. 1936. В результате взрыва погибло 10 чел., а 14 получили тяжелые ранения. В ту же ночь нач. Кемеровского ГО НКВД И. А. Врублевский составил справку на арест нач. вентиляции шахты И. Т. Ляшенко и его зам. М. И. Курова, в которой, не имея к тому никаких оснований, записал, что на шахте вскрыта контрреволюционная группа, возглавляемая гл. инженером рудоуправления И. А. Пешехоновым, к-рая проводила диверсионную работу. Получив санкцию прокурора, работники НКВД провели многочисленные аресты. Кроме названных специалистов, арестованы И. С. Коваленко (гл. инженер шахты), И. И. Носков (управл. шахты), Ф. И. Шубин (нач. участка), Э. И. Штиклинг (немецкий спец., работал на Кемеровском руднике по контракту с 1932 по 1935, а к моменту задержания работал в Новосибирске (управление «Запсибзолото»)).

В ходе следствия использовались методы провокаций, физ. и морального давления. В результате от всех обвиняемых получены «признания» в причастности к мифической шпионско-диверсионной орг-ции. В нее были дополнительно включены ранее арестованные Я. Н. Дробнис (зам. нач. «Кемеровокомбинатстроя»), М. С. Строилов (гл. инж. треста «Кузбассуголь»), А. А. Шестов (б. упр. Прокопьевским рудником). По указанию НКВД СССР Дробнис, Шестов и Строилов, а также вскоре арестованный Б. О. Норкин (нач. «Кемеровокомбинатстроя») были этапированы в Москву и «подключены» к делу Ю. Л. Пятакова, Г. Я. Сокольникова. Материалы «Кемеровского дела» использовались в моск. процессе для «изобличения» Пятакова и др.

Открытый судебный процесс по «Кемеровскому делу» прошел в Новосибирске с 19 по 21 нояб. 1936. Обвинение возглавлял зам. ген. прокурора Г. К. Рогинский. Защиту представляли члены Новосибирской коллегии адвокатов В. Н. Кротов, Г. И. Белковский, Х. И. Ферибок. В зал суд. заседания в качестве публики были помещены переодетые в гражданскую форму работники краевого УНКВД. На суд. заседаниях присутствовал представитель германского консульства в Новосибирске (в связи с прохождением по делу гражданина Германии Э. И. Штиклинга). Все обвиняемые признали себя виновными, заявили о своей причастности к «Контрреволюционной шпионской организации», показали, что взрыв на шахте «Центральная» 23 сент. 1936, как и случаи отравления рабочих, являлись следствием умышленных действий. Суд признал всех обвиняемых виновными по ст. 58-7 и 58-11 УК РСФСР и приговорил их к расстрелу. Все обвиняемые подали на имя Президиума ВЦИК прошение о помиловании.

Президиум ВЦИК СССР рассмотрел прошение о помиловании 25 ноября 1936 и постановил: ходатайства Носкова, Шубина, Курова, Андреева, Ляшенко, Пешехонова как «главных организаторов и наиболее активных участников вредительской и диверсионной деятельности на Кемеровском руднике – отклонить». Осужденным Леоненко, Коваленко и Штиклингу расстрел был заменен 10 годами тюремного заключения. Вскоре приговор был приведен в исполнение. Гражданин Германии Э. И. Штиклинг содержался в тюрьме сначала в Челябинске, а затем в Златоусте. 24 дек. 1939 Э. И. Штиклинг был передан германским властям в Брест-Литовске и заключен в Люблинскую тюрьму гестапо. Дальнейшая его судьба неизвестна. Осужденные И. Е. Коваленко и Н. С. Леоненко, находясь в Челябинской спец. тюрьме, в июле 1937 подали заявление, в к-ром указали, что «К. д.» было сфальсифицировано, в связи с чем администрация тюрьмы оформила на них материалы по обвинению в «распространении клеветы на органы НКВД». По решению «тройки» при УНКВД по Челябинской обл. от 4 нояб. 1937 И. Е. Коваленко и Н. С. Леоненко были расстреляны.

Доп. расследование по «К. д.» было проведено в 1956–57. Доказано, что все дело было сфабриковано. Обвиняемых вынудили дать заранее составленные по придуманной схеме показания. «К.д.» было прекращено Воен. коллегией Верх. суда СССР 6 февр. 1958 за отсутствием в действиях всех обвиняемых состава преступления. Погибшие И. И. Носков, Ф. И. Шубин, М. И. Куров, В. М. Андреев, И. Т. Ляшенко, И. А. Пешехонов, И. Е. Коваленко, Н. С. Леоненко были посмертно реабилитированы.

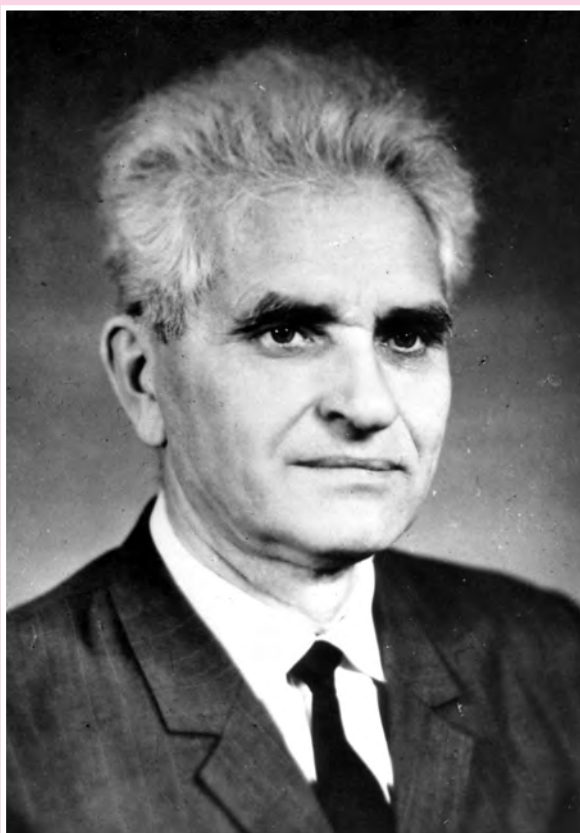
Лит.: Р. Конквест. *Большой террор. Нева. 1989. № 12*; В. Рудин. *Шпионы, шпионы, кругом одни шпионы // Новости Кузбасса. 1992. № 94–97, 99–101.*

В. Г. Рудин

Евгений ПРЕЙКШАС

СИБИРСКАЯ ПРОПИСКА ДЛЯ СЕМЬИ ИЗ АМЕРИКИ

РУКОПИСЬ
ИЗ ФОНДА МУЗЕЯ

Автор воспоминаний
ПРЕЙКШАС Евгений Иванович

Через четыре года (в 1972 году) исполнится 50 лет моего пребывания в Советской России. Я был свидетелем того, как Россия из нищенской, разрушенной войнами, отсталой в культурном отношении страны выросла в мощную, индустриальную державу с передовой техникой, как формировалась культура людей, их благосостояние. На моих глазах возник и город Кемерово, который в двадцатых годах можно было назвать большим и неблагоустроенным селом. Даже язык не поворачивается сказать «город», хотя некоторые признаки города у Кемерово были. Я был также свидетелем многих политических событий в стране, которые происходили в это время.

Пятьдесят лет – период очень большой (мне сейчас 54 года), и очень многое стерлось из памяти, многое вспоминать тяжело. Много, касающееся моего отца, я вообще не знаю. У меня не осталось ни документов о нем, ни автобиографии. Сведения об отце, которые я представил в настоящих записях, черпаю из своей памяти о тех далеких событиях и из семейных разговоров. Конечно, эти сведения далеко не полные. В сущности, моей биографии здесь очень мало. Это скорее биография нашей семьи. Думаю, что со временем смогу пополнить сведения об отце, а затем закончить задуманное в более полном объеме.

Я родился 1 февраля 1914 года в городе Томас штата Западная Виргиния Соединенных Штатов Америки. Вскоре после моего рождения отец переехал с семьей на соседние угольные копи в Кемптон, городок, затерянный в узкой долине реки Потомак, среди отрогов Аппалачей на границе штата Западная Виргиния и штата Мэриленд. Истоки реки Потомак, той самой, что перед впадением в Атлантический океан несет свои воды у столицы США (Вашингтон), находятся в 3–4 километрах от городка. Река начинается с небольшого ключа, бьющего из-под камней на пологом склоне горы.

Городок – слишком громкое название для этого местечка. Скорее, это был шахтерский поселок, едва насчитывавший 100–150 домов, построенных угольной компанией и сданных в аренду шахтерам. Поселок был молодой, видимо, существовал не более 5–6 лет. Здесь находилась единственная шахта, по тому времени высокомеханизированная, так как на ее поверхности не было никаких подсобных промышленных зданий, кроме котельной, отапливаемой газом, и небольшой электростанции для нужд самой шахты. Отопление и освещение шахтерского поселка производилось газом, поступавшим сюда с газового завода, находившегося, насколько я помню, в городе Камберленд.

Поселок был очень тихий, так как находился в стороне от шоссе и железной дороги. Небольшая железнодорожная станция была расположена в горах, в 3–4 километрах от поселка, пассажирские поезда там останавливались редко и не более чем на минуту.

Вокруг поселка, на удобных для возделывания землях, отвоёванных у природы, среди лесов и балок, далеко друг от друга, иногда на расстоянии 7–10 километров, были расположены небольшие усадьбы фермеров. Многие из этих усадеб пустовали, так как их хозяева, не выдержав конкуренции, разорялись и уходили с насиженных мест.

Природа, окружавшая поселок, была своеобразная, полудикая. В непосредственной близости друг от друга хвойные леса переходили в лиственный лес, где попадались деревья высотой 50–70 м, стволы которых могли обхватить лишь несколько взрослых человек, взявших друг друга за руки. Были деревья и кустарники, по виду схожие с кипарисами и пальмами наших полутропиков – Сочи и Крыма. Животный мир отличался обилием пресмыкающихся, начиная от безобидных ужей и кончая гремучими змеями. Они были повсюду. Нельзя было ступить и шагу, чтобы не наткнуться на змею.

Из общественных зданий в поселке был большой каменный магазин, принадлежавший компании. Я вспоминаю, что вместо денег при покупке продуктов мы предъявляли в магазин какие-то боны. Видимо, боны выдавались шахтерам вместо денег для покупки продуктов и товаров только в магазинах компании, что обеспечивало ей большие прибыли. В этом же здании находилось и почтовое отделение.

Рядом с магазином располагалось деревянное здание ресторана с бильярдом и кинозалом. Кинокартины в этом зале прокручивались по вечерам ежедневно в несколько сеансов. Приобретя при входе билет у контролера, вы могли войти в зал или выйти из него в любое время: в начале, в середине или в конце сеанса. Картина крутилась без перерыва между сеансами, поэтому часто вошедший в середине сеанса смотрел сначала конец картины, а потом начало. Очень часто шли картины с участием Чаплина, уже тогда имевшего большую популярность, но еще чаще показывали картины, как мы их тогда называли, «ковбойские»: похищение красавиц, погони, пальба из револьверов и ружей, нападение, ограбление, насилие и убийства. Вход в кино не ограничивался никаким возрастом.

В этом же кинозале по воскресеньям проводились обряды. Я посетил эту, как ее называли, вос-

кресную школу из любопытства всего лишь один раз. Принят был, правда, довольно ласково. Незнакомый человек, видимо, пастор, о чем-то меня спросил, погладил по голове и дал какие-то листочки с изображением святых, ангелов и чертей в аду. Я долго с любопытством разглядывал эти картинки вместе с братом и сестрой.

В начальную школу я начал ходить с шести лет, и в 1922 году (ко времени отъезда из США) я окончил два класса американской школы. Обучение в школе проводилось в одну смену. То ли из-за нехватки помещения, то ли из-за нехватки учителей в одной классной комнате одновременно обучались две группы. Нас отделял друг от друга лишь узкий проход между партами. Учителям во время обучения разрешалось наказывать учеников розгами, линейкой, оставлять без обеда и заставлять стоять в углу на коленях. Мне за разные проделки довольно часто выпадали эти наказания. Интересна такая деталь: девушка-учительница не имела права выходить замуж или коротко стричь волосы, что начинало тогда входить в моду. Обычно учительницы были сварливыми девственницами, наказывающими детей без какой-либо жалости.

Население поселка в буквальном смысле можно было назвать интернациональным. Сюда собрались люди самых разнообразных национальностей: русские, украинцы, литовцы, венгры, чехи, словаки, американцы и др. Однако там не было ни одного негра. Нужно отметить, что за всю свою короткую жизнь в Америке я только один раз видел коренного жителя Америки – индейца. Все индейцы были загнаны в резервации, откуда могли выезжать только по особым разрешениям.

Мои родители – отец Прейкшас Иван Юрьевич 1887 года рождения и мать Анна Ивановна 1889 года рождения – приехали из Литвы. Процветающей Америке требовались дешевые рабочие руки, и многочисленные агенты, наводнившие Европу, находили благодатную почву для вербовки

рабочей силы особенно в прибалтийских странах.

Мой отец объездил немало штатов и городов США, пока, наконец, не остановился в городе Томас, в одном из крупных угольных районов Западной Виргинии. Он нанялся на шахту горнорабочим. Здесь он встретился с моей матерью. Мать работала на ткацкой фабрике. После встречи с отцом стала домохозяйкой. Она была совершенно неграмотной, не умеющей ни читать, ни писать. Была, в отличие от отца, верующей. Возможно, под влиянием отца она постепенно стала отходить от веры, и в один прекрасный день я увидел, как она вытащила из сундука какую-то икону и выбросила ее.

Отец в Литве окончил 4 класса сельской школы. Прочитавший, как он говорил, библию от корочки до корочки, понял всю несостоятельность церковного учения. Однако его мать (моя бабушка) была весьма набожной, и отцу за неверие в бога часто от нее перепало. Она же сумела привить глубокую веру в бога и дочери Марии (сестра моего отца). Между отцом и сестрой часто возникали споры на религиозные темы, в которых отец доводил сестру до белого каления. Забегая несколько вперед, сообщая, что сестра отца Ева вышла замуж за литовца, выходца из Восточной Клайпеды Юргиса. Во время 1-й империалистической войны Юргис был призван в германскую армию, где служил матросом на подводной лодке, совершившей легендарный по тому времени переход через океан и потопившей немало кораблей союзников. Однако он попал в плен и пробыл несколько лет в лагере военнопленных в США, в штате Джорджия. За революционную работу Юргис был арестован и скончался за несколько дней до выхода из тюрьмы, оставив вдовой с детьми мою тетку Еву. До начала Второй мировой войны они жили в Литве. Изредка с ними велась переписка.

У отца были еще три брата. Один из братьев Джорж также эмигрировал в США и работал на той же шахте в Кемптоне. Жили они в Кемп-

тоне напротив нашего дома. В 1922 году у них было два сына: Мартин и Альберт. О их судьбе мне ничего не известно, так как переписка оборвалась. Были слухи, что они переехали в Чикаго.

Кроме меня в нашей семье имелись еще двое старших детей: сестра Анна 1910 года рождения и брат Эмиль 1912 года рождения. Ко времени отъезда из Америки сестра окончила 7 классов, а брат 4 класса начальной школы. Видимо, в годы пребывания в Томасе, а затем в Кемптоне отец вместе с мамой начал принимать участие в рабочем движении, а после организации компартии США он вступил в ее ряды. Началась подготовка к стачке среди горняков. Отец принял деятельное участие в этой подготовке.

Была попытка угольной компании пустить в ход для запугивания стачечников свою организацию ку-клукс-клан. Это было осенью 1916 года. Тогда на холме перед поселком появился ночью огненный крест. Даже самые маленькие жители городка видели, как вокруг него плясали люди в белых балахонах. Это означало предупреждение. Поселок насторожился и притих. Насторожился и мой отец. Его многозарядная винтовка перекочевала со стены к изголовью постели. Поутру на крыльце дома мы обнаружили записку с угрозами, и отцу пришлось уехать из штата. Он скитался по среднему западу больше года. Потом увез нас в штат Индиана, но оттуда мы снова вернулись в Кемптон, когда стачечное движение стало затихать.

Отец не останавливался в своей борьбе. Часто к нам съезжались рабочие из других местечек и городков. У нас дома проводились беседы, чтение газет и другой литературы, среди которой были произведения Ленина и Маркса, на английском или литовском языке (обычно гости были литовцами). Иногда такие сходки проходили открыто, а иногда скрытно. Правда, в поселке не было отделения полиции, а был лишь шериф.

Немало неприятностей доставляли шерифу и листовки, расклеенные ночью моей матерью. В

последний период подготовки к стачке все чаще начали проводиться массовые митинги, на трех присутствовал я. Один из них проводился в большом закрытом танцевальном зале городка Томас, видимо, откупленном по этому случаю. Второй за городом в окрестностях Томаса. И третий в лесу в окрестностях Кемптона. О духе и настроении людей, собиравшихся на такие митинги, очень живо передано в книге Говарда Фаста, где описывается один из концертов, который Поль Робсон дал для рабочих на эстраде в лесу, когда ему запретили выступления в концертных залах городов США. Правда, эти митинги проходили без кровопролития, но участники были начеку, так как полиция, узнав о предстоящем митинге, засылала своих агентов. Некоторых из них удавалось разоблачить, после чего их с позором выгоняли.

Однажды по поселку пронесся слух о том, что группа штрекбрейхеров должна во второй половине дня прибыть к нам на шахту. Мы, дети, конечно, под руководством более старших ребят, моментально рассыпались по курятникам поселка и через какие-нибудь 30–40 минут вновь собрались с полными кепками тухлых яиц и гурьбой направились в горы к железнодорожной станции. Все мы горели желанием испытать свою ловкость на ненавистных нам изменниках. Возможно, под наши горячие руки попал бы и невинный человек, если бы он вышел из вагона, но, к счастью, этого не случилось. В этот день из поезда на станцию никто не вышел. Разочарованные, мы вернулись в поселок, и надо было видеть, с какой яростью мы закидали тухлыми яйцами дом штрекбрейхера. О нашей проказе родители не могли не знать, но об этом от них я не услышал ни одного слова.

Победа Октябрьской революции в России всколыхнула массы пролетариата во всем мире. Нарастало мощное движение по оказанию помощи Советской России в восстановлении разрушенного хозяйства. Несмотря на все барьеры, уста-

новленные цензурой, правда о России проникала к простым рабочим. Всякое известие из России читалось и прослушивалось с большим интересом.

В конце 1921 г. В. И. Ленин принял группу иностранных рабочих, среди которых был известный американский революционер Уильям Хейвуд, голландский коммунист Рутгерс и представители других организаций. Они предложили Ленину проект организации в Кузбассе колонии, где могли бы работать русские и иностранные рабочие, чтобы совместными усилиями восстановить хозяйство Кузбасса. В. И. Ленин с интересом отнесся к этому предложению и, после того как был представлен подробный проект и внесены поправки и дополнения, одобрил его. В конце 1921 года Совет Труда и Оборона принял постановление об организации американской индустриальной колонии «Кузбасс».

Организация этой колонии нашла широкий отклик в США. Для набора рабочих, желающих ехать работать в Сибирь, в Нью-Йорке был создан специальный комитет. Желающие ехать в Сибирь вместе с заявлением должны были представить рекомендательное письмо от партийной, профсоюзной или от какой-либо другой рабочей организации. В дальнейшем В. И. Ленин не раз возвращался к этому вопросу с тем, чтобы в Кузбасс ехали люди, искренне желающие помочь Советской стране и способные перенести лишения и трудности. Подал заявление о своем желании работать в Сибири и мой отец. Вскоре он получил ответ, что его просьба удовлетворена, и мы стали готовиться к отъезду.

Для получения визы и оформления паспортов нам необходимо было сфотографироваться. С этой целью весной 1922 года мы поехали в город Томас, так как в нашем поселке не было салона фотографии. Прибыв в Томас, поезд, не доезжая полукилометра, остановился. В вагоны ворвались шум, крики и свист многочисленной толпы людей, расположившихся на краю железнодорожного пути. Казалось, что сюда собрался весь город с населением 200–300 тысяч человек. Проходя вдоль

состава, мы вдруг увидели два пассажирских вагона, стоявшие на соседних путях. Вагоны охранялись вооруженными солдатами. Из окон высывались головы людей. Среди общего гама в адрес охранявших вагоны солдат раздалось оскорбление: «Желтые собаки!»

Вдруг в одном человеке, высунувшемся из окна, отец узнал коммуниста, члена стачечного комитета. На вопрос отца, что здесь происходит, тот коротко успел сообщить, что угольная компания спровоцировала стычку между пикетчиками и штрекбрейхерами и, воспользовавшись этим, начала массовые аресты пикетчиков и бастующих рабочих. На этом разговор закончился, так как охрана отогнала нас от вагона. Позже мы узнали, что среди арестованных были и другие знакомые нам активисты забастовочного движения.

Примерно через час, когда мы находились у фотографа, по городу пронесся слух, что вагоны с арестованными были прицеплены в конец прибывшего с нами состава и этим поездом отправлены в соседний город Дейвис, где, видимо, находилась окружная тюрьма. Когда поезд поднимался в гору, последний вагон отцепился и пошел под уклон, развивая скорость. Находившиеся в вагоне люди из-за неисправности тормозов не смогли его остановить. Когда вагон на большой скорости вышел на поворот, он опрокинулся и полетел под откос, перевернувшись на своем пути три раза. Среди многочисленных раненых оказался только один убитый, югослав по национальности.

Полиция, узнав о катастрофе, мгновенно выехала на место, блокировала все пути и дороги, оцепила вагон и никого не подпускала близко к месту происшествия. Лишь позже, когда все люди были вывезены, какому-то фотографу удалось сделать два снимка совершенно разрушенного вагона. Он же сделал несколько снимков еще тогда, когда 105 арестованных перед посадкой в вагон загоняли на площадку теннисного корта, огороженную высокой стеной из проволоочной сетки.

Моему отцу удалось заполучить эти снимки, они хранятся у сестры.

Провокация компании вызвала волну возмущения, которая прокатилась, видимо, далеко за пределы штата Западная Виргиния.

Наутро ребяташки поселка отправились в лес собирать цветы, а девушки и женщины в нашем доме плели из них венки, которые затем отправлялись на автомашинах в Томас. Похороны убитого вылились в мощную демонстрацию протеста и сплочения сил стачечников.

Тем временем шла подготовка к отъезду. В багаж укладывалось все необходимое, начиная от ложек и поварешек и кончая большой оцинкованной ванной. Отец сделал дополнительные закупки столярного, слесарного и сапожного инструмента. Особое внимание было обращено на теплую одежду. Ведь по данным, которые мы имели о Сибири, там царил холод. Города занесены снегом, дуют ужасные метели, и ко всему по улицам бродят медведи. Говорили и такое, что люди от голода едят человеческое мясо, убивая своих детей. Конечно, не всему этому верили, но знали, что жизнь в Сибири будет несладкой.

22 июля 1922 года. Борт голландского океанского парохода «Роттердам». Мы поднимаемся по трапу. Внизу на площадке толпится много провожающих, громко переговаривающихся с находящимися на борту пассажирами. До отхода мало времени, и все стараются сказать последние слова, которые всегда приходят лишь в минуты расставания. Многие стоят с заплаканными глазами. Но вот раздается последний гудок парохода, и на борту звучат слова и мелодия гимна пролетариата всего мира «Интернационал». Слова подхватывают провожающие. Кто-то из рабочих (впоследствии я узнал, что это был Франц Грунд) разворачивает большой алый платок. Пароход, медленно пятясь, отходит от причала. Фигуры людей на берегу постепенно уменьшаются, удаляясь все дальше и дальше, пока не превращаются в темную массу. Пароход разворачивается и ус-

тремляется к открытому океану. Когда мы при выходе из пролива проплывали мимо громады статуи Свободы с высоко поднятым в руке факелом, кто-то из пассажиров сказал, указывая на нее: «Смотрите, даже она повернулась задом к «свободной» Америке».

Постепенно берега растаяли и исчезли за горизонтом, а пассажиры все еще толпились на палубе. Вечером в зале, находящемся под палубой, состоялось организационное собрание, на котором был создан комитет, или орган, который должен был руководить жизнью колонистов во время пути следования в Кузбасс. Группа состояла из 400 человек. Многие, как и мой отец, ехали с семьями.

Погода в первые два дня была благоприятной, и мало кто избегал палубы, за исключением тех, кто в первый же день заболел морской болезнью. Лишь на пятый день с утра подул сильный холодный, пронизывающий ветер. Океан волновался. Громадные волны с белыми пенистыми шапками высоко поднимались по борту корабля, однако не достигали нижней палубы. Пароход начало заметно покачивать, но я чувствовал себя хорошо. Я часами мог наблюдать за причудливой игрой воды, за пенистым раздвоенным следом корабля, за поведением летающих рыб. Океан не казался мне однообразным. Каждый гребень, каждый всплеск волны приносил все новые впечатления.

Утром шестого дня я проснулся от мощного протяжного гудка парохода. Выйдя на палубу, я попал в густой туман. Рассеялся он только к обеду. В этот день мы проходили Ла-Манш.

Под вечер седьмого дня мы прибыли в Голландию в порт Роттердам. Здесь пересели на советский пароход «Варшава» и через два дня прибыли в Петроград. У причала нас встречало много людей. Все пассажиры высыпали на палубу. Опять появился большой красный флаг, и с парохода слышались звуки «Интернационала», подхваченные стоящими на берегу. В Петрограде мы пробыли неделю.

Наконец был подан и подготовлен к отправ-

ке эшелон. Он состоял из пассажирских и крытых товарных вагонов. В этом же поезде ехал и наш багаж. Один из товарных вагонов был приспособлен под общую кухню, два или три вагона – под запасы продуктов. Еще в Петрограде были выявлены повара и их помощники, медперсонал и прочие специалисты, необходимые в пути следования. Мы повсюду встречали радушный прием и всемерную помощь. В ответ на доброжелательность колонисты готовили дополнительные обеды, которые на остановках раздавались находящимся на станциях людям. Нередко на остановках медперсонал оказывал населению медицинскую помощь. Когда один из колонистов заболел тифом, его пришлось оставить в незнакомом городе. Он приехал в Кемерово некоторое время спустя, после излечения.

Мы прибыли в Кемерово 25 августа 1922 года. Весь путь из Америки до Кемерова занял чуть больше месяца. Тогда город еще назывался Щегловском, скорее всего, это было большое село, а правый берег назывался Кемеровским рудником. Село было несравненно большим (порядка 25 тысяч населения), чем Кемптон. Здесь я впервые воочию увидел большой завод (коксохимзавод продолжал строиться). Здесь же была большая река, во много раз больше, чем Потомак у Кемптона, где даже для купанья приходилось искать ямки и делать запруды.

Сначала мы поселились в каком-то большом доме причудливой архитектуры, среди парка, примыкающего к восточной части химзаводского поселка на левом берегу Томи. В этом доме жило семей десять. Здесь я познакомился с русским мальчиком одних лет со мной. От него я и начал учиться русскому языку, который усваивал более успешно, чем мои старшие брат и сестра.

Уладив дела с жильем и багажом, колонисты, естественно, не могли сидеть сложа руки. Вскоре отец начал работать на шахте «Владимировский уклон», вначале забойщиком, затем его назначили десятником. Конечно, было очень не-

удобно жить на левом берегу, а работать на правом, так как кроме двух больших лодок-баркасов на веслах другой переправы через Томь не было. В это время на руднике строился большой коммунальный дом, который впоследствии называли «Красным домом» из-за его окраски. Его строили приехавшие раньше нас с первыми тремя группами колонистов плотники-финны. По мере окончания отделки отдельных квартир, они тут же заселялись. Была предоставлена квартира отцу – комната размером 3х4 или 4х4 метра. А еще спустя 2–3 месяца (примерно февраль–март 1923 года) отца назначили заведующим шахтой «Центральная», как в то время говорили, выдвинули. Почему именно его выдвинули на эту должность, мне трудно судить. Ведь он не был специалистом-горняком, он всего лишь был забойщиком. Возможно, этому способствовало то, что он знал в числе немногих колонистов русский язык. Хотя построение его речи было довольно своеобразным и часто вызывало добродушное передразнивание русских. Ему оказали огромное доверие, и он всеми силами старался его оправдать.

В связи с этим назначением мы вскоре переселились в квартиру бывшего заведующего шахтой Мерзлякова, в дом, находившийся в непосредственной близости от шахты. В этом же доме жило еще несколько семей, в том числе горный штейгер Елисеев и десятник Ушаков. Несмотря на близость шахты к квартире, я редко видел отца дома. Он уходил рано утром и возвращался поздно вечером. Очень много времени проводил непосредственно под землей. Первое время одновременно исполнял должность главного инженера шахты. Только в конце 1924 года к нему прибыл на практику студент Леонов, о котором отец отзывался как о хорошем способном инженере.

Оплата труда в колонии в начале ее деятельности производилась «натурой», которая впоследствии была отменена. Несмотря на многонациональность (американцы, венгры, немцы, чехи, словаки, болгары, финны, литовцы, итальянцы,

югославы и даже один негр), отношения между людьми были мирными. Лишь однажды к негру было проявлено недружелюбное отношение со стороны одного из колонистов (не помню кто он был по национальности, скорее всего американец), но колонисты строго осудили этот поступок и в дальнейшем ничего подобного не повторялось.

С русскими колонисты также подружились. Иногда эта дружба переходила в большую привязанность. Колонисты обучали русских всему, что они знали, что могли. Правда, их общению сильно мешало незнание языка, но общий труд, общие цели устранили эту преграду.

В конце 1923 – в начале 1924 года на руднике была создана ячейка коммунистической партии американских рабочих. Если политическая подготовка русского пролетариата зрела в течение всего хода революции в России, то колонисты в значительной части имели еще свежую закваску капиталистического строя, со всеми его пороками. Среди колонистов выявились и такие, которые не выдерживали и возвращались обратно в Америку. Сказывалось отсутствие политической литературы на английском языке.

Все это, конечно, не способствовало успешному выполнению обязательств, взятых колонистами на себя перед советской властью. Отсутствие хорошо подготовленных специалистов (пример тому – назначение моего отца) также вызывало трудности в техническом руководстве. Тем не менее в 1927 году Совет Труда и Обороны в своем постановлении отметил, что в целом АИК справилась с поставленной перед ним задачей.

Колония была ярким выражением солидарности с русским пролетариатом пролетариата всего мира. В связи с изменением экономических задач страны, когда Советская Россия твердо встала на ноги, АИК расформировали. Часть колонистов вернулась в Америку, часть разъехалась по России, а часть, в том числе мой отец, осталась жить и работать в Кемерове. Отец перешел

работать в аппарат рудоуправления. Вскоре они с матерью подають ходатайство о переходе в советское гражданство. В связи с тем что партийные документы отца, а также, видимо, и матери (о ней я точно не знаю) почему-то остались в Америке, при организации коммунистической ячейки АИКа они вступили в компартию вновь. Здесь, на Кемеровском руднике, мать в 1923–1924 годах начинает ходить в школу ликбеза (ликвидации безграмотности), вступает в женскую организацию. С этого времени она активно участвует в общественной работе на руднике, избиралась в депутаты городского совета вплоть до 1936 года.

Сестра Анна в 1924 году вступает в комсомол и принимает деятельное участие в работе комсомольской ячейки. Мы с братом летом 1924 года вступаем в ряды юных пионеров. В конце 1925 года сестра направляется на учебу в Томский педагогический техникум, который заканчивает в 1929 году. Там же она в 16 лет неудачно выходит замуж за Кривочурова – студента рабфака, с которым прожила около двух лет, после чего они разошлись. Сестра осталась с годовалым ребенком на руках.

С осени 1923 года мы с братом начали учиться в русской школе, и в 1930 году я оканчиваю семилетнюю школу ФЗО. Брат поступает на краткосрочные курсы чертежников, которые не закончил, так как в это время в Кемерове открылся химический техникум – первое техническое учебное заведение в городе, куда он и был принят.

В начале 1928 года отец уезжает в Хакасию, где получает должность заведующего горными работами треста «Хакуголь» на Черногорских копях. В 1929 году осенью он возвращается в Кемерово, где вновь работает в аппарате рудоуправления. В конце 1930 и начале 1931 года по призыву партии он уходит из треста на шахту «Центральная», где работает начальником участка. В 1933 или 1934 году вновь возвращается в трест и работает начальником планового отдела.

После убийства С. М. Кирова по всей стране начались репрессии. Целый ряд процессов над троцкистами, промпартией и наконец «Кемеровское дело» вызвали в людях недоверие друг к другу. Каждому казалось, что за любым промахом, за любой ошибкой кроется вредительство, что здесь орудует враг народа. Все считали, что любое действие ГПУ или НКВД осуществляется по указанию Сталина, а значит, по указанию партии. Народ бесконечно верил Сталину, поэтому считал, что эти действия являются правильными. И все же не все ему верили. Сталин подавлял инакомыслие не только своим громадным авторитетом, но и жестокими репрессиями. Доносы поощрялись, этим пользовались проходимцы, бездарности, карьеристы и действительные враги народа.

Мой отец по характеру тихий, скромный, пожалуй, малоразговорчивый, никогда не старался отделиться от народа. С любым рабочим он разговаривал как с равным. Никогда не пользовался привилегиями, которые давала ему должность начальника шахты или начальника участка. Ему была положена легковая лошадь, так же как всем остальным начальникам участков. Он почти никогда не пользовался лошадью, за что получал нарекания со стороны матери. Кучер также жаловался при случае, что остается без дела.

Отец не любил карьеристов, подхалимов и всякого рода бездарностей. И, конечно, наживал себе врагов. Так случилось в 1936 году. Секретарь Рудничного райкома партии (кто, сейчас не помню) направил к нему для устройства на работу в плановый отдел свою жену. Отец прекрасно знал ее как бездарного работника, поэтому отказался принять. На вторичное требование секретаря отец снова ответил отказом. Таким образом, нажил себе сильного врага. В июле или в августе главный инженер рудоуправления Пешехонов (бывший шахтинец) ушел в отпуск. Перед отъездом на курорт он попросил отца разрешить ему оставить свои вещи у нас на кварти-

ре. Отец дал свое согласие, и вещи были перевезены к нам.

Спустя 10–15 дней после отъезда Пешехонова на шахте «Центральная» произошел взрыв метана, погибли люди. Начались аресты. Был арестован и Пешехонов. После ареста Пешехонова отец заявил в коммунальный отдел о том, что вещи Пешехонова находятся у нас. Не знаю точно, заявлял ли он об этом в Рудничный комитет партии. Не знаю, что ему на это ответили, но никто вещами не интересовался до суда над Пешехоновым и вынесения приговора. В ту же ночь, когда был вынесен приговор, объявленный, насколько помню, по радио, на квартиру к нам явился милиционер с понятыми, вскрыли сундук и описали вещи, которые подлежали конфискации. В сущности, ничего ценного там не было. Во время изъятия вещей отец находился в командировке в Новосибирске, в комбинате «Кузбассуголь». Это произошло примерно в декабре 1936 года.

В феврале 1937 года грянул первый гром. В газете «Кузбасс» появилась заметка под броским заголовком «Прейкшас-двурушник имел связь с вредителями». Правда, за точность сейчас не ручаюсь. В статье говорилось о том, что Прейкшас имел связь с вредителем Пешехоновым и скрывал у себя на квартире его вещи. Вскоре отца исключают из партии и снимают с работы. (Мать также была исключена из партии.) В конце апреля на квартиру к нам является милиционер (и еще какой-то человек) и выселяет нас из квартиры.

Еще в 1935 году Рудничный райисполком вынес постановление об отводе моему отцу и Павлову по 60 соток земли в районе стадиона как садоводам-опытникам. Весной 1936 года участки были обработаны (целина) и к осени засажены фруктовыми деревьями и ягодниками. В этом же году отец выстроил стайку с сеновалом, предполагая в будущем построить домик и переселиться в него. Теперь же, после принудительного выселения из квартиры, деваться было некуда, и семья вынуждена была переселиться в эту

стайку. Все же над головой была крыша. В течение мая 1937 года отец на участке выстроил засыпной домик, въехали в него.

В октябре 1937 года отец был арестован.

Теперь вернемся к 1929 году. После окончания техникума сестра Анна некоторое время преподавала в школе, затем была выдвинута на комсомольскую работу в горком комсомола. Вскоре ее назначили инструктором отдела юных пионеров Кузнецкого округа. Одновременно ее часто отзывали для сопровождения различных делегаций из-за границы в качестве переводчика. В конце 1930 года ее направляют работать в Новосибирск, в комбинат «Кузбассуголь», в иностранный отдел в качестве переводчицы. Здесь она выходит замуж за Плешкова Сергея Александровича, работавшего на комбинате «Кузбассуголь» заместителем начальника планового отдела комбината. В конце лета 1933 года Плешков назначается заместителем управляющего Анжерского рудоуправления. Через некоторое время его переводят под Новокузнецк на Куйбышевский рудник. В 1935 году сложилось тяжелое положение на транспорте, в связи с этим Плешкову было предъявлено обвинение в преднамеренном срыве отгрузки угля, он исключается из партии и снимается с работы.

Плешков обжаловал это решение в крайком партии, самому Эйхе. Через некоторое время был назначен начальником планового отдела Куйбышевского рудоуправления и ожидал восстановления в партии. Но летом 1936 года был арестован. В связи с арестом мужа сестра была также исключена из кандидатов в члены партии. Ей пришлось вернуться в Кемерово к родителям.

Брат Эмиль успешно заканчивает химический техникум в 1933 году, после чего работает техником по оборудованию строящегося коксохимического завода. В 1934 году едет учиться в Томский политехнический институт на химический факультет. Учился он отлично, порой поражая своими знаниями профессоров. У студентов пользовался большим авторитетом, хотя и был

весьма скромным. Выделялся своей высокой и плечистой фигурой, высоким лбом и начинающей лысеть головой. «Это был умница» – так отзывались о нем те, кто знал его и учился с ним в одном институте.

Сделаем еще одно отступление. После окончания школы в 1930 году я решил поступить в Красноярский лесной техникум. Дело в том, что мой отец – большой любитель природы, часто брал меня с собой на рыбалку. Вместе с ним во время отпуска мы отправлялись в тайгу, где жили по две недели, совершили поездку в 1929 году из Хакасии в Кемерово на лошади, в 1930 году сплывали на лодке из Старокузнецка до Кемерово, часто выезжали с ночевками на Томь. Я любил эти поездки. Я полюбил природу и решил стать лесником. Но, увы, моим мечтам не суждено было сбыться. Когда я пришел на медосмотр, врач заявил: «По состоянию сердца вы инвалид, а работа лесника связана с напряженной ходьбой. Я не могу выдать вам справку. Рекомендую вам поступить в медицинский или химический техникум».

С конца 1930 года я увлекся радиотехникой, собирая сначала детекторный приемник, затем ламповый, двух- и трехкаскадные усилители и т. п. Однажды при покупке деталей в магазине культтоваров мной заинтересовался заведующий и предложил работу. В магазине я проработал с марта 1931 года по сентябрь. Затем я начал учиться в 1-м Сибирском техникуме связи в Новосибирске на отделении радио. Первую практику проходил на радиотрансляционном узле в Кемерове (радиоузел тогда находился на ул. Советской). Вторая практика была на Новосибирском телеграфном радиоцентре. Третью практику я прошел на Омской радиостанции РВ-46.

Вернулся в Кемерово в 1933 году. Здесь познакомился с заведующим коротковолновой радиостанцией Кемеровского рудоуправления Николаевым, который предложил мне свою помощь в изучении приема и передачи азбуки Морзе. В 1935 году после убийства С. М. Кирова Николаев был аре-

стован, и я был назначен заведующим радиостанцией. Осенью 1936 года в связи с призывом в армию рассчитался. От призыва в армию был освобожден до особого распоряжения. Через месяц с разрешения горвоенкомата поступил на работу техником по радиосвязи Лесного управления комбината «Кемеровокомбинатстрой». В конце февраля 1937 года, вскоре после появления заметки в газете «Кузбасс» о моем отце, мне предложили сдать оборудование.

При приеме оборудования у своего предшественника я подписал приемный акт на аккумуляторы, которые не были мне предоставлены. Я поверил его словам, что они находятся на зарядке в другой организации. Когда же я попытался их заполучить, то этих аккумуляторов не оказалось. Я чувствовал, что дело не в растрате, которую мне приписывали. Нужно было избавиться от неугодного элемента.

Еще в 1933 году я познакомился с Кузнецовой Александрой Николаевной. Она училась в Томском политехническом институте и приехала на каникулы к своим родителям-педагогам. Я начал опасаться, что наша дружба может навлечь беду на ее семью, и решил, что будет лучше порвать наши отношения.

В сентябре 1937 года я был осужден на полтора года лишения свободы. Конечно, я мог бы до суда обратиться к отцу за помощью для покрытия недостачи, но я знал, что и он находится в трудном положении. Все сбережения были израсходованы на строительство дома. После суда я был зачислен в пожарную команду при тюрьме, состоявшую из таких же заключенных, как и я, получил относительную свободу как «вольновыходец».

Вскоре начались повальные аресты по статье 58. Так как «вольновыходцы» часто подменяли часовых на вышках, то перед моими глазами на прогулках проходили все заключенные, среди которых я видел много знакомых. Тюрьма в городе была переполнена, поэтому на шахте «Ягуновская», строительство которой было законсерви-

ровано, в стандартных бараках, окруженных высокой деревянной оградой, была организована вторая тюрьма. Сюда начали переводить заключенных из города. Сюда же перевели весь состав пожарной команды, в том числе и меня. В конце октября 1937 года среди арестованных, переведенных на Ягуновку, я увидел своего отца. Мне удалось обменяться с ним записками. Он писал, что обвинен по статье 58 части 10, т. е. в контрреволюционной агитации. Я был уверен, что вскоре все выяснится и он будет освобожден. Дней через 15 отца опять перевели в город, с тех пор я его больше не видел.

Однажды меня вызвали в первую часть. Там сидел человек в форме сотрудника ОГПУ. Он задал мне вопрос, знаю ли я, что мой отец арестован и за что. Я ответил, что об аресте знаю, а за что, не знаю. Второй раз меня спросил, считаю ли я, что отец был арестован неправильно. Я ответил, что не знаю, в чем состоит обвинение. На этом вопросы кончились, но он предупредил: «Вы должны понимать, что мы вам не верим, поэтому малейший ваш неверный шаг может окончиться для вас плохо». Взяв подписку о неразглашении этого разговора, он меня отпустил. Для меня до сих пор остается загадкой, как я избежал повторного ареста, как меня могли оставить на вольном выходе. Зная, что за каждым моим шагом следят, я вел себя очень осторожно.

После 13 месяцев вольного выхода я был отправлен с этапом в Новосибирск, где в течение месяца работал в лагере на строительстве домов. Затем в Прокопьевске работал на погрузке угля в железнодорожные вагоны. Освободился я в январе 1939 года.

В период пребывания в ягуновской тюрьме однажды я был отпущен на сутки домой. Дома я застал только мать. Она сообщила, что вчера ночью приходили за сестрой, но она еще вечером, не зная о готовившемся аресте, уехала в Томск искать работу, так как здесь на руднике не могла устроиться, ей отказывали.

Чтобы предупредить ее, я тут же написал письмо в Томск. Впоследствии узнал, что письмо получил брат и понял мое предупреждение. На следующий день сестра выехала в Новосибирск. Там она в безрезультатных поисках работы провела два дня, а затем вернулась в Томск, но брата уже не застала. Он был арестован 15 января 1938 года. С тех пор о нем мы не получали никаких известий. Мать даже специально выезжала в Мариинск на его поиски, но все безрезультатно.

Из Томска сестра вернулась в Кемерово, где прожила, не выходя из дома и никому не показываясь, до следующей ночи. Она написала письмо на имя Сталина. В письме использовала документы, которые отец после исключения из партии готовил для крайкома партии. Письмо было отослано. Некоторое время спустя сестра выехала на станцию Копьево-Ачинской железной дороги, там она устроилась работать бухгалтером в управление золотыми приисками.

Спустя месяц или два после отправки письма в Москву мать получила извещение из ЦК партии о том, что дело по жалобе направлено в крайком партии, а спустя еще некоторое время извещение из крайкома партии о том, что дело направлено в городской комитет партии. Вскоре из Рудничного комитета партии пришла посылная, через которую матери было передано приглашение прийти в рудком. То, что последовало дальше, так и осталось до сих пор непонятным для меня, по-видимому, что-то начало меняться к лучшему в стране или жалоба попала в чьи-то доброжелательные руки.

Здесь необходимо опять вернуться назад. Спустя некоторое время после ареста отца мать решила устроиться на работу. Как бывший член партии она обратилась к секретарю рудкома за содействием. Он ответил ей, что если она найдет работу, то может устраиваться. Вскоре она действительно нашла свободное место бан-

щицы в рудничной бане. Однако ей было отказано в приеме. Это было вполне понятно, в то время проявление какого-либо сочувствия к репрессированным и к членам их семей рассматривалось как связь с врагами народа. Хорошо знакомые люди при встрече даже на простое приветствие отвечали сдержанно, опасливо, с оглядкой, опустив глаза, спешили скорее расстаться. Но не все были такими. Многие не боялись бывать в нашем доме, оказывали помощь. Часто самые простые рабочие, о существовании которых раньше я даже и не знал, говорили: «Если бы все коммунисты были такими, как Иван Юрьевич, то мы в СССР давно построили бы коммунизм».

Мать вновь пришла к секретарю Рудничного комитета. Он встал из-за стола, вышел к ней навстречу и усадил на стул, после чего начал спрашивать, в чем мать нуждается. Хорошо помня свое первое посещение, мать ответила холодно, что ей теперь ничего не нужно. Тогда он, как бы вспомнив, спросил: «Вы, кажется, хотели устроиться на работу? Если вы найдете что-либо подходящее, сообщите нам, и мы вам поможем». На этом они и расстались.

Теперь можно было ожидать, что отец с братом возвратятся домой. На это надеялась и об этом думала мать. У меня же на этот счет не было особых надежд. Вернувшись из Копьево, сестра устроилась работать в бухгалтерии рудкомхоза, а затем в горкомхоз. Из горкомхоза она перешла в Кемеровский горный техникум преподавательницей английского языка, а оттуда в Химико-технологический институт, эвакуированный после начала войны из Днепрпетровска. После освобождения Украины в 1944 году сестра вместе с институтом уехала в Днепрпетровск, где была до 1952 года.

Во время пребывания на вольном выходе в тюрьме я питался неплохо. Суп всегда был хорошо заправлен овощами с густым наваром свиных мослов. Я начал быстро поправляться, и вес мой

достиг 92 кг. Питание остальных заключенных состояло из жидкой водицы, чуть окрашенной томатной пастой с плавающими крупными чечевицы. С вольного выхода меня закрыли в камеру 3 ноября 1938 года. Здесь в ожидании этапа в Новосибирск я просидел с неделю.

В Новосибирском лагере нас разместили в палатках, в которых были поставлены железные печки. На дворе была уже зима, хотя и малоснежная, но холодная. Ночью заключенные часто вскакивали и начинали растапливать потухшую печку. Разбуженные холодом и возней, вскакивали и другие заключенные, образуя заслон вокруг печки. На нарах от этого казалось еще холоднее. Утром, съев значительную часть суточного пайка хлеба и проглотив жиденькую баланду, мы отправлялись под конвоем на работу.

В декабре 1938 года опять камера пересыльной тюрьмы в Новосибирске. Здесь я просидел около 15 суток. Резкое ухудшение питания в лагере и в тюрьме вызвали быстрый упадок сил. Наконец нас отправили в Прокопьевск, сначала в центральный лагерь, потом после переклички и проверки по сопроводительным документам распределили по другим лагерям. У меня выросла борода до груди. При проверке моих документов проверяющий вынужден был трижды вновь и вновь посмотреть на меня и на документы, сверяя лицо с фотографией и год рождения с моим видом. У него невольно вырвалось признание, что он принял меня за 60–70-летнего старика. А было мне тогда всего 25 лет.

Я попал в лагерь на шахту Манеихина. Работал на разборке породы на терриконике и чувствовал, что силы окончательно оставляют меня. Заключенные относились ко мне заботливо, стараясь, где это возможно, заменить меня во время передышки, делились своими скудными запасами хлеба, выделяли работу полегче. Вскоре меня перевели в бригаду по расчистке снега на узкоколейных путях.

Нашу бригаду называли стахановской. В связи с этим резко улучшилось питание, норма хлеба достигла 1200 грамм, а обед теперь состоял из трех блюд. Я начал оживать. Вскоре меня перевели в бригаду по погрузке угля в вагоны, а затем в вызывную бригаду.

Эта бригада работала также на погрузке угля. Ее вызывали на работу только тогда, когда на шахту подавались вагоны под уголь. Если вагон в течение суток не было, мы отдыхали, а если вслед за погруженным составом прибывал через час или два состав, мы снова шли работать. Из отвала грузили уголь на тачки и доставляли в вагон. Кроме улучшения питания был определенный заработок. Работали в любую погоду: и в сорокаградусный мороз, и в бураны, которые были нередки в тот год. Однажды утром, почувствовав сильное недомогание, я перед разводом отправился к лагерному врачу. Тот, тщательно осмотрев меня и замерив температуру (она была 38,5), дал мне освобождение на три дня. В этот день я лежал в бараке на нарах. Время приближалось к полудню, когда меня вызвали к начальнику лагеря. Здесь он мне вручил документы о досрочном освобождении.

Была вторая половина января 1939 года. Прибыв через сутки с небольшим в Кемерово, я вновь слег и проболел целый месяц. Поступил работать электрослесарем-монтажником на шахту «Центральная» в 1-й район. Поступить на шахту не составляло большого труда. Очень многие меня хорошо знали, знали и отца.

На шахте я проработал до осени 1939 года. Затем, чувствуя, что работа мне не по силам, рассчитался. Перед тем женился на Бондаревой Ефалии Васильевне, которая была в числе моих друзей еще с 1933 года, и я знал о ее симпатии ко мне. Нравилась и она мне. В период после ареста отца и моего заключения Фаля относилась весьма сочувственно к моей матери, оказывая ей посильную помощь. Я все еще любил Сашу Кузне-

• ПРЕЙКШАС
Иван Юрьевич
с сыновьями
Эмилом и Евгением
(1926 год)

• ПРЕЙКШАС
Анна Ивановна
с белочкой
(1978 год)

цову, но считал, что прежние отношения невозможны. Она к этому времени уже окончила институт и работала на шахте «Северная». Я недоучка, не имеющий определенной профессии, бывший арестант и к тому же сын врага народа не имел права даже думать о ней. Я должен был начинать жизнь сначала.

Мне было нелегко вновь найти работу. Наконец я случайно встретился с главным механиком лесокомбината Нагайцевым С. С., который предложил мне работу в электроцехе. Хорошо помню первое задание мастера цеха: собрать и спаять схему обмотки трехфазного электродвигателя, собрать двигатель и опробовать. Задача сложная, если учесть, что я никогда не видел ни схему, ни сборку электродвигателя. Вскоре я освоился со своей работой, и в отдельных вопросах со мной уже считались как с опытным электриком.

Когда в июне 1941 года грянула война, на фронт ушли все старые кадры электроцеха. Я остался один с учеником и был назначен мастером электроцеха. На двоих легла работа за шестерых. Впоследствии цех пополнился двумя слесарями-машинистами лебедок, которых я начал готовить на электрослесарей. Работа, как и во всей стране, была напряженной. Работали по 12–14 часов в сутки без выходных дней.

Положение усугублялось тем, что на лесокомбинате были вербованные и стройбат. Среди них наряду с хорошими честными людьми были и такие, которые стремились «посачковать». Нередко выходили из строя электродвигатели на выгрузочных механизмах. При выяснении причины выхода из строя мы находили в подшипниках насыпанный песок. Чаще всего это происходило в субботу к концу рабочего дня первой смены. Установить, кто это делал, не удавалось. Каждая такая авария приводила к тому, что мы немедленно приступали к ремонту, чтобы обеспечить работу того или иного механизма на следующий день.

В течение 1941–1943 годов я довольно часто получал повестки на призывной пункт, и каждый раз после прохождения комиссии меня возвращали домой. О причине я мог только догадываться. Впоследствии на меня «наложили бронь», и повестки стали приходить реже. Большая перегрузка, связанная с постоянной ходьбой, которая в общей сложности составляла до 30–43 км в сутки (только от дома до работы 8 км), недоедание и скудное питание подорвали мои силы, сердце сдало, и я слег. Надо отдать справедливость руководству лесокомбината и рабочим. Я ни разу не слышал от них даже намек на мое прошлое. Лишь однажды главный механик Нагайцев сообщил мне, что его вызывали в ГПУ, где разговор шел обо мне как о неблагонадежном элементе. Однако никаких последствий этот разговор не вызвал, кроме того, что я вновь почувствовал недоверие к себе.

В 1943 году я был принят на второй курс Кемеровского горного техникума. При этом и без того тяжелое материальное положение значительно ухудшилась. Но я знал, что должен получить образование и новую специальность. Несмотря на то что директор лесокомбината обещал повысить мне оклад, если я останусь работать, я не дал своего согласия и рассчитался. В декабре 1944 года моя жена Фаля после тяжелых родов умерла, и я остался с четырехлетним сыном. Я очень тяжело переживал ее смерть. Я потерял близкого и преданного друга, любящую, заботливую жену и ласковую мать.

ОТ РЕДАКЦИИ

Здесь несколько листов рукописи утеряны не по нашей вине. Это случилось задолго до открытия музея. Автор, по всей видимости, повествует на этих страницах о женитьбе на Александре Николаевне Кузнецовой, о новой семейной жизни.

В 1952 году один из недоброжелателей при проверке партийных документов обнаружил, что в личную карточку жены не внесена запись об изменении ее семейного положения, о том, что она замужем за сыном врага народа. Это послужило поводом для персонального дела. Несмотря на то что большинство членов бюро меня хорошо знали (некоторые с детства), лишь отдельные товарищи выступили против этого обвинения. Остальные боялись высказать свои мысли. В результате – выговор по партийной линии.

Лишь после смерти Сталина и разоблачения Берии я почувствовал, какая тяжесть спала с моей души. В 1956 году из Сибирского военного трибунала мы получили постановление о полной посмертной реабилитации отца и брата ввиду отсутствия состава преступления. Несколько позже сестра получила постановление о реабилитации ее мужа С. А. Плешкова.

На шахте «Центральная» я проработал в должности главного энергетика до 10 декабря 1960 года. Ввиду тяжелой болезни с 10 декабря 1960 года по июль 1962 года я был на излечении, затем на инвалидности. С 1 февраля 1964 года нахожусь на пенсии по старости. Являюсь внештатным преподавателем на курсах по подготовке шахтных электрослесарей-автоматчиков по курсу «Автоматизация электромеханических установок угольной промышленности».

В заключение хочется сказать следующее.

Годы культа Сталина надолго останутся в памяти советского народа как годы самой бессмысленной жестокости и подозрительности. Если бы не заслуги Сталина перед народом в деле социалистического строительства, напрашивалось бы сравнение его с кровавым Николаем II. Сотни и тысячи лучших людей, преданных делу партии, погибли по его вине, и не может быть ему прощения.

СООБЩАЮ О СВОИХ БЛИЖАЙШИХ РОДСТВЕННИКАХ:

Мать Анна Ивановна – скончалась в 1953 году.

Сестра Анна – в настоящее время живет в Днепропетровске, преподает английский язык в университете.

Ее сын Анатолий – живет в г. Жданове и дочь Людмила – в Днепропетровске.

В Литве, как я упоминал, родственники имеются, но сведений о них не имею.

Кузнецов Борис Николаевич – брат моей жены, работает в органах МВД города Кемерово.

Его жена Любовь Сергеевна – зубной врач специализированной поликлиники Кемерово.

Кузнецова Галина Николаевна – сестра моей жены – артистка драматического театра им. Луначарского в Кемерово.

Ее муж – Изюмский Юрий Васильевич – одно время был директором областного драматического театра. В настоящее время директор института усовершенствования учителей.

Его брат (по матери) Майзель Анатолий Борисович – хирург городской больницы и преподаватель на кафедре хирургии Кемеровского медицинского института.

Второй брат Изюмский Борис Васильевич – писатель, живет в Волгограде.

Кузнецов Леонид Николаевич – полковник Советской Армии, служит в Одессе.

Кузнецова Клавдия Николаевна – сестра моей жены живет с мужем в г. Ивантеевке Московской области.

Кузнецова Мария Захаровна – мать моей жены, учительница-орденоносец, в настоящее время на пенсии.

Сын Артур – горный техник-электромеханик, в настоящее время живет и работает в Перми.

Кемерово, 1944–1966 годы

- Ветераны на Красной Горке
- Сотрудница музея Зинора ВОЛКОВА ведет экскурсию

Александр ЗАДЕМИДКО

ИСТОРИКИ РАССКАЖУТ, КАК ВСЕ БЫЛО

Александр Николаевич Задемидко окончил Донецкий горный институт, работал на прокопьевской шахте им. Калинина, управляющим трестом «Сталинуголь», главным инженером кемеровской шахты «Северная», главным инженером Главугля Востока, главным инженером Главугля Донбасса и Кавказа, начальником комбината «Сталинуголь» в Донбассе, министром СССР по строительству топливных предприятий, зам. министра угольной промышленности СССР, министром угольной промышленности СССР, председателем Кузбасского совнархоза, заместителем Представителя СССР в СЭВ. Награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, четырьмя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, многими медалями. Почетный работник угольной промышленности, награжден четырьмя знаками Шахтерской славы.

Летом 1932 года на горном факультете Донецкого горного института имени Артема было получено полуофициальное письмо начальника отдела кадров треста «Кузбассуголь». Этот трест был образован для руководства предприятиями угольной промышленности, расположенными в Кузбассе и в Хакасии. Аппарат управления треста находился в г. Новосибирске. В этом письме начальник отдела кадров, имя которого моя память, к сожалению, не сохранила, приглашал студентов старших курсов нашего института приехать на практику в Кузбасс. При этом от имени треста руководитель отдела кадров обещал оплатить стоимость проезда в Кузбасс и обратно, предоставить рабочие места на шахтах бассейна, обеспечить общежитием, одежду и обувь, «поскольку зима в Кузбассе холодная», пояснил он в письме. Перспектива поработать немного на шахтах Кузбасса, о которых мы слышали кое-что интересное, посмотреть Сибирь вообще показалась нам заманчивой и полезной. Окончательно склонил нас к поездке в Кузбасс весьма благожелательный, простой, деловой и, я бы сказал, житейский тон письма.

Я столь подробно и благожелательно говорю об этом письме потому, что считал и считаю, что за ним стояли настоящие коммунисты-кадровики, которые с душой делали свое незаметное, но важное дело, общались и работали с молодежью, способствовали этим решению задачи огромной важности – укомплектованию нового необжитого района страны кадрами, что для Кузбасса в то время было главным делом. Вот при

таких обстоятельствах группа студентов четвертого курса горно-эксплуатационного и горно-шахтостроительного факультетов Донецкого горного института имени Артема оказалась в Кузбассе. Группа эта состояла из девяти человек, в которую кроме меня входили Б. Ф. Глушенков, Г. П. Бондаренко, И. К. Кит, Миль, Костюковский и другие. Все названные товарищи остались после практики трудиться на шахтах и стройках Кузбасса.

В «Кузбассугле» нас встретили весьма приветливо, приняли, можно сказать, «на уровне», организовали несколько бесед, в ходе которых подробно ознакомили с бассейном, характерными особенностями отдельных его районов, рассказали не только о трудностях и сложностях, но также и об интересных стройках Кузбасса, о перспективах развития этого уникального каменноугольного бассейна.

В ходе беседы в «Кузбассугле» мы поняли, как на практике осуществляется линия коммунистической партии на индустриализацию страны, на освоение новой техники. Ведь в то время только что было закончено строительство железной дороги до Новокузнецка, полным ходом шло строительство Кузнецкого металлургического комбината, составной части «Уралокузбасса». Строилось полтора десятка крупнейших не только у нас в стране, но и в мире угольных шахт. Строились города, поселки, театры, школы, водопроводы, проводились трамвайные линии.

Основной костяк шахтеров составляли коренные

сибиряки. Это были люди, на которых во всем можно было положиться, которые все могли делать, преодолевать, казалось, любые природные, жизненные, производственные и иные трудности.

Инженерно-технический коллектив Прокопьевского рудника также был небольшим. Он состоял из высококлассных специалистов, каждый из которых обладал богатым производственным опытом. Судьба многих из них была сложной. Разными путями они пришли в этот район Кузбасса и при разных обстоятельствах убыли из него, но при всем том это были хорошие инженерно-технические работники, патриоты горного дела. Я хотел бы в этой связи вспомнить полезную деятельность в освоении сложного в горно-геологическом отношении Прокопьевско-Киселевского района инженеров Люри, Майера, Лекуса, Сорошкина, Валентина Шалкова, Чинакала, Горбачева, Шационка, Леонтьева, Антонова и Горячева, Овсянникова, Черепухина, Пименова, Юдкина. Конечно, инженерно-технический и административный коллектив Прокопьевского рудоуправления и его шахт не ограничивался названными мною людьми. Их было значительно больше. Однако перечислить всех невозможно.

На шахту 5/6 имени Ворошилова я прибыл в конце сентября 1932 года и проработал до конца марта 1933 года, хотя срок моей практики закончился в декабре 1932 года.

Начал я работать сменным техником на капитальных работах, нам было поручено оборудовать квершлаг между стволами № 5 и 6. В моем распоряжении находилась бригада из 25 человек, в состав которой входили в основном жители среднеазиатских районов, главным образом узбеки. Все это были замечательные трудолюбивые люди, но руки их, кроме кетменя, видимо, в жизни ничего другого не держали, и, кроме как возделывать землю, делать эти люди ничего не умели, поэтому они с интересом и, как мне казалось иногда, даже с восхищением смотрели, как я орудовал отбойным молотком, кайлом, и особенно удивлялись, как я ухитрялся «с замахом из-за плеча» ударять длинным тонким молотком по маленькой шляпке шахтного косьтыля, которым крепились рельсы к шпалам.

Через неделю по моей просьбе меня назначили заместителем начальника эксплуатационного участка, который разрабатывал пласты 2, 3 и 6 Внутренние. Это,

конечно, были более мощные пласты (3–3,5 метра), чем виденные мною в Горловке, в Донбассе (0,6–1,1 метра), но в общем-то разрабатывались они теми же одноуступными горловскими крутопадающими лавами с соответственно усиленным и утяжеленным креплением, и поэтому особого впечатления на меня эта работа не производила.

Еще через две недели уже без моей просьбы меня назначили начальником вновь образованного участка для разработки семи-, восьмиметрового пласта 4 Внутреннего. Это уже дело было совсем другое, доселе никогда мною невиданное.

...Май 1935 года. Еще не остыв от выпускной горячки, не привыкнув к положению инженера, человека, обладающего не только званием, но и определенными обязанностями, вытекающими из принадлежности к инженерному корпусу, я начал работать в качестве помощника главного инженера шахты № 7 им. М. И. Калинина в Прокопьевске. Пройдя ряд служебных ступеней, уже в марте 1938 года я был назначен управляющим трестом «Сталинуголь». Время проходило быстро, события развивались стремительно. Было очень тяжело, но интересно, и чувство удовлетворения результатами своей работы сопровождало нас всех постоянно, побуждая добиваться большего.

Угнетала обстановка, связанная с составом рабочих коллективов шахт, вообще с составом жителей города. Чувство какой-то неосознанной тревоги не покидало, отягощало жизнь, усложняло отношения с коллективом рабочих, да и с инженерами, среди которых были и «шахтинцы», и «промпартийцы» и другие «...тийцы». Все это угнетало, а по мере нагнетания истерии, по мере исчезновения людей, с которыми продолжительное время проработал рядом, стали возникать и вопросы. Я не мог принять обвинение Шационка, Сергея Родионова, Шаталина, братьев Ходыниных, старого коммуниста Юдкина, заведовавшего шахтой Сталина. Я не мог понять, почему эти люди стали вредителями, что их могло на это сподвигнуть.

Эта моя настороженность, которую я особенно и не скрывал, привела и меня в число тех, кого подозревали и даже прямо обвиняли во вредительстве. Начальник Прокопьевского горотдела НКВД Котрягин прямо говорил это мне в глаза, живописуя при этом условия

содержания заключенных в «Первом доме» города Прокопьевска.

Развязка наступила быстро. Осенью этого же 1938 года я был освобожден от должности управляющего трестом и назначен главным инженером шахты «Северная» в Кемерове. Причину этих событий я узнал позже, работая в Москве и посещая Прокопьевск по служебным делам. Многие мне поведали новый секретарь городского комитета ВКП(б) Багров и новый начальник НКВД Портнягин.

Шахта «Северная» в Кемерове в то время находилась в завершающей стадии строительства. Но уже формировался инженерно-технический состав, вообще трудовой коллектив. Было смонтировано основное оборудование шахты, подготовлены и оснащены механизмами пять очистных забоев. Все это позволило вести попутную добычу угля, отрабатывая при этом технологию всех производственных процессов, формируя и подразделения рабочего коллектива, отрабатывая взаимосвязь отдельных структурных подразделений шахты. Дело шло нормально, коллектив шахты готовился к многолетней трудовой деятельности.

В двадцатых числах октября 1938 года я узнал от управляющего трестом «Кемеровоуголь» И. П. Ивонина, что на днях в Новосибирске состоится совещание угольщиков Кузбасса, который в то время работал плохо.

Меня на это совещание не приглашали. Мне стало очень обидно и показалось подозрительным. При обсуждении положения дел на шахтах «Сталинугля» не могло обойтись без того, чтобы некоторые «бдители» не попытались оценить мою работу, определить мою роль и найти степень моей вины в провале производства на шахтах треста. Посоветовавшись с начальником комбината Постоутенко и получив его поддержку, поехал в Новосибирск. Пригласительного билета у меня не было. Постоутенко его добыть не сумел – совещание (партхозактив) проводил обком партии, и его аппарат определял персональный состав этого совещания. Пригласительные документы вручались приглашенным через парторганизации. Совещание проходило в Деловом клубе. Пользуясь старыми связями, с помощью Постоутенко, я прошел в зал через служебный ход, сел в первом ряду с тем, чтобы президиум и

выступающие меня видели и знали, что я в зале. Без нужды я не собирался выступать.

Президиум, как это было принято в то время, в данном случае не избирался. В нем были секретари обкома, руководители некоторых областных органов, Постоутенко. Все люди мне известные. Двух человек я не знал и спросил у соседей. Мне сказали, что один из них Шкирятов, заместитель председателя КПК при ЦК ВКП(б). Я много о нем слышал, знал, что он близок к Сталину, что его мнение высоко ценится и что он вообще играет в руководстве партии заметную роль. Вторым был заведующий одним из секторов аппарата ЦК ВКП(б) Геннадий Барков.

Я сразу решил, что присутствие на совещании таких ответственных работников не является случайным и вызвано какими-то особыми обстоятельствами. Решил, что обязан выступить и высказать все, что думаю о положении дел в Кузбассе, о серьезных недостатках в работе обкома с кадрами. Если Шкирятов и Барков не обратят внимания на мое выступление, значит, практика избиения кадров в Кузбассе является выражением какой-то политики, проводимой по всей стране. Написал записку Постоутенко и просил его записать меня для выступления и дать мне слово после выступления 2–3 ораторов.

Получил слово и, выйдя к трибуне, увидел, что Шкирятова нет, его стул пуст. Сердце защемило, в голове помутнело. Взяв себя в руки, начал говорить, как мы приступили к освоению новой шахты, как создавали трудовой коллектив, с какими трудностями при этом столкнулись. Сказал, что инженеры да и техники идти работать на шахту не хотят, чего-то боятся, наверное, это результат каких-то серьезных недостатков в работе с кадрами. Старался подготовить слушателей к правильному восприятию того, что собирался сказать о причинах такого положения. Однако мне помогли из зала. Парторг шахты Молотова Нестеров начал выкрикивать: «Что ты нам головы забиваешь всякими мелочами, ты лучше расскажи, как ты вредителей укрывал, как при твоём содействии враг народа Шаталин вредил на шахте Молотова». Его поддержал своими выкриками парторг шахты Калинина Шемякин. Я попробовал отмахнуться и продолжал выступление. Однако выкрики из зала продолжались, говорить стало невозможно.

Я отложил в сторону свои бумажки, различные справки о работе шахты «Северная» и решил дать бой

этим демагогам. Решил, что для этого обстановка благоприятная – меня будут слушать не только Барков, работник ЦК ВКП(б), но и тысяча человек, среди которых было много моих товарищей и друзей, что, по крайней мере, молва о содержании моего выступления бурной волной прокатится по всему Кузбассу.

«Вы кричите о вредителях, о врагах народа начал я. – Да, они есть, но их надо уметь найти, разоблачить, обезвредить. Не надо иметь много ума для того, чтобы посадить в тюрьму тысячу задержанных людей на улице города и среди них одного вредителя. Его еще надо изобличить и показать народу. Вы запутались в трех соснах. Вы своим невмешательством способствуете созданию обстановки, в которой действительные вредители, агенты международного империализма, творят свое черное дело».

Зал реагировал на эти слова бурными аплодисментами. Я опешил. Это вернуло меня к действительности. Я осознал всю важность происходящего, трагедию своего положения, но вместе с этим это же положение придало мне силы, убедило в правоте и необходимости своих действий. Зал бурно аплодировал, а там была тысяча человек, в подавляющем числе это была техническая интеллигенция, цвет, костяк шахтерского коллектива. За малым исключением все присутствующие были членами коммунистической партии.

«То, что происходит в Кузбассе, – продолжал я, – является дискриминацией, избиением, травлей советской технической интеллигенции. Я хорошо знаю Шаталина, братьев Ходыниных. Я долгое время работал начальником участка рядом с Сергеем Родионовым. Это советские люди, выходцы из рабочего класса, воспитанники советской высшей школы. Я уверен, что скоро они опять будут среди нас, будут опять трудиться вместе с нами на шахтах Кузбасса. После разоблачения «шахтинцев» тов. Сталин поставил задачу перед партией, государством, обратился с призывом к молодежи: в кратчайший срок создать советскую техническую интеллигенцию. Эта задача успешно решена – большинство инженерно-технических работников Кузбасса воспитаны советской властью. Происходящее сейчас в Кузбассе напоминает мне позорное явление в ВКП(б) до Октября, выразившееся в травле интеллигенции, огульном обвинении ее в пособничестве капиталистам эксплуатировать трудовой народ, получив-

шее в истории нашей партии название «махаевщина».

Я что-то еще говорил, участники совещания провозжали меня аплодисментами и какими-то выкриками.

Буквально через несколько минут после того, как я покинул трибуну, в президиуме появился Шкирятов. После выступления двух последних ораторов председательствующий Алексеев объявил, что товарищ Шкирятов просит слово в «порядке ведения». Я не могу сказать, что я испугался, но мурашки немного побежали по спине. Объясняя свое присутствие на совещании, он сказал, что в ЦК ВКП(б) поступило много сигналов об извращениях в кадровой политике на селе, допущенных Новосибирским обкомом партии, и лично тов. Сталин поручил ему с группой руководящих работников ЦК и ЦКК выехать в область и на месте разобраться с положением дел. «Узнав по приезду в Новосибирск о настоящем партийно-хозяйственном активе, – продолжал Шкирятов, – мы решили задержаться в Новосибирске и принять участие в этом совещании и не ошиблись». Он объяснил, что его вызвала к телефону Москва, поэтому он не мог послушать нескольких ораторов. «Но я знаю, о чем они говорили, в том числе и молодой инженер Задемидко, – сказал Шкирятов и обстоятельно рассказал о «махаевщине», природе ее возникновения и вреде, который ее носители нанесли партии: – Я не знаю Задемидко, не могу оценить его роль в работе тех предприятий, которыми он руководил. Но сказанное им свидетельствует о его преданности делу партии, делу советского народа. Так в теперешних условиях в Кузбассе мог говорить смелый человек, преданный партии коммунист, знающий свое дело специалист. Сказанное им свидетельствует о том, что извращения в кадровой политике Новосибирского обкома партии имеют место не только на селе. В таких условиях продолжать работу вашего совещания бессмысленно, и я предлагаю его прекратить. Мы немедленно проинформируем ЦК, соберем заседание бюро обкома и примем необходимые меры по осуществлению неотложных мероприятий».

Предложение Шкирятова было принято под бурные аплодисменты.

Я был ошеломлен. Возник вопрос: что делать, как себя вести? Одно дело – события на собрании тысячи человек, а другое – разработка и осуществление «неотложных мероприятий» в обкомовских кабинетах. Я решил проявить осторожность, выйти тем же служеб-

ным ходом, каким незванный зашел, и пойти не в гостиницу, а в «квартиру управляющих» комбината «Кузбассуголь». Решил даже идти не по главной улице Артема, а по безлюдной параллельной улице. Буквально пробрался в квартиру, удостоверившись, что никто меня не видел. Женщина-хозяйка, ведающая квартирой, знала меня как управляющего трестом. Сославшись на усталость и боли в желудке (она знала, что у меня язва), попросил разрешения отдохнуть в ее комнате и никому не говорить, что я в квартире, чтобы меня не беспокоили. Если будут спрашивать по телефону, говорить, что я не приходил и она меня не видела. Я решил часов до 6–7 вечера пересидеть в квартире, а потом пешком на вокзал, купить билет до Новокузнецка, а выйти в Топках и на попутной машине добраться до Кемерова.

Проснувшись, я нашел хозяйку квартиры в панике. Масса телефонных звонков: несколько раз звонил Постоутенко, из обкома, из областного управления НКВД и т. д. Я позвонил Постоутенко, он очень обрадовался и попросил срочно приехать к нему, предложив прислать машину за мной. Но я ответил, что тороплюсь на вокзал и машина мне не нужна, попросил рассказать по телефону то, что он считает нужным. После нескольких минут препирательств он рассказал: «Состоялось заседание бюро обкома под руководством Шкирятова, бюро признало наличие крупных извращений в работе с руководящими партийными и хозяйственными кадрами, наличие крупных извращений в работе областного НКВД, допустившего репрессии, в результате которых невинные люди оказались в заключении. Были отстранены от работы первый и второй секретари обкома партии (Алексеев и Лобов), начальник областного НКВД, председатель облисполкома, редактор «Советской Сибири» и ряд других руководящих работников области. Исполняющим обязанности первого секретаря обкома партии был утвержден Геннадий Барков. Шкирятов требовал найти и привести на заседание тебя, – сказал мне Постоутенко. – Все мы сбились с ног, но тебя не нашли», – добавил он.

В руководящих органах городов Кузбасса были также произведены большие изменения, проведена соответствующая работа в партийных организациях предприятий и учреждений. Стало легче дышать, стали появляться некоторые пострадавшие от произвола.

В январе 1939 года я был вызван в Москву к нар-

кому Л. М. Кагановичу. На второй день меня доставили в Кремль для беседы с Кагановичем (он был также зампредом Совнаркома). Из беседы, длившейся около часа, я понял, что Каганович хорошо информирован о положении дел в Кузбассе. Он расспрашивал меня о многих партийных и хозяйственных работниках Новосибирской области. От него я узнал, что Котлягин был снят с работы за допущенные им извращения и послан на работу в западные области Украины, где вскоре был убит в стычке с «местными националистами».

Мне Каганович предложил должность главного инженера Главугля Востока Наркомата СССР. Я согласился. Для меня с этого момента начался новый период жизни. Я стал участником деятельности наших партийных, государственных, хозяйственных и общественных органов и организаций. Передо мной открылись новые горизонты. Я был не только современником, но часто и участником многих событий и свершений того времени.

В 1970–80-х годах мне приходила мысль, что было бы неплохо описать если не весь мой довольно непростой жизненный путь, то хотя бы отдельные его эпизоды, имеющие общественное значение. При этом всегда считал главным в моей жизни описанное выше событие, связанное с общественно-политической обстановкой в Кузбассе в 1937–1938 годах.

Для этого я хотел добыть стенограмму хозпартактива в Новосибирске 1938 года или хотя бы стенограмму моего и Шкирятова выступлений на этом активе. Мне казалось это тогда делом простым: надо поехать в Новосибирск и в архиве обкома партии их получить. Все как-то не было времени. Уже выйдя на пенсию, направил в Новосибирский обком партии письмо с просьбой выслать мне копию этих выступлений. Однако не тут-то было. Получил ответ из партархива, в котором мне сообщили, что у них не только стенограммы этого совещания, но даже каких бы то ни было документов о том, что такое совещание хозпартактива в конце 1938 года состоялось, вообще нет. Я обратился вторично, попросив при этом связаться с архивом Кемеровского обкома партии, не передали ли эту стенограмму туда при выделении Кемеровской области. Стенограммы я так и не получил. Но надеюсь, что когда-нибудь историки все-таки эти материалы найдут и опишут события того периода в Кузбассе достоверно.

ЧЛЕНЫ НАШЕЙ РЕДКОЛЛЕГИИ ЗА РУБЕЖОМ**САЙМОН ФРЕНСИС —
БРИТАНСКИЙ БИБЛИОТЕКАРЬ**

Родился в 1938 году. Прожил большую часть своей жизни в Лондоне. Имеет научную степень в области библиотечного дела, работает в нескольких университетских библиотеках Лондона. Начиная с 1995 Саймон неоднократно посещает Сибирь, участвуя в проектах по развитию библиотек, которые финансируются Европейским Союзом согласно программе TEMPUS. Он часто бывает в Томске, а с 2001 года работает в совместном проекте с библиотекой Кузбасского технического университета, сотрудничая с директором библиотеки Еленой Николаевной Киндиченко и ее коллегами.

В феврале 2002 года Саймон посещает музей «Красная Горка», где директор музея Андрей Зыков знакомит его с выставками, связанными с историей АИК «Кузбасс». В результате ознакомления с выставками Саймон предлагает музею свою помощь: он собирает и делает копии публикаций по теме АИК, планируя их передачу в дар музею во время его следующего посещения Кемерово. В октябре 2002 года Саймон привозит в музей большое собрание фотокопий книг, статей, тезисов и других материалов, которые он разыскал в различных библиотеках Англии.

В мае 2003 года Саймон снова посещает музей и дарит ему другое большое собрание фотокопий по этой теме, найденных им в библиотеках и архивах Соединенных Штатов Америки.

По мнению Саймона, он дал музею копии всего изданного по теме АИК на английском языке, кроме двух небольших изданий.

Саймон говорит: «Я — библиотекарь, и мои навыки заключаются в умении обнаружить публикации для помощи исследователям. После посещения музея «Красная Горка» я очень заинтересовался темой АИК «Кузбасс» и принял решение использовать мой опыт для помощи директору музея Андрею Зыкову и его коллегам, даря им публикации, недоступные в России. Мне удалось обнаружить много изданий, и я надеюсь, что они будут полезными для будущих исследований, выполняемых в музее. Я буду помнить с большим удовольствием мои посещения Кемерово и музея. Я намерен оказывать музею помощь и в дальнейшем, копируя публикации по теме АИК, которые музей не может получить самостоятельно».

- Саймон ФРЕНСИС среди кузбасских библиотекарей
- Саймон ФРЕНСИС передает материалы директору музея А. В. ЗЫКОВУ

О КРАСНОЙ ГОРКЕ НА АНГЛИЙСКОМ

ОБЗОР НЕКОТОРЫХ МАТЕРИАЛОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ САЙМОНОМ ФРЕНСИСОМ

Уильям Томас Смит. Колония «Кузбасс», Советская Россия 1921, 1926 гг.: американский вклад в построение коммунистического государства.

Данное исследование выполнено в ходе подготовки к защите докторской диссертации по искусствоведению в университете г. Майами.

Исследование посвящено роли американцев в истории АИК. В первой главе работы вкратце описывается политическая ситуация в России после революции 1917 года, отношение коммунистов других стран к происходящим событиям, противостояние Ленина и российских профсоюзов по вопросу привлечения буржуазных специалистов к восстановлению промышленности в России.

Месяц за месяцем, начиная с 1921 года, автор прослеживает хронологию действий основателей колонии: Рутгерса, Хейвуда и Кальверта, Мана и Куна, их встреч с Лениным и другими членами правительства России, анализирует соглашение, заключенное между Советом Труда и Оборона РСФСР и группой американских рабочих. Основываясь на различных источниках, автор делает попытку проанализировать состав АИК по национальному и профессиональному признакам, уделяя больше внимания прибывшим из США. Всех колонистов, прибывших из США (по мнению автора, их всего было 394 человека), он делит на 12 групп, в зависимости от времени их отплытия из страны.

Автор описывает положение в России, увиденной глазами американцев: Харна, Кеннелл, Дойла, а также взаимоотношения колонистов. Часть колонистов, убедившись, что реальность не совпадает с их представлениями о работе в России, довольно быстро вернулась в США; их возвращение было обусловлено различными причинами, не только разочарованием в выбранной цели; однако их возвращение нашло довольно широкий отклик в прессе США и весьма скомпрометировало идею АИК. История американцев – членов АИК начинается с 25 мая 1922 года, когда первая группа прибыла в Кемерово. Автор называет профессиональный состав группы, а также приводит описания города Кемерово и Надежденского завода, данные колонистами. Непросто складывались профессиональные отношения между вновь прибывшими специалистами и местными техническими работниками, однако уже в течение первого года работы были достигнуты определенные результаты.

Деятельность колонии автор условно делит на несколько периодов: с 1922 по 1923 год («период публичности и пропаганды»), середина 1923 – декабрь 1926 года (время официального роспуска колонии) – «основная работа». Автор описывает «американский сектор» работы колонии и дает сравнительную таблицу результатов работы русского и американского секторов.

В приложении приводится полный текст Соглашения между Советом Труда и Оборона РСФСР и организованной группой американских рабочих, а также текст обязательств, разработанных Лениным, который подписывал каждый член АИК, и текст такого соглашения, разработанный журналом (?) «The Nation», копия проспекта «Кузбасс», выпущенного в США, когда начиналась работа по привлечению американских специалистов к деятельности колонии, вопросник, предлагавшийся каждому изъявившему желание стать колонистом, список из 165 американцев-колонистов с указанием их профессий и краткое жизнеописание Хейвуда.

Д. П. Моррей. Проект «Кузбасс». Американские рабочие в Сибири (1921–1926 гг.) «International Publishers», New York, 1983.

Мелли Кальверт и Рут Эпперсон Кеннелл, колонистка и талантливая писательница, собрали множество документов, относящихся к истории АИК. Они хотели написать книгу об истории Кузбасса 20-х годов прошлого столетия, но, к сожалению, умерли, не успев претворить свои планы в жизнь. После их смерти Джессика Смит, бывший редактор «New World Review», предложила Моррею изучить материалы, собранные Кеннелл, и написать историю Кузбасса. В 1982 году Моррей посетил Кемерово, встречался с бывшими колонистами, жившими как в Кемерове, так и в других городах СССР. Их воспоминания позволили автору лучше понять и оценить волнующие и трагические события, изложенные в книге.

Отдельные главы книги посвящены наиболее видным деятелям АИК: Уильяму Хэйвуду, Себальду Рутгерсу, Герберту Кальверту, их жизни и деятельности в США и в России.

Подробно описывается подготовительная работа, предшествующая созданию колонии, в частности переговоры относительно текста соглашения, заключенного между Советом Труда и Оборона и «группой организованных рабочих», варианты этого соглашения, предложения и замечания почти каждого члена инициативной группы по созданию АИК.

После заключения соглашения необходимо было приступить к практическому воплощению его в жизнь. Однако в США почти никто не знал о грандиозных замыслах строительства в далекой Сибири, в никому не известном Кузбассе новой модели общества. Как привлечь грамотных специалистов? Кто будет руководить этой работой? На страницах книги рассказывается о создании Американского организационного комитета «Кузбасс», сложных взаимоотношениях его организатора Герберта Кальверта с другими членами инициативной группы, лидерами коммунистической партии США, работа комитета по набору специалистов и рабочих для работы в Кузбассе, об их отправке в Россию.

Джек Бейер, индеец-семинол, художник, стал первым директором АИК. Первая зима в России, в деревянных избах, встреча первых колонистов, изменение отношения со стороны советских чиновников к самой идее АИК, Кемерову в 1922 году, а также в 1923–1925 годах – все это описано на страницах книги.

Деятельность колонистов была весьма разнообразна: реконструкция и восстановление производства на шахтах, строительство и запуск химического завода, развитие сельского хозяйства, довольно подробно описана и повседневная жизнь колонистов. В 1925 году отношение как колонистов, так и советских чиновников к АИК сильно изменилось. Моррей пытается проследить изменение настроения

всех, причастных к АИК, и судьбу самой колонии и нескольких колонистов в последующие годы.

Очень интересна, на наш взгляд, подшивка – копия бюллетеня «Кузбасс». Бюллетень начал выпускаться Американским организационным комитетом с целью распространения информации о проекте создания АИК «Кузбасс» и о Надежденском заводе на Урале и привлечения квалифицированных специалистов для работы в России. Всего представлены копии 18 бюллетеней – с мая 1922 года по декабрь 1923 года. Стоимость каждого бюллетеня составляла 5 центов. Каждый бюллетень содержит несколько основных материалов с информацией о Надежденском заводе и Кузбассе, а также информацию по различным вопросам как о положении в стране, так и бытовые вопросы, вплоть до призыва не выбрасывать прочитанные газеты, а сдавать их в Комитет, который будет переправлять их американцам, работающим в России.

В первых номерах бюллетеня публикуется информация об отправке первых групп специалистов в Россию, иногда с фотографиями отъезжающих, перечни требуемых профессий, сообщения о сборе еды, книг для отъезжающих.

В 1923 году в бюллетенях появляются материалы, присланные работниками АИК и посвященные состоянию экономики Кузбасса, ходу работы на шахтах, выдержки из писем, отправленных из Сибири в США. Заглянем в один из номеров бюллетеня: № 10 от 20 февраля 1923 года. Там представлена программа развития сельского хозяйства в АИК «Кузбасс» на 1923 год под названием «Сельское хозяйство в Кузбассе». Программа предваряется статистическими данными об экспорте зерновых из России в 1913 году.

Альфред Пирсон публикует продолжение доклада об условиях и перспективах работы на угольных шахтах Кузнецкого бассейна. Доклад снабжен схемой расположения угольных пластов по реке Томи. Публикуются перечни профессий, требуемых для работы в Кузбассе, а также информация о деятельности Кузбасского офиса в Нью-Йорке по сбору средств для покупки и отправки в Кемерово новых фильмов и проекционных аппаратов, данные о состоянии экономики в России в октябре 1922 года.

Маргарет Грэхэм. Поступь перемен. The Citadel Press: New York, 1951.

Роман, главные герои которого американцы Мак и Летти Мак Кафри устремляются в далекую Россию для строительства новой жизни.

«Как могучая река, в русле которой десятилетиями накапливались ил, гниющие поваленные деревья, камни, препятствующие ее течению, но чья неудержимая сила пробилась себе новое русло между утесов, люди мира нашли свою дорогу к рабочим и крестьянам Советского Союза».

Американские рабочие в Советском Союзе между двумя мировыми войнами: от мечты до разочарования.

Диссертация, представленная в Комитет по науке и искусству университета Западной Виргинии, как часть работы, выполненной на соискание степени Магистра американской истории Винсентом Бейкером. Моргантаун, Западная Виргиния. 1998 г.

Автор исследует влияние революции 1917 года на настроение американского общества, положение в экономике двух стран как факторов, побудивших американских рабочих поехать в

Россию. Большинство из них ехали в поисках работы, а не по идеологическим причинам.

Многое удивляло и шокировало иностранцев в жизни Советской России: положение с правами человека, разруха и голод российских городов, трудности в организации производства.

Автор рассказывает о судьбах отдельных американцев: Виктора Германа, работавшего в Горках, который был арестован и осужден на десять лет трудовых лагерей, в глаза не видел ни судью, ни заседателей или присяжных; Роберта Робинсона, механика, работавшего в Москве на первом подшипниковом заводе, принявшего советское гражданство; Маргарет Веттлин, учительницы, работавшей в Москве, вышедшей замуж за русского.

Основной акцент в книге сделан на репрессиях, которым подвергались иностранцы в России, многочисленных бедах и плохом климате, ожидавших их на новом месте.

«Злополучной», как говорит автор, АИК «Кузбасс» посвящены всего несколько страниц, основная идея которых: «Прошло более пятидесяти лет, и сейчас трудно понять, почему эти американцы и сотни последовавших за ними снялись с места и поехали далеко-далеко, в край, называемый Кузнецким бассейном».

Марта Энн Эванс. Колония «Кузбасс». 1921–1927.

История кузбасского эксперимента ставит больше вопросов, чем дает на них ответов. Основные источники информации весьма категоричны: или полностью воспевают колонию, или дают крайне скептические оценки. При таких обстоятельствах трудно быть объективным, анализируя намерения организаторов проекта

или причины, побудившие американцев откликнуться на призыв переселиться в Россию, даже временно.

Все же автор делает попытку, основываясь на документах того периода, сделать такой анализ.

Эрнст Фишер. Убийство на кемеровских шахтах. Workers Library Publishers, New York City, 1937.

Образец официальной литературы 1930-х годов. Гибель шахтеров вследствие отравления газом в шахте объясняется троцкистским заговором, во главе которого стоят немецкие инженеры, связанные с германским фашизмом.

Франклин Хольцман. Советское объединение «Урал – Кузбасс»: исследование инвестиционного критерия и политики индустриализации. The Quarterly Journal of Economics, Vol. 71, Issue 3 (Aug., 1957) 368–405.

«Объединение «Урал – Кузбасс», очевидно, было самым амбициозным проектом, задуманным Советами. Если говорить примитивными формулировками, целью этого проекта было соединение железной руды горы Магнитки на Урале с огромными угольными запасами Кузнецкого бассейна или Кузбасса, расположенного в Западной Сибири, разделенных более чем 2000 километров». Автор дает краткий обзор развития промышленности в указанном регионе до революции 1917 года, в первые годы после революции и в последующие годы вплоть до 1960 годов и делает попытку разработать новый критерий оценки эффективности работы подобных территориальных объединений.

Обзор подготовила
Людмила КАРНАРУКОВА

ЧЛЕНЫ НАШЕЙ РЕДКОЛЛЕГИИ ЗА РУБЕЖОМ

ЯН МОЛЕМА — ГОЛЛАНДСКИЙ АРХИТЕКТОР

ЯН МОЛЕМА, профессор, старший научный сотрудник факультета архитектуры Технологического университета, г. Делфт, Нидерланды, профессор Новосибирской академии архитектуры и искусства.

О себе:

Место рождения — г. Ассен, 18 сентября 1935 г.

Средняя школа в Ассене.

Политехнический колледж в Амстердаме.

Академия архитектуры в Амстердаме.

Технологический университет в Делфте.

1969 год — инженер-архитектор.

1987 год — доктор технических наук (Антонио Гауди).

1986—1998 гг. — председатель Фонда анализа зданий, после этого вице-председатель по международным связям. Автор нескольких книг, статей и выставок на голландском, английском, немецком, испанском, русском и японском языках о целом ряде архитекторов, таких как Йоханнес Дуйкер, Ян Герко Вибенга, Хендрик П. Берлаге, Антонио Гауди, Джозеф Джуйоль (в соавторстве) и Брюс Гофф, а также о Новом Движении в Нидерландах и амстердамской школе.

Поддерживаю международные контакты по Новому Движению с городами России и некоторыми другими странами.

Лекции за рубежом: США, Канада и Мексика, Аргентина, Бразилия и Чили, Испания, Франция, Бельгия, Италия, Германия, Греция, Словения, Чехия и Россия.

Работаю архитектором и дизайнером сценических конструкций в собственном офисе.

Работаю над книгой по строительству в Нидерландах в XX веке.

Являюсь инициатором и ответственным за выполнение программы совместно с российскими партнерами по восстановлению архитектурного наследия на Урале и в Западной Сибири, осуществляемой при финансовой поддержке Министерства образования, культуры и Министерства иностранных дел Нидерландов.

Говорю на голландском, английском, немецком, французском и испанском языках.

ПРОСТЫЕ СЕКРЕТЫ СЛОЖНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Я родился в Ассене, столице Дренте, одной из беднейших северных провинций Нидерландов, в 1935 году. Я был старшим из трех детей; в год моего рождения родители открыли магазин по продаже велосипедов, и первое время дела их шли хорошо. Но экономический кризис, мобилизация и война, а затем мучительное для моего отца восстановление после немецкого лагеря сильно осложнили жизнь семьи. Тем более я должен быть благодарен им за все усилия, которые потребовались, чтобы отправить меня в лучшую школу маленького провинциального городка. В школе учились дети всех социальных слоев как из самого городка, так и из близлежащих деревень. Это научило меня приспосабливаться, при необходимости, к различным видам «окружающей среды», но в то же время привело к определенной потере личности, так как я не знал, к какой социальной группе принадлежу, хотя и догадывался, что должен принадлежать хоть к какой-нибудь.

Думаю, что я смог преодолеть эту неопределенность. Как бы то ни было, когда мне было 18 лет, семья переехала в столицу страны, легендарный Амстердам. Этот переезд сыграл значительную роль в жизни нашей семьи и в моей утрате невинности. Переезд в «Рандштадт» также знаменовал начало моей профессиональной карьеры. В Ассене, маленьком городке с населением не более 20000 жителей, не было значительных архитектурных памятников, хотя брат Наполеона Бонапарта, Луи Наполеон, король Нидерландов, во время

оккупации нашей страны французами наделил Ассен правами города за его красивые «дворцы». С точки зрения градостроительства городок очарователен, его очень украшают потрясающие старые деревья, растущие на общинной земле. Этот маленький парк когда-то был центром сельскохозяйственной коммуны,

находившейся в общественном пользовании. Эта земля не принадлежала какому-то конкретному человеку. (Я думаю, что стоит изучить древние деревни Дренте с точки зрения их аналогии колхозам.) «The Asser Brink», как называют это место в провинции, окружено развалинами средневекового женского монастыря, бюргерскими домами XVIII века, помещичьими домами в стиле неоклассицизма; там же находится и Палата провинции, выстроенная в неоготическом стиле. Все эти здания, в свою очередь, окружены отдельными рвами, кото-

рые служили ограждением монастырской общины Maria in Campis до реформации.

Конечно, Амстердам был совсем другим. Настоящий город, полный «опасностей», в нем была такая градостроительная культура, что мальчик из провинции не мог постигнуть ее в течение многих лет. Я был счастлив, погрузившись в волнующую жизнь большого города, я смог посещать занятия в политехническом колледже, где голландские преподаватели заражали студентов своей любовью и знанием архитектуры. Тем не менее учеба здесь не давала возможности стать архитектором, а я решил стать именно архитектором. Уже в школе друзья го-

ворили мне, что мне нужно быть архитектором. Действительно, все мои рисунки, которые я рисовал во время уроков, были связаны с архитектурой.

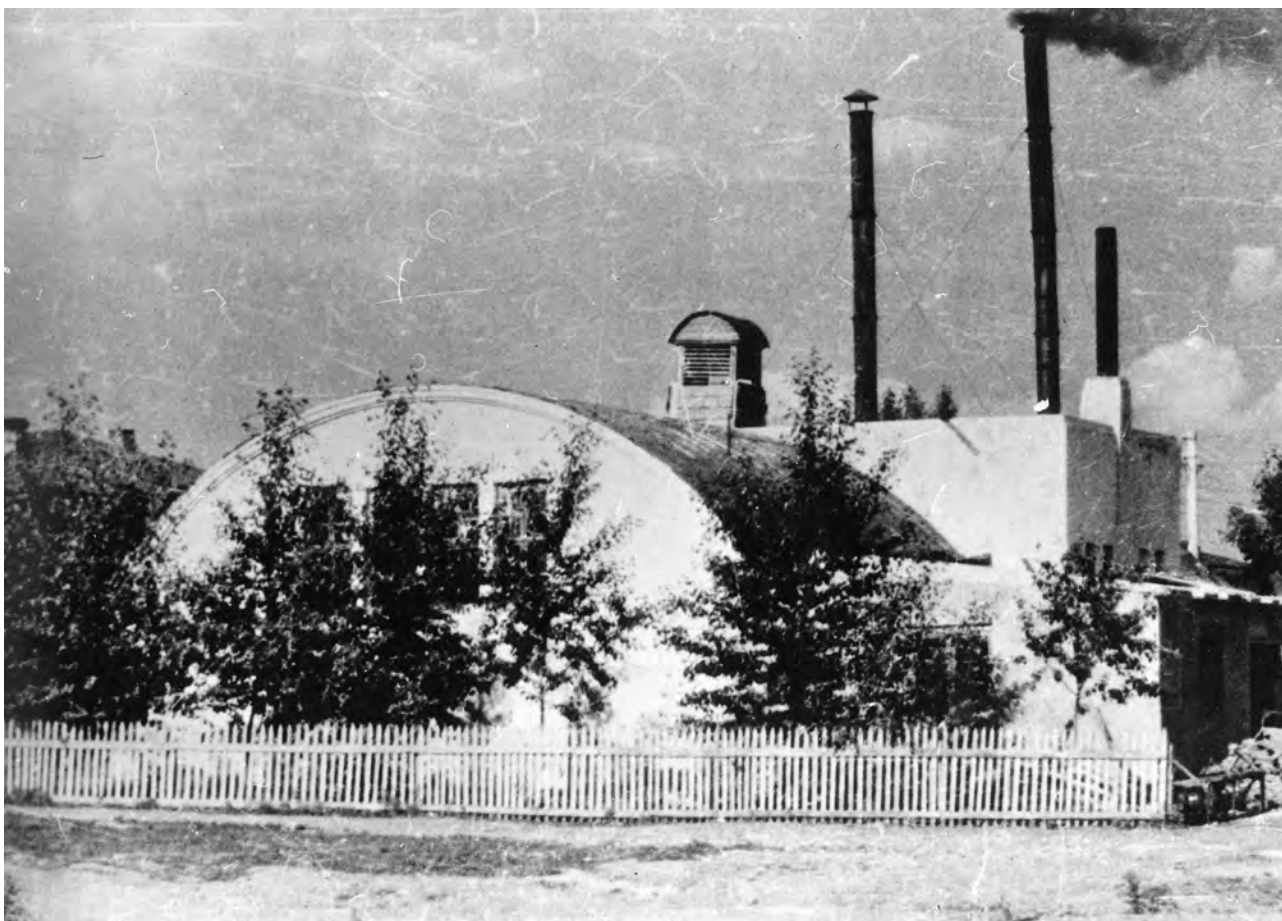
Возможно, это решение пришло во время каникул, проведенных в Амстердаме и Роттердаме, когда мне было одиннадцать и пятнадцать лет. Роттердам произвел на меня ошеломляющее впечатление. Шаг за шагом застраивался огромный пустырь на месте бывшего центра города, который был почти полностью уничтожен немецкими бомбардировщиками в 1940 году. Вырастали современные здания, такие как Groothandelsgebouw, принадлежавшие крупным оптовым фирмам. Не верилось, что грузовые машины для разгрузки товаров будут подниматься по пандусу до уровня третьего этажа. Даже по прошествии времени мы все же живем в плоской стране. А мальчиком я не видел домов выше 3–4 этажей, не знал лифтов. В Ассене был только один светофор.

После окончания политехнического колледжа и военной службы, о которой я предпочитаю не вспоминать, отработав два года чертежником у архитектора Пита Занстра, который, между прочим, лично знал Ван Лохема, и год в музее Зюддерзее в Энхьюизене над проектом музея под открытым небом, я наконец осмелился навести справки, позволит ли учеба в архитектурной школе Технологического университета Делфта стать архитектором. Ответ был положительным. Хотя большинство профессоров школы принадлежали к консервативному Делфтскому движению, были ревностными католиками и отвергали все прогрессивное, все же были там и прогрессивные архитекторы. Кстати, к этой группе до самой своей смерти в 1940 году, в начале Второй мировой войны, принадлежал и Ван Лохем. Именно они развили мой интерес к архитектуре: Ван ден Брук, Бакема, Холт и Ван Эстерен. Тем не менее, разочарованный результатами своей работы в качестве дизайнера в первые годы, я решил заняться исследованием работ основоположников архитектуры. Я начал читать работы знаме-

нитого французского «модерниста» Корбюзье и изучать его теорию пропорций. Это дало свои результаты. На очередном экзамене по дизайну я получил наивысшую оценку. С тех пор я понял, что архитектура должна иметь дело с системой (как в яростном крике Гамлета: «...в ее безумии система...»). С тех пор у меня практически не было проблем с дизайнерскими проектами, если только меня не проверял один из тех консервативных профессоров, которые считали, что архитектура – это результат высшего вдохновения, ниспосланного Богом или самим профессором. (Позднее у меня были проблемы с заказчиками и подрядчиками, но это уже другая история.)

Закончив обучение, я в течение нескольких лет работал свободным архитектором. Я также успешно работал над сценическими дизайнами для нескольких крупных театральных компаний. Но большую часть времени занимала работа на факультете профессором строительных конструкций. Вместе со своими студентами я начал собственное исследование, которое должно было показать студентам, что хорошая архитектура есть хорошие конструкции. Для этого мы исследовали работы известных архитекторов. Такая работа позволила побывать во многих местах. Мы побывали в Испании и в Сибири. В Испании я узнал, что архитектура может достичь высшей степени сложности. От великого испанского архитектора Франсиско Сазнс де Оиса я узнал разницу между хорошей и плохой архитектурой: хорошая архитектура сложна, а плохая архитектура усложнена. Это как в политике: плохие политики с большим шумом производят переполох в нашем обществе. Хорошая архитектура может выглядеть очень просто, но содержать множество секретов. Секреты обнаруживаются лишь при тщательном рассмотрении здания.

Проницательные читатели альманаха поймут, что я имею в виду работу Ван Лохема в Кемерове. Это действительно так: сейчас передо мной старая фотография из альбома Шуурла (Schoorl), на ко-

• Рудничная баня

торой изображено здание бани АИК «Кузбасс». Овальная форма фотографии говорит о том, что фотограф понял подлинную красоту этого здания и особенность его формы. Кажется, фотограф хочет повторить форму свода здания бани. Уже это является доказательством качества работы Ван Лохема. Почему там такое высокое качество, почему здание бани такое индивидуальное или, скорее, такое специфическое?

Направляясь из дома в Гаагу, резиденцию королевы и правительства, проезжаю по улицам города Делфта, города Вермеера и Левенхука, вдоль канала, который строили еще римляне, вижу слева здание водоотливной насосной станции, построенной в XIX веке в неоготическом стиле. Спустя неко-

торое время при въезде в Гаагу также слева вижу другое здание девятнадцатого века – здание поста у заставы, построенное в стиле неоклассицизма. Ван Лохем, будучи студентом, должно быть, совершал в начале XX века такое путешествие много раз, направляясь на концерт из Делфта в Гаагу. Оба здания были в то время весьма типичными: они выглядели как небольшие дворцы и имели центральный основной корпус и два крыла. Такого типа здания могут иметь любые размеры и быть выполнены в любом стиле, необходимо только, чтобы здание было симметричным и пропорциональным. Также и функции, которые выполняет здание, должны быть, по возможности, симметричными, хотя часто (что очень плохо) крылья здания выполняют совер-

шенно разные функции. Такой современный архитектор, как Ван Лохем, никогда бы этого не допустил. Форма определялась функцией.

В классическом стиле и стиле барокко зданию, если оно имеет особое значение, также будет придана симметрия. По обеим сторонам должны быть расположены одинаковые здания, имеющие вспомогательное значение. Такое расположение было «в моде» в фашистских обществах. Ван Лохем должен был бы построить только симметричное здание, если бы внутреннее назначение диктовало это. Он не стал бы создавать вокруг здания симметричное окружение, как мы видим это в Кемерове и в других городах Кузбасса, где Ван Лохем работал.

У меня нет информации, как функционировало здание в самом начале, но по внешнему виду я должен предположить, что здание имело симметричную функцию. Если это не так, отправьте меня обратно в школу!

Специфична форма крыши обеих крыльев здания. Ван Лохем хотел сделать своды из бетона, а это значит, что он должен был создать очень современную конструкцию так называемых раковин (оболочек?), самых тонких самонесущих сводов. Уже только этот факт позволяет отнести здание к самым важным памятникам Кемерова, который, несмотря на долгие годы забвения, может выглядеть весьма интересно. А сейчас посмотрите еще раз внимательно на фотографию бани из альбома Шуурла – ваша баня просто красавица, не так ли? Тщательно спроектированная, тщательно построенная, если принимать во внимание трудности, которые пришлось преодолевать Ван Лохему. Насколько тщательно здание было спроектировано, мы можем судить по замерам, выполненным недавно группой кемеровских архитекторов, возглавляемых нашим другом Зюзьковым. Без сомнения, их чертежи также показывают и отклонения от проекта, которые возникли при строительстве здания. Как я уже отмечал в одной из своих предыдущих статей, Ван Лохем использовал систему замеров и пропорций в каждом из своих зданий, очевидно, и в этом тоже.

По всей видимости, в качестве базового элемента он взял размер оконного стекла 62,5 x 62,5 см, как это было при проектировании школы. (Фактически размер самого стекла был 61 x 61 см, как он сам писал позже, но нужно прибавить 1,5 см на деревянную раму.)

Как бы то ни было, в качестве одного из множителей мы везде находим цифру 62,5: высота $8 \times 62,5 = 5,00$ м, ширина $16 \times 62,5 = 10,00$ м, длина $16 + 10 + 16 = 42 \times 62,5 = 26,50$ м. И хотя в это трудно поверить, имея чертежи, выполненные на основе современных замеров, все окна можно вычесть из этой системы. Более того, можно найти первоначальное окно в одном из зданий Ван Лохема на территории коксохимического завода, расположенного на другом берегу реки Томи.

Два крыла были выполнены в виде двух тонких туннелеобразных оболочек, каждая из которых поддерживается двумя арками на расстояниях 2,50, 5,00 и 2,50 м, снова кратных 62,5 см (размеры теоретические, взятые по оси стен). Центральный блок напоминает собой двойной куб с размерами 5,00 м (высота) на 6,25 x 12,50 м, очень абстрактный, слегка усеченный на уровне крыши. Ее красиво венчают труба над кочегаркой со стороны входа и две детально проработанные вентиляционные шахты. Закругленные крыши были тщательно покрыты пластинами из цинка или другого подобного материала.

До нас дошли только черно-белые фотографии, а цвет и фактура очень важные факторы архитектуры, поэтому при изучении здания бани каждый из них должен быть тщательно исследован. Многие склонны считать, что такие архитекторы, как Ван Лохем, предпочитали строить белые, абстрактные здания, а это неверно. Можно предположить, что здесь был использован один из минеральных красителей. Во время реставрации с помощью современных методик будет нетрудно вычислить первоначальный цвет. А реставрацию нужно проводить обязательно, поскольку речь идет об одном из самых важных архитектурных памятников Кузбасса.

Юрий ЗЮЗЬКОВ,
почетный архитектор России

УЛИЦА ЗОДЧЕГО

Все мы знаем Петербург (Ленинград) с его традициями барочной и классической архитектуры. Многие знают и улицу Росси, хотя она и небольшая – всего около 220 метров. В истории немного примеров, когда именем архитектора называют улицу, созданную его вдохновенной фантазией. Росси удостоился этой чести, и не напрасно.

Творчество Карла Ивановича Росси совпало с развитием позднего классицизма в России и Петербурге. В 1804 году, начав работать как художник на стекольном и фарфоровом заводе Петербурга, он через два года назначается архитектором Кабинета его Величества. Затем работает в Москве и лишь в 1815 году в возрасте 40 лет возвращается в Петербург. Здесь и проявился его талант как градостроителя и архитектора. Он создает дворцово-парковый ансамбль на Елагинном острове, затем осуществляет строительство Михайловского дворца (ныне Государственный Русский музей), а также создает торжественный ансамбль Михайловской площади (ныне площадь Искусств) и Михайловскую улицу (ныне улица Бродского), соединившую площадь с Невским проспектом. Позднее К. И. Росси возвел ансамбль Главного штаба, создав триумфальный въезд на Дворцовую площадь.

В 1816–1834 годах в связи с постройкой Александринского театра Росси запроектировал один из наиболее значительных ансамблей Петербурга, состоящий из Театральной улицы (ныне улица Зодчего Росси), Александринской площади (ныне площадь Островского) и площади Чернышева моста (ныне площадь Ломоносова). Последней крупной работой Росси являются здания Сената и Синода (ныне Центральный исторический архив), которыми он завершил формирование Сенатской площади.

Петербургские ансамбли Росси составили вершину градостроительного искусства русского классицизма. Для творчества Росси, одного из создателей рус-

ского ампира, характерны широта в решении архитектурных задач (от планировки крупнейших ансамблей до разработки в деталях убранства интерьеров), выразительность и богатство ордерных композиций, гармоническое сочетание архитектурных форм с аллегорической скульптурой, новаторские конструктивные приемы. Подчеркнуто триумфальный характер сооружений Росси отражал патриотические идеи величия России – победительницы в Отечественной войне 1812 года.

Его талант архитектора-декоратора проявился в создании малых форм, оград, решеток, светильников из чугуна, чем так знаменит старый Петербург. А улица Зодчего Росси вместе с театром – один из лучших классических ансамблей Петербурга.

Но это в Петербурге в XIX веке. Кемерово же, родившийся как город в начале XX века, благодаря бурному промышленному строительству, застраиваться по генплану начал в послевоенное время, начиная с 1945 года, хотя некоторые его крупные здания построены еще в 20-е годы. До войны была заложена и планировочная структура будущего центра, удачные и менее удачные трассировки нынешних его улиц: Советского проспекта (ранее улицы Советской), соединившего улицу Стахановскую, что связывала первые предприятия Щегловска, позднее Кемерово, с Верхней (Новой) и Нижней (Старой) колонией, а также с центром старого Щегловска, Кузнецкого проспекта (ранее улицы Вокзальной и еще ранее улицы Московской), соединившего южную часть города с понтонным плашкоутным мостом, а позднее с коммунальным автомобильным и пешеходным мостом, улицу Ленина (ранее Гагарина, а еще ранее Магистральную), улицу Набережную (ранее Исполкомовскую), улицу Кирова (ранее Банковскую), улицы Красноармейскую, Островского и др.

Нельзя проводить прямых аналогий с Петербургом, но трудное послевоенное время выдвинуло талантливых архитекторов, которые заложили центр города Кеме-

рова, так напоминающий классический Петербург, такой цельный, почти хрестоматийный, что немногие города имеют что-то похожее.

Но это не сразу и не вдруг. Щегловск – Кемерово прошел сложный путь земляночно-барачного строительства, наследие которого еще можно увидеть в разных районах города. В первые «сталинские» пятилетки предпочтение отдавалось промышленным стройкам, что породило острый жилищный кризис с землянками, «нахаловками», бараками, непроходимой грязью улиц, отсутствием благоустройства и человеческих условий существования. Породило схему города: завод-нахаловка, завод-поселок (колония), а в 1930–1950-е годы Социалистический город. Конечно, соцгород был уже шагом вперед в решении жилищного кризиса, но кризиса этого он решить не смог. Появились «соцгородки» в районе нынешнего железнодорожного вокзала и на Руднике, в Кировском районе и поселке Боровом, в поселке Южном и поселке шахты «Пионер», в поселке шахты «Северной» и Предзаводском поселке «Химкомбината» (п/о «Азот»).

Над планировкой этих поселков работают проектировщики в 30-е, 40-е и даже 50-е годы. Острый жилищный кризис не позволил строить в принятой еще в 30-е годы классической стилиевой манере. Хотя в это время в городе работает целая плеяда замечательных архитекторов, которые и сформировали скелет планировочной структуры городского центра, предложенный генпланами 1926, 1931 и 1936 годов.

Один из них москвич Н. Н. Текутов, запроектировавший дом с аркой на ул. Набережной, повторенный на ул. Арочной и примыкающий к ул. Красной на Притомском участке.

В 1937–1938 годах на углу ул. Островского и Весенней выстроен жилой дом по проекту Зезина Доната Федоровича. Дом этот повторяется четырежды в привокзальном соцгороде на углах квартала, где стоял известный до недавнего времени жилой дом с «розовым магазином». Д. Ф. Зезин много работал над проектом дома «звукового кино», позднее названным «Москва». Над этим проектом работали архитекторы С. П. Скобликов, Л. И. Донбай, А. А. Полянский. Но до конца разработку проекта вел Д. Ф. Зезин. Судьба его сложилась как и у многих мужчин-россиян того времени. После

МОИСЕЕНКО
Леонид Касьянович

Кемерова он жил и работал в Москве, воевал под Сталинградом во время Великой Отечественной войны и пал смертью храбрых.

Работал в Кемерове человек большой культуры и образованности архитектор Владимир Робертович Цабель. Он был главным архитектором Кемпроекта, генератором идей, готовым всегда оказать квалифицированную творческую помощь и поддержку. Ему с Д. Ф. Зезиным и Н. Н. Текутовым принадлежит проект одного из лучших зданий соцгорода двухэтажного «Делового клуба», где собиралась на творческие встречи интеллигенция города. В этом здании по ул. Володарского, 11 до недавнего времени располагалось БТИ (бюро технической инвентаризации). А сейчас жаль, что в нашем городе не ведется реставрация зданий, и мы теряем при капитальном и текущем ремонте то ценное архитектурное наследие, которым можно гордиться.

По воспоминаниям архитектора Лаврентия Ивановича Донбая, прожившего долгую творческую жизнь, в «Деловом клубе» собиралась творческая интеллигенция города – архитекторы и инженеры для обсуждения городского строительства и просто для общения за бильярдным столом или за чашкой чая. Там родилась идея строительства многих крупных зданий города: здания «звукового кино», здания клу-

ба коксохимзавода, гостиницы «Томь», застройки Притомской набережной и др.

А архитектор Анатолий Роевич Опалич, проживавший в доме специалистов, или «спецов», как тогда называли аиковцев, оставшихся навсегда в Кемерове после превращения АИК «Кузбасс» в трест, вспоминает, как он из окон своей квартиры видел через крыши одноэтажных домов свет в бильярдном зале «Делового клуба», что означало, что его отец серб Рой Андреевич Опалич, аиковец из Америки, еще в клубе. Рой Опалич приехал в Советский Союз в апреле 1924 года и остался здесь навсегда.

До Великой Отечественной войны в городе выстроены здания к 10-летию Октябрьской революции. Это Дворец Труда на ул. Карболитовской и городская больница. Кстати, Дворец Труда построен по проекту архитектора Андрея Дмитриевича Крячкова, полем творческой деятельности которого были многие города Сибири. Трудился он в Новосибирске и Томске, выпол-

нял проекты для Омска, Иркутска, Сталинска (Новокузнецка), Семипалатинска и выполнил заказной проект для Щегловска.

Но основные объекты по застройке Кемерова начаты во время войны и после. В начале войны в город Кемерово из Европейской России – Украины и Белоруссии – были эвакуированы ряд крупных заводов, продукция которых была нужна для фронта, для Победы. И если во время войны основные средства шли на развитие производства, то после войны активно начало развиваться жилищное строительство. По существу, в 1940–1950-е годы сформировался нынешний центр города Кемерова. И здесь следует отметить огромную роль архитекторов-воинов, ныне умерших.

Одним из них является Леонид Касьянович Моисеенко. В 30-х годах он был еще юношей, так что первые крупные постройки этого времени оказали влияние на него в выборе профессии архитектора. В Кемерове он окончил 10 классов в 1935 году и в этом же году посту-

• Трамвай на улице Советской

пил в только что организованный Сибирский строительный институт. Его талант архитектора-проектировщика формировался под влиянием крупных работ, которые велись под руководством видных зодчих Сибири: А. Д. Крячкова, преподававшего тогда в институте, Б. А. Гордеева, Н. В. Никитина. Над проектами для Новосибирска работали С. П. Тургенев, А. З. Гринберг, М. Я. Гинсбург, академик архитектуры Г. П. Гольц, автор Останкинской башни Н. В. Никитин, Я. Е. Кузнецов и др. В Новосибирске строились железнодорожный вокзал, театр оперы и балета, были построены здания по Красному проспекту, сейчас составляющие гордость города.

А. Д. Крячков прошел творческий путь от увлечения модерном и конструктивизмом до классицизма, но он был чуткий, требовательный педагог и ученый с мировым именем, стоявший в одном ряду с такими гигантами архитектуры, как А. В. Щусев, Г. Б. Бархин, Г. П. Гольц, братья Веснины.

Студент Леонид Моисеенко учился с 1935 по 1940 год и, успешно окончив архитектурный факультет Сибстрина, был призван в армию. Вскоре началась война. Чтобы попасть на фронт, он поступил в Хабаровское артиллерийское училище, которое с отличием окончил в 1942 году. Как отличника боевой и политической подготовки его отправили на передовую под Сталинград в октябре 1942 года для пополнения гвардейских частей. В это время Красная Армия уже наступала. С боями шли на Ростов. И вот в январе 1943 года командир противотанковой батареи старший лейтенант Л. К. Моисеенко был тяжело ранен осколком авиабомбы при налете немецкой авиации. Была перебита голень правой ноги. Разочарованию не было предела. Воевать ведь пришлось всего три месяца. Госпиталь под Ростовом и длительные месяцы на госпитальных кроватях.

26-летний, так и не понявший как следует пороха архитектор по ходатайству Кемеровского военкомата, переезжая из госпиталя в госпиталь, возвращается в Кемерово. 10 месяцев срасталась голень, и только в Кемерове удалось встать на обе ноги, а как только это удалось, он сразу попросил работу. Где родился, там и пригодился. В это время очень нужны были технически грамотные специалисты. Демобилизованный после тяжелого ранения инвалид Л. К. Моисеенко

назначается техническим исполнителем в дирекцию строящейся тогда ГРЭС, которая заняла место нижней колонии. Инициативный, грамотный специалист, истосковавшийся по работе, архитектор Л. К. Моисеенко уже через три года работал главным инженером строительства этого предприятия. Работа была интересная, хотя и трудная, но в нем жил зодчий. «Архитектура – мое ремесло», – говорил главный инженер строительства гиганта электроэнергетики в горкоме партии, желая перейти на проектную работу. Горком удовлетворил просьбу ветерана войны, назначив его директором Кемеровского облпроекта.

К этому времени Кемерово стал областным городом, отделившись от Новосибирской области. Руководить и организовывать не совпадало с желанием способного зодчего, но пришлось подчиниться. Пришлось организовывать проектную организацию и работать первым ее проектировщиком. Он был директором днем, проектировщиком вечером и ночью. Зато как приятно было творить для своего города, когда по первым наброскам и чертежам начинали строить. Одним из первых проектов был жилой дом на площади Пушкина с аркой и магазином «Мелодия». Вот здесь пригодились знания классических принципов проектирования. И хотя этот дом был не первым и не последним на этой площади, но приходится удивляться умению определить человеческий масштаб массы здания, решению элементов и деталей, композиции фасадов, уместности арок и малых форм, элементов озеленения и благоустройства. Не напрасно Леонид Касьянович штудировал труды Витрувия, Палладио и Альберти, проекты Казакова, Баженова и Тома де Томона. И еще – никто не мешал. Не было тогда такой сложной системы рассмотрения проектов и их утверждения. Доверяли вкусу зодчего и его художественному чутью.

Железную руку партийных решений Леонид Касьянович узнал еще молодым архитектором. Облпроект много проектировал для города в послевоенное время. Не хватало проектировщиков и особенно градостроителей. А в заискитимской части разворачивалось строительство массового барачного жилья почти без проекта по схематическим эскизам немецкого градостроителя Эрнста Мая почти двадцатилетней давности. Л. К. Моисеенко видел абсурдность планировок

- Рождение площади Советов в пятидесятые годы
(из архива П. Ф. МЕЛЬНИКОВА)

немецкого градостроителя строчной застройки заискитимской части города Кемерово и предлагал все пересмотреть. На схемах не было школ, детских садов, магазинов и других зданий соцкультбыта. Планировочная схема Э. Мая просто устарела и не годилась для растущего послевоенного города.

Л. К. Моисеенко стал настаивать на переработке планировки. Тогда его вызвали в Москву в Госстрой и ЦК ВКП(б) и пригрозили: «Не будешь строить – выложишь партбилет». Он понял, но при привязке бараков, из которых состояла застройка, планировка была спешно изменена, оставлены площадки для детских садов и школ, которые проектировались и строились позднее. Это район улиц Спортивной – Сибиряков-Гвардейцев – Гагарина, а также улиц Тухачевского, 9-го Января и др. Зато у Л. К. Моисеенко появился опыт отступления, который нередко выручал директора и растущий Облпроект.

В очередной раз подчиниться решениям партии пришлось без разговоров при проектировании здания УВД (ныне здания городской администрации), когда в один миг было принято решение не строить башню над этим зданием. Были убраны и выполненные скульптурные группы с крыши над главным входом, согласно постановлению партии и правительства «О преодолении излишеств в проектировании и строительстве». Башня появилась почти через 30 лет, но уже не в кирпиче, как проектировал Л. К. Моисеенко, а в сварных конструкциях из гнутого листа, нелепая по пропорциям и чуждая этому зданию, одному из лучших зданий центральной части города. А ведь в архивах еще были целы чертежи этой башни в авторском варианте, да и сам автор еще был жив.

Будучи уже неработающим пенсионером, Л. К. Моисеенко, приходя в дом архитектора, что пристроен к 12-этажному точечному дому по ул. Красной на Притомском участке, рассказывал, как он проектировал здание УВД. Приходил он туда вечером из Облпроекта и спускался в подвальный этаж, где была его проектная группа, состоявшая из пленных немцев. Здание уже строилось, а проект его еще делали бывшие солдаты-пленники. И делали хорошо, с немецкой педантичнос-

тью, аккуратно и грамотно, а автор только давал эскизы вариантов.

А вот жилой квартал по ул. Советской, между ул. Кирова и ул. Весенней, Л. К. Моисеенко разрабатывал уже со своими проектировщиками в архитектурно-проектной мастерской при управлении главного архитектора города Кемерово. В 1948 году руководителем мастерской был главный архитектор города В. Кривцов, главным инженером мастерской был Алексей Николаевич Кузнецов. Судьба проектировщиков надолго и крепко связывает этих троих людей, стоявших у истоков рождения современного Советского проспекта, жемчужины классического центра города.

Также ночами рождались на эскизах и чертежах жилые дома по другую сторону Советского проспекта, которые составили его основную часть, определили принадлежность к городскому центру. Это жилые дома с магазинами «Жаворонок», «Звездочка», «Ткани», парикмахерской «Людмила», сберегательным банком. О каждом из этих домов можно говорить и писать отдельно и много. Но нельзя не признать, что их автор – талантливый архитектор, хорошо чувствующий масштаб улицы, площади, дома, может связать ансамбль, мастер общей композиции и детализовок. Жаль, что много лет с этих домов осыпается штукатурка, не реставрируются, а замазываются заезжими штукатурками из Закавказья, исчезают чугунные ограды, решетки, двери, появляется нелепая реклама, неуместные обновления. А по улицам еще недавно ходил хмурый, одинокий автор многих зданий, пожилой человек, отдавший городу всю свою жизнь. Тридцать лет, будучи директором Горпроекта, проектировавший не только город Кемерово, но и все города и поселки городского типа северной части Кузбасса, он был крестным отцом нескольких поколений архитекторов, инженеров, техников работающих в Кемеровогорпроекте.

Для всех Л. К. Моисеенко был требовательным и потечески добрым, не бросавшим слова на ветер, а находившим слова поддержки. Только не был он грубым и высокомерным, а потому за 30 лет руководства институт из коллектива в несколько человек вырос в коллектив более 500 проектировщиков, способный проектиро-

вать крупные жилые комплексы, города, индивидуальные здания, парки, скверы, городскую жилую среду.

Ходил пожилой человек по своему городу, вспоминал деревянные тротуары грязного Щегловска и тот более чем 50-летний путь, который прошел город от закладки ГРЭС до металлической бутафорной башни над его авторским зданием городской администрации, от зеленых лугов заискитимской части с коровьими выпасами до проспектов и бульваров, дворцов и жилых микрорайонов, далеко шагнувших за поля и перелески Суховских озер. Все он помнил и всех вспоминал. Путались, правда, фамилии и лица, и хотелось только, чтобы не забыли и пришли или отметили мраморной доской на доме или литой из чугуна: «Здание построено по проекту архитектора Л. К. Моисеенко». Вспоминал и свой последний самостоятельно запроектированный Дом связи, что на площади Советов. Строили его тоже в канун постановления партии и правительства «Об излишествах в проектировании и строительстве», и чуть было не лишился нынешний Дом связи изящной башни с часами, если бы не помог начальник СУ В. С. Урайский, занимавшийся тогда строительством этого здания. Помог, потому что знал и любил архитектуру и свой город и поддержал автора в его отстаивании своего проекта. Не так уже дорога башня по стоимости, как хороша для площади, для композиции центра. И сейчас она украшает центр.

А что было позднее? Позднее были еще крупные постройки, но уже по типовым проектам крупных московских институтов. Сначала в классике – клуб ГРЭС, ДК п/о Азот (бывший химкомбинат), ДК шахтеров, ДК 50-летия Октября, Драматический театр. Директору облпроекта уже некогда было проектировать самому. Необходимо было организовывать растущий проектный институт. В институт пришло немало специалистов-архитекторов, способных и трудолюбивых. Им надо было помочь обрести себя, встать на ноги. Время было трудное. Архитектура переживала обновление. Создавался домостроительный комбинат, поставивший на поток строительство жилых домов. Архитектор оказался отторгнутым от процесса создания жилья. Типовой жилой дом, созданный в Москве, лишенный всяких украшательских излишеств, стал объектом внимания ар-

хитекторов. Из типовых домов необходимо было создать квартал, микрорайон, удобный для проживания горожан. Задача дать каждой семье пусть скромное, но благоустроенное жилье была основной в эти годы. Эта задача и породила тесные квартиры панельных и кирпичных домов, которые помогли уйти от «коммуналок». Для архитекторов это был болезненный процесс. Проектные мастерские покидали опытные, на их места садились молодые архитекторы.

Город рос, шагая за свои границы, появились новые улицы, бульвары, парки, набережные. И в эти переходные годы город рос не только за счет типовых панельных и кирпичных домов. Формировался центр и окраины, благоустраивались улицы, площади. Это требовало изменения подходов к проектированию и гибкости. И классик кузбасской архитектуры Л. К. Моисеенко проявлял ее, борясь за увеличение института, возвращая творческую молодежь. За эти годы город Кемерово вырос более чем в два раза, достигнув по населению почти 500 тысяч человек.

Многие годы рядом с Л. К. Моисеенко работал очень опытный руководитель Константин Дометьевич Нещадимов. Архитектор по образованию, проекты которого реализованы в том числе по Советскому проспекту, был грамотнейшим специалистом, талантливым руководителем и воспитателем молодых проектировщиков. Вместе с Л. К. Моисеенко они составили великолепный дуэт руководителей растущего проектного института в 1960–1970-е годы.

При них закончилось формирование центра города улицами, так похожими на ленинградские по своей классической трактовке, такого уютного, любимого горожанами и высоко оцененными приезжими российскими и зарубежными специалистами. Уже привлекательными стали окраины города, недавно еще далекие и неблагоустроенные.

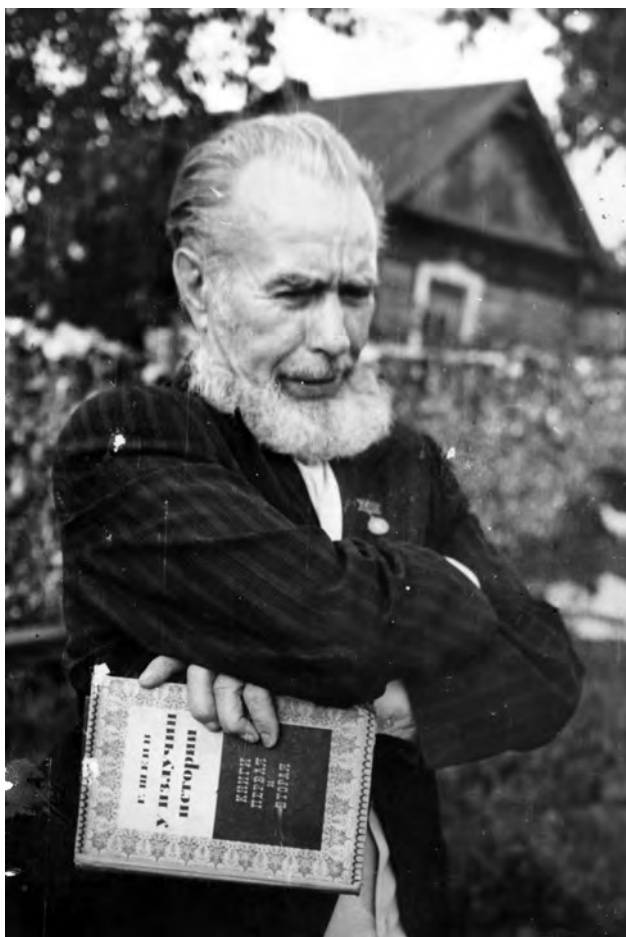
Только нет в этом городе улицы имени зодчего Л. К. Моисеенко. А ведь Советский проспект и есть улица Зодчего, отдавшего всю жизнь родному городу, пережившего всех родных в своей семье и умершего 9 апреля 1996 года.

С тяжелыми думами ходил по городу пожилой человек, где каждый камень помнил его и был ему знаком.

*Людмила ВИНЧИНА, старший научный сотрудник
Кемеровского областного краеведческого музея*

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПАМЯТНИКА

КАК РОЖДАЛСЯ СИМВОЛ ГОРОДА КЕМЕРОВО

- Георгий БАРАНОВ с книгой
- Поиск образа Михайлы Волкова

Памятник Михайле Волкову исторически и географически связан с нашим городом. У Кемерова два крестных отца — уголь и рудознатец Михайло Волков. Памятник так привычно вписался в облик нашего города, что мы спешим мимо, не вглядываясь в черты русского человека, возвышенно и торжественно прижимающего к груди камень, найденный им на Горелой горе. А ведь этот памятник особенный. Его бескорыстно подарил родному городу Георгий Баранов ровно 35 лет назад.

Взросший в последнее время интерес к краеведению, к истории нашего города требует от нас, музейщиков, более кропотливой работы с посетителями музея. Недавний опрос, проведенный в его стенах, показал, что большинство горожан не знают имен скульпторов — авторов памятников в нашем городе, а ведь это практически то же самое, что не знать автора книги. Поэтому мне кажется правомерным познакомить читателей хотя бы с краткой биографией Г. Н. Баранова.

Георгий Николаевич родился в деревне Березово Топкинского района в многодетной крестьянской семье. Он с детства был приучен к труду и рисовал тоже с детства — речку, облака, лесные поляны. В 30-е годы семья Барановых переехала в Кемерово. Георгий тогда учился в двухэтажной деревянной школе возле Дворца Труда. Начиная с пятого класса он рисовал стенгазеты, участвовал в оформлении школы. После окончания школы уехал в Алма-Ату, поступил в Казахский университет на историко-филологический факультет. С дипломом учителя истории и литературы Георгий Баранов вернулся в Кемерово, работал в школах № 42 и 21. В 1943 году стал художником в клубе коксохимического завода: рисовал портреты ударников труда.

В 1947 году любители живописи и скульптуры объединились в товарищество «Художник», а в 1951 году на Всероссийскую выставку попали первые произведения Александра Кирчанова, Юрия Лобузнава, Георгия Баранова. В 1957 году было создано Кемеровское отделение Союза художников РСФСР, а через год Баранов стал членом Союза художников. В течение своей

творческой жизни скульптор создал множество произведений: «Ермолаевна», «Профессор Бернштейн», «Знаменосец мира», «Пушкин и Маяковский», «Студент» и другие, но самым известным его произведением стал памятник Михайле Волкову, установленный на одноименной площади города Кемерово.

Что касается рудознатца, то впервые Георгий Баранов узнал о нем в 1946 году, когда в Томске в университетской библиотеке прочитал статью профессора А. Зворыкина о Кузбассе, и сразу же загорелся идеей вылепить Михайлу. Каким он был? История не донесла до нас изображения М. Волкова, Георгий Баранов собирал его образ по крупицам, даже в своих снах он мысленно разговаривал с ним. Скульптору представлялось, что он должен был быть мужественным, уверенным в себе человеком, способным ради высокой идеи преодолевать многие трудности и лишения. Тогда, в 50-е годы, Г. Баранов сделал несколько скульптур Волкова. Одна из них — прообраз нынешнего памятника — демонстрировалась на Всероссийской выставке, потом перешла на Всесоюзную выставку. Скульптура была отмечена поощрительной денежной премией и одобрена самим Н. В. Томским — членом Академии художеств СССР.

Нынешнему памятнику предшествовали долгие творческие поиски. Г. Баранов одевал Волкова в разные одежды, обувал в лапти и сапоги, менял ему прическу, выражение лица и, наконец, остановился на привычном нам образе. Статная фигура Волкова с одухотворенным лицом, взглядом, устремленным вдаль, оказалась наиболее удачной. Рукава казакина — полукафтана закатаны по локоть, чтобы были видны сильные руки, бережно прижимающие к груди драгоценную находку.

В городе долго спорили: какое место выбрать для памятника. В конце концов выбрали символическое — на площади напротив нынешнего КузГТУ, который готовит специалистов угольной промышленности. Открытие памятника приурочили ко Дню шахтера. И вот наступил этот день на стыке лета и осени 23 августа 1968 года. «Было очень торжественно, — вспоминал Г. Н. Баранов, — на площади собралось множество людей, играла музыка, был митинг, выступали знатные шахтеры. Все говорили о том, как важен и нужен памятник нашему городу. Снимали это событие на пленку операторы Новосибирской кинохроники, потом киножурнал «Сибирь на экране» № 31 демонстрировали в кинотеатрах города перед сеансами».

- Георгий БАРАНОВ работает над образом геолога Г. Е. Щуровского
- Площадь Волкова. Рисунок Василия КРАВЧУКА

В 1974 году, согласно Постановлению Совета Министров СССР, памятник М. Волкову стал памятником республиканского значения.

Итак, памятник, покинув мастерскую скульптора, зажил своей жизнью. И в реальной действительности они встречались очень редко. Правда, был один такой момент в жизни Баранова. Шел мимо площади Волкова. Смотрит: у памятника стоит группа туристов, а экскурсовод им что-то рассказывает. Прислушался: «Посмотрите на умное благородное лицо русского человека, в глазах которого можно прочесть волнение и пытливость». Туристы смотрели на памятник, что-то говорили между собой, а неузнанный ими автор пережил, может быть, одну из самых радостных и печальных минут в своей жизни.

Георгий Баранов много работал над темой угольного Кузбасса. Он лепил Г. Е. Щуровского, известного геолога-исследователя, примеривался к образу отца угольной геологии края Л. И. Лутугина. Но, конечно, памятник М. Волкову — самый известный. На цветной открытке с изображением памятника в 1975 году он написал своему товарищу в Новокузнецк: «Не знаю,

исполнилась ли твоя мечта, а моя — на этой открытке». Кстати, эта открытка точно передает цвет памятника — темно-серый. Вообще цвет этого памятника меняется постоянно: то его покрывают черной краской, то серебристой как какого-нибудь космонавта. Можно ли так не уважать автора?

В государственном архиве в личном деле Георгия Баранова я нашла два листка, написанные наспех, карандашом, в 1994 году, когда умер художник. Коллеги писали о том, каким исключительным человеком был Георгий Баранов — первый профессиональный скульптор нашего края, стоявший у истоков творческого Союза художников Кемеровской области. Он никогда не был обеспеченным человеком — творческая работа не приносила большого дохода, но он проявил душевное богатство и щедрость сердца, подарив нашему городу результат своей многолетней работы.

Памятник стал, по существу, эмблемой нашего города. Он везде — на открытках, на проходящих мимо трамваях, на плакатах с надписью: «С любовью к городу».

Именно так и создавал образ рудознатца Георгий Баранов.

Анатолий ЛОПАТИН

ТЕАТРАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

В 2004 году Кемеровский ордена Знак Почёта областной драматический театр имени А. В. Луначарского отмечает своё 70-летие. И все эти годы накануне юбилейных дат в областных и городских газетах появляются материалы о том, что театральная жизнь в городе Щегловске зародилась гораздо раньше.

Вопрос появления в нашем городе профессионального театра поднимается не впервые. Известный в прошлом актер Кемеровского драмтеатра, заслуженный артист РСФСР П. Г. Князев считал, что рождением театра надо считать 1927 год. В оставленных им записках об истории развития театрального искусства в Кемерове, которые хранятся в госархиве нашей области, он убедительно, со знанием дела рассказывает об этом.

Петр Григорьевич в своих записках пишет, что «открытие зимнего сезона (в Щегловске) состоялось 23 ноября 1927 года пьесой Тренева «Любовь Яровая» в постановке главного режиссера В. П. Вронского. Так гласит не один документ об открытии первого сезона профессиональной труппы в 1927 году». Далее артист подробно рассказывает о театральных сезонах в городе в 1928–1933 годах. Повторяю, все это прописано обстоятельно, со ссылкой на документы и свидетельства очевидцев. Кстати, сокращенный вариант записок П. Г. Князева приведен во второй книге «Страницы истории города Кемерово», авторы М. Кушникова, В. Сергиенко, В. Тогулев.

Выводы П. Г. Князева и его доказательную базу подтверждает и Ю. К. Штальбаум – директор Кемеровского областного драмтеатра. В своей книге «Театральное искусство Кузбасса», рекомендованное Министерством культуры РФ в качестве учебного пособия для вузов искусства и культуры, Юрий Карлович практически без особых изменений повторяет выводы П. Г. Князева о существовании в Кемерове активной театральной жизни в 1927–1933 годах.

Тогда в чем дело? Почему именно 1934 год считается официальной датой рождения театра? От-

вет на этот вопрос также дают перечисленные выше авторы.

В конце 20-х – начале 30-х годов профессиональные коллективы работали в городах Ленинского, Прокопьевского и Кемеровского рудников по договорам Союза горнорабочих Кузнецкого округа и Сибирского краевого профсоюза работников искусства. Однако в 1934 году правительство отменило систему договоров, ввело гарантированную зарплату для артистов и дотации для театров. Эти меры способствовали «стационарированию» театров и обозначили определенные обязанности для местных властей по отношению к театральным коллективам.

Ранее как было? Приезжает театр, например, на гастроли в Кемерово. Местная власть предоставляет ему помещение для показа спектаклей, по возможности размещают артистов на жительство, а все остальное – забота руководства труппы. С 1934 года к театру должно быть другое отношение. Необходимо стационарное помещение, квартиры для артистов и многое другое, без чего не может работать ни один профессиональный театр. Вот почему перевод из Прокопьевска в Кемерово в 1934 году на постоянную основу театра «Культармеец Кузбасса», по словам П. Г. Князева, «наделал большую суматоху в городских организациях Кемерово». Однако растерянность постепенно стала проходить. Городские партийные и советские органы пытаются создать приемлемые условия для коллектива театра: выделяют квартиры, пайки и место в столовых. Труппа работает во Дворце Труда.

Таким образом, в 1934 году местные власти Кемерово вынуждены признать театр своим и выдать ему свидетельство о рождении. Правда, 7 марта 1935 года в докладе горсовета Совнаркому РСФСР «О хозяйственном и социально-культурном строительстве» отмечается: «Сейчас Кемерово – город бескультурия. В городе нет театра (речь идет об отсутствии специального театрального помещения. – А. Л.), нет ни

одного специального кино, парка культуры и отдыха, стадионов... Театр работает в непригодном здании Дворца Труда с залом всего на 935 чел[овек], без специального фойе, курительных комнат, театр [альных] мастерских, помещения для артистов и даже уборных для посетителей». Но это уже был обязательный в таких случаях плач местных властей перед вышшими инстанциями. Вдруг начальство наверху разжалобится. К такому приему прибегают до сих пор. Кстати, СНК просьбу кемеровских властей о выделении средств на строительство здания театра не удовлетворил. Здание драматического театра в Кемерове, как известно, было построено только в 1960 году.

Вместе с тем считать 1934 год годом рождения театра в городе будет несправедливо. Читателю теперь уже известно, что театральная жизнь в Щегловске — Кемерове возникла гораздо раньше. А если учитывать, что в городе до 1927 года активно работали любительские драматические кружки на химзаводе, Кемеровском руднике, в Народном доме и профклубе, то в этом случае можно сослаться и на исторический опыт «отца русского театра» Ф. Г. Волкова, который в 1750 году организовал в Ярославле любительскую драматическую труппу. Именно с этого времени ведет отчет российское театральное искусство.

В истории нашего театра есть еще одна несуразность. Изучая историю вопроса, я пытался найти официальное решение о присвоении Кемеровскому драматическому театру имени Анатолия Васильевича Луначарского. Такого решения мною не обнаружено ни в архивах, ни в театре, ни в департаменте культуры администрации области. Но кто-то же это имя театру дал. Кто эти родители?

Сегодня можно утверждать, что родители не установлены. Однако есть некоторые интересные находки. Например, в «Списке объектов, которым присвоены имена отдельных работников» по г. Кемерово, хранящемся в областном госархиве, есть запись, что Кемеровскому гортеатру 10 февраля 1937 года решением Западно-Сибирского краевого исполкома присвоено имя А. С. Пушкина. Но имя великого русского поэта на афишах театра не появлялось. Что это?

Небрежность чиновника, составившего «Список объектов...», или решение ЗСК исполкома где-то затерялось?

Как бы там ни было, в конце августа 1941 года на расклеенных повсюду в городе афишах кемеровчане читали: «В первых числах сентября открытие зимнего сезона в новом составе. Следите за рекламой...» В подшивке газеты «Кузбасс» за 3 сентября 1941 года напечатано следующее объявление: «Гортеатр им. Луначарского, 5 сентября, открытие сезона — «Парень из нашего города». Касса в универмаге с 11 до 4 час., театра с 5 до 9 час. Начало в 8 час. 30 мин. (вечера)».

Вот как эту несуразность объясняет наш знакомый артист П. Г. Князев: «Имя А. Луначарского ни Щегловскому, ни Кемеровскому театрам не присваивалось... Это имя было присвоено только Томскому городскому театру в 1929 году. В 1941 году, во время Отечественной войны... произошло слияние двух театров — Томского и Кемеровского. С этого времени Кемеровский театр и получил имя первого наркома просвещения А. В. Луначарского...». Правда, в этом разъяснении П. Г. Князева также не все до конца ясно. Имя А. В. Луначарского было перенесено с Томского театра на Кемеровский театр собранием артистов двух театров? Тогда удивляться не приходится. Такое могло случиться, ведь шла война, и было не до формальностей. Или все-таки какое-то решение инстанций на этот счет было принято? В этом случае надо поднимать архивные документы, делать запросы. Однако я склоняюсь к тому, что это было единодушное решение двух коллективов, которые война объединила.

«Почему такая путаница произошла? — продолжает П. Г. Князев и сам же отвечает: — Мне кажется, что историей театра никто серьезно не занимался, поэтому, «не взглянув в святцы, ударили в колокола» и получился «огромный конфуз». Полностью поддерживаю мнение старого актера. Возможно, к юбилею нашего театра (пусть это будет и 70-летие), кемеровчане наконец узнают разгадку затянувшейся театральной истории.

Уточнение к материалу «Судьба художника. Новые документы», опубликованному в альманахе «Красная Горка». Выпуск третий. 2002 год.

Я обязан сделать уточнение к своему тексту на стр. 47. Цитирую: «...житель Крапивино А. Усков, впоследствии напишет, что он вместе с отцом «отдали уже похолодевшее тело (В. Д. Вучичевича) врачу Красулину» в Щегловской больнице... Действительно, в списках Щегловской больницы значился врач с похожей фамилией Константин Архипович Красавин... К. А. Красавин позднее напишет записку: «Вучичевич Сибирский убит в 1919 году в августе. Умер в кемеровской больнице».

Авторство записки я приписал врачу Красавину на основании фразы «в кемеровской больнице». (Кемеровский журналист И. А. Балибалоу считает, что эта записка была написана врачом Красулиным. Правда, доказательств он на этот счет не приводит.) Я как рассуждал. Мною в Кемеровском госархиве Кемеровской области был обнаружен список сотрудников Кемеровской городской больницы за 30 октября 1940 года. В этом списке значился врач К. А. Красавин, а врача с фамилией «Красулин» я не обнаружил. Фамилии схожие, поэтому я решил, что текст записки можно приписать Красавину. Далее, в записке больница названа «кемеровской», однако нам известно, что в 1919 году больница могла быть только «Щегловской» (город Щегловск переименован в г. Кемерово в марте 1932 г.) Следовательно, реальный свидетель смерти художника, на мой взгляд, мог написать лишь — «Щегловская больница».

Однако читаем еще раз записку: «Вучичевич... убит в... 1919 году. Умер в... больнице». Получается какая-то абракадабра. Не может врач так написать — вначале убит, а затем умер.

Рассуждая таким образом, я позволил сделать вывод, что, по всей вероятности, записка была написана по слухам гораздо позднее другим человеком.

В появлении этой записки есть еще одна загадка. Недавно я ознакомился с работой кемеровского историка Б. И. Берлинтейгера (к сожалению, теперь уже ушедшего из жизни). Работа называется «Почетный гражданин города Кемерово Михаил Алексеевич Подгорбунский». Из нее узнаю, что М. А. Подгорбунский начал работать в Щегловской больнице 1 декабря 1926 года. С ним «в больнице работали врачи-супруги Леонид Иванович Красулин и Ариадна Алексеевна Алексеева». Значит, автор записки действительно врач Красулин, как утверждает И. А. Балибалоу. Но появление еще одного документа заставляет меня вновь сомневаться. Вот это документ: «Справка. Я, Мальцева Нина Трофимовна (жена Никитина Серафима Владимировича), прочитав в книге М. Кушниковой, В. Сергиенко и В. Тогулева «Страницы истории города Кемерово» фразу... «известному летописцу Кузбасса Ивану Алексеевичу Балибалоу женой Никитина была передана записка-свидетельство мужа: «Вучичевич-Сибирский В. Д. убит в 1919 году в августе. Умер в кемеровской больнице (врач Красулин)», стр. 288, т. 2, 1998 г.

Данную справку Балибалоу И. А. я не могла выдать, так как я его не знала и с ним никогда не встречалась.

К сему Мальцева. 07 августа 2001 года, г. Кемерово».

Таким образом, очередная находка, связанная с судьбой В. Д. Вучичевича, убеждает меня в том, что отдельные документы, касающиеся жизни художника, лежат, как говорят, на поверхности. Заинтересованным ведомствам следовало бы заняться их поиском системно.

Таисия ШАТСКАЯ

ВАШЕ СЛОВО, ТОВАРИЩ АРТИСТ!

И слово это было музыкальным. И слово это было поэтичным, вдохновенным, приветственным. И даже если оно вовсе не звучало, а был танец, зал взрывался в восторге – например, когда танцевала Анна Елесина-Боброва.

Много удивительного оказалось в этот вечер. Заместитель губернатора Ирина Свиридова нашла теплые слова признания любимому театру, его солистам, артистам хора и балета, руководителям. На сцену поднималась красавица пятидесятых Наталья Грюнберг-Цагина, легко выбегали балерины, степенно кланялись не привычные быть на виду музыканты. Каждому нашлись доброе слово, медаль, премия, Почетная грамота, Благодарственное письмо губернатора. И конечно, цветы.

Что это было? Торжественный праздничный вечер? Да. Бал, как значилось в афишах? Да. Но главное, это была встреча поколений, причем не только на сцене, в зрительном зале. Это уловила и трепетно передала от имени жителей Кемерова заместитель его главы Ирина Федорова. Награждения продолжались. Но это не казалось официальным мероприятием. Ведь на сцене был бал, на котором встречались прошлое и настоящее.

Долго не отпускал потрясенный зал дуэт Аллы Зибольд и Владимира Нестюрина. Какие же они ветераны? Столько страсти выплеснули! Пела вовсе не изменившаяся, разве что голос стал еще лучше, солистка семидесятых Елена Титенко.

От имени всех народных депутатов поздравила артистов заместитель председателя областного Совета Наталья Голянская. И снова сцены из спектаклей, молодые исполнители, артисты среднего поколения. Праздник продолжался на высоком уровне, радуя малоизвестными пока дарованиями и такими перспективными, уже получившими признание, как лауреат премии имени А. К. Боброва Вячеслав Штыпс. Ах, какой замечательный герой вырос в театре в последние годы!

Но и сам Александр Константинович Бобров, имя которого носит ныне музыкальный театр Кузбасса, обратился к зрителям с экрана. Его слушали с замиранием сердца. Вот что значит, когда человек прожил свою жизнь в полной гармонии таланта и потребности нести людям радость. На экране один портрет сменял другой. Вот Евгений Лугов – главный дирижер, композитор, автор музыки к гимну Кузбасса. А в зале – поэт Геннадий Юров, автор слов этого гимна. Поистине, «земля открыла людям свой талант, и свой талант земле открыли люди». Промелькнул портрет симпатичного, чернявого Володи Титенко. Мало прожил этот одаренный юноша, которому прочили блестящее будущее. Это его брат Валерий стал одним из ведущих солистов театра.

В антракте зрители осматривали выставку фотографий и театральных костюмов, охотно фотографировались с артистами, радовались встрече друг с другом. Прекрасная атмосфера!

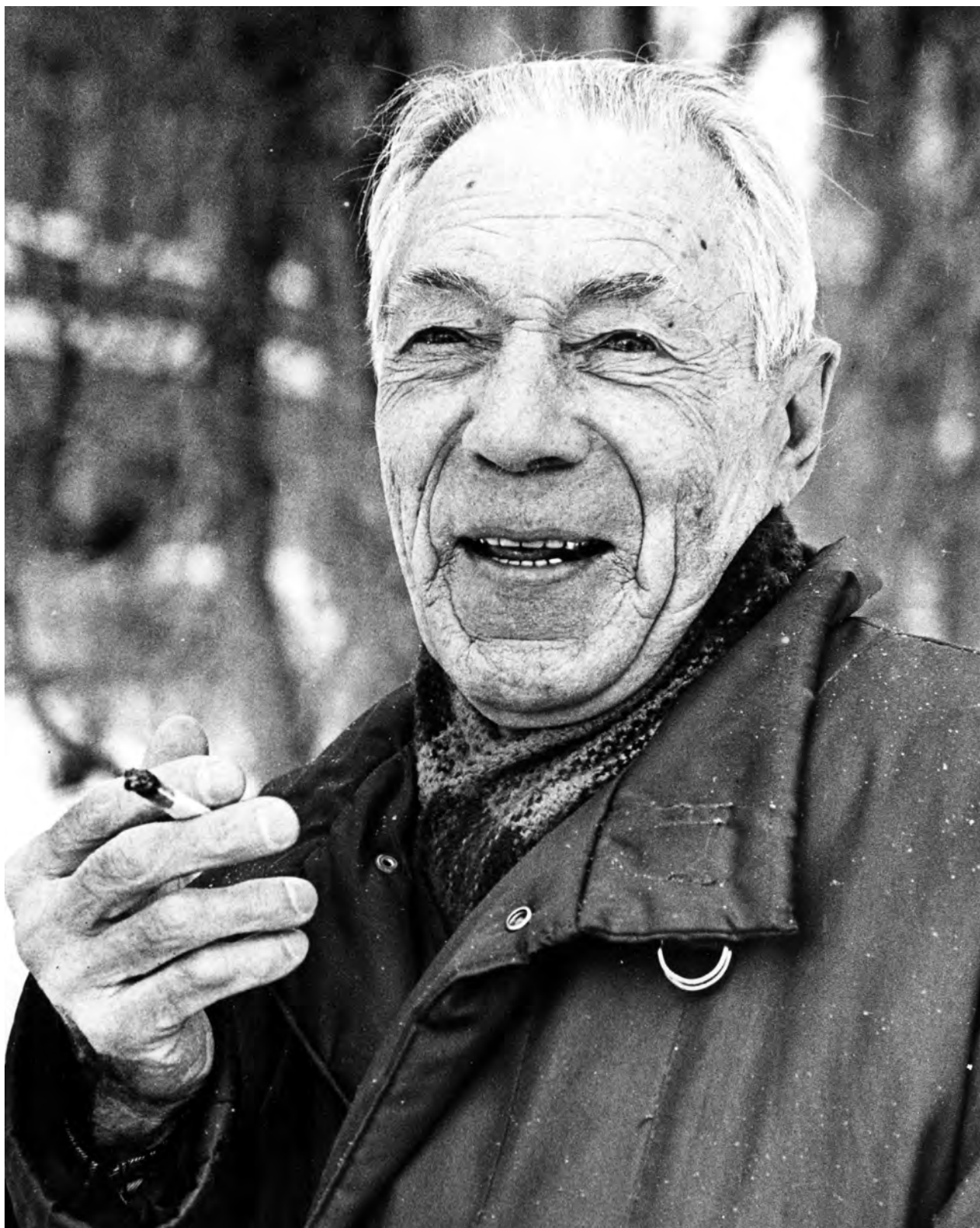
Давно известно, что в Кузбассе особое пристрастие к музыкальному театру. И пришло время, когда коллектив, осознав это, вырвался из рамок оперетты, одолев сначала балетные, затем оперные спектакли. Растет мастерство, совершенствуется вкус. Зрители помогли!

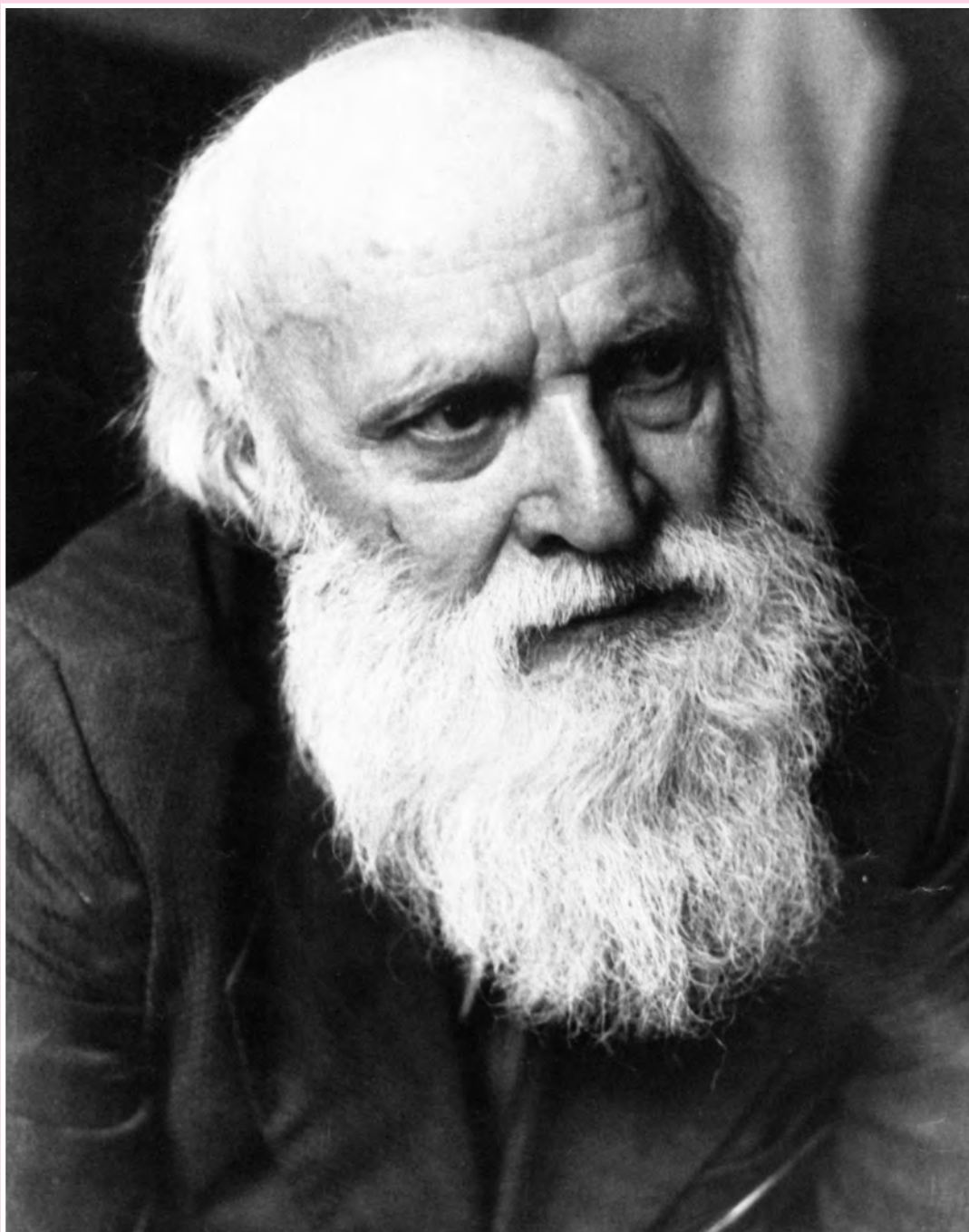
Именно об этом сказал в заключительном слове нынешний художественный руководитель театра Владимир Юдельсон, упомянув почетных гостей бала-праздника – бывших руководителей области Петра Михайловича Дорофеева и Георгия Васильевича Корницкого.

И низко поклонился залу.

17 марта 2004 года.

(На снимке народный артист России А. К. БОБРОВ)

• Павел Афанасьевич ЧЕРНОВ
(1918–2003)

НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК

11 апреля 2004 года в светлый день Пасхи исполнился год, как не стало Павла Афанасьевича Чернова — народного художника России, ведущего мастера живописи Кузбасса, почетного гражданина Кемеровской области.

Для меня — не стало нашего дяди Паши, человека тонкого и нежного, улыбчивого, любящего женщин и детей, всегда самозабвенно работающего. Я помню его с пяти лет.

Павел Афанасьевич и его жена Людмила Александровна Пономарева учились вместе с моим отцом Шестаком Афанасием Станиславовичем в школе № 16, и всю жизнь они были друзьями. Дядя Паша и тетя Миля приходили к нам домой как родные люди. Мы вместе встречали все праздники, устраивали «капустники», декламировали свои стихи; в Новый год придумывали розыгрыши, «рыбалку». П. А. однажды «вытянул» в подарок большого, копченого леща и очень радовался этому. Правда, к лещу была приложена еще бутылка «Столичной» водки.

Однажды мой отец собрался поехать на мотоцикле на левый берег и попросил П. А. съездить с ним за компанию. Но П. А. был настроен побродить по бору с этюдником. Тем не менее он сел на заднее сидение мотоцикла, и они поехали. На повороте к мосту, на остановке «Набережная», П. А. осуществил свой план! На полном ходу он соскочил с заднего сидения мотоцикла и побежал к бору. Такой у него был характер!

Дядя Паша и тетя Миля любили наших детей Андрюшу и Сашу. Когда Андрей в пер-

вом классе начал ходить в плавательный бассейн, и я не могла его провожать, так как Сашенька только что родился, дядя Паша и тетя Миля по очереди приходили к нам, чтобы отводить Андрюшу в бассейн. Я была очень благодарна им. Дети отвечали им взаимной любовью. Сохранилось множество фотографий, где все мы вместе.

Биография Павла Афанасьевича подробно изложена во многих каталогах и книгах по искусству. На мой взгляд, самое удачное изложение его биографии и творческого пути представлено в каталоге, посвященном 50-летию П. А. Чернова. Эту работу успешно выполнил известный художник Кузбасса Ю. Лобузов. Вот эти даты:

1918 г. В деревне Плеханы Вятской губернии у крестьянина-бедняка Афанасия Чернова родился сын Павел. Суровая, с частыми неурожаями земля заставила многодетную семью Черновых покинуть родимый край.

1921 г. Семья переехала в Сибирь, в маленький городок Щегловск, поселились в деревне Андреевке. Дом Черновых стоял у самой кромки тайги. С большим трудом, сколотив денег, приобрели своего коня — красавца Рыжку, завели корову.

1926 г. Тетрадь ученика 1-го класса Андреевской школы Паши Чернова испещрена рисунками: лошади, избушки, птицы, а вот и неоближенный телок. Учитель Осипов не ругает, что бумаги на Чернова уходит много — курчавый мальчик ему по душе, у Паши редкий талант.

1930 г. Семья Черновых перебралась в город. Паша поступил в школу № 16, там был читальный зал, и он мог часами рассматривать цветные репродукции. Но новых товарищей, одетых по-городскому, Паша стеснялся, его одежда была неважная: хоть и аккуратная, но в заплатках. Мать угадывала душевное состояние сына и утешала: «Не робей, сынок, будет и у тебя хорошая одежда. Бедность не порок». И ободренный, после уроков он бежал через сосновый бор к любимому месту — лысой горе. А за Томью рос город, утопали в сумерках громады коксохима с немеркнущим пламенем коксовых батарей. В их зареве над притуманенной гладью реки сновали вагонетки. Вид был захватывающий. Как же не рисовать?

1934 г. Кемеровское горно за участие на городской выставке премирует Пашу Чернова поездкой в Москву. Первое признание, первая грамота, врученная в ослепительно белом зале.

1936 г. Павел Чернов начинает учиться в школе юных дарований в Ленинграде при Всероссийской академии художеств. Ленинградские музеи, картины Левитана, Серова, Сурикова. Гулкие залы Эрмитажа.

1941 г. Отечественная война. Тяжелые годы рядом с осажденным Ленинградом. Но с карандашом и кистью не расстается.

1946–1951 гг. Павел Чернов — студент Академии художеств СССР г. Ленинграда. Школа академика Иогансона Бориса Владимировича.

1951 г. Пришла пора диплома. Картина «Подруги» была одобрена Советом Академии художеств и получила отличную оценку. И вот Академия за плечами. Принял давно обдуманное решение — Кемерово. Вместе с Кирчановым работает над картиной «Свадьба шахтера».

1952 г. Любовью к детям, к светлой сибирской зиме вдохновлено небольшое полотно «Обидел». Репродукция картины выходит массовым тиражом в издательстве «Искусство» в виде почтовой открытки.

Я хорошо помню (хотя была еще маленькой), как дядя Паша делал множество карандашных рисунков к картине. Этот альбом с рисунками сохранился в нашей семье, и впервые они публикуются в альманахе «Красная Горка». Дядя Паша так рассказывал о сюжете картины: «Мальчишка-озорник сломал лыжную палку у девочки. Девочка отвернулась, плачет. Дети обступили их и смотрят, как простая женщина стыдит парня. А он и сам недоумевает, как так могло получиться». Павел Афанасьевич очень любил детей, писал детские портреты. Рядом с ним всегда была его верная подруга — жена Людмила Александровна (Миля) Пономарева.

Нелегко быть женой художника, но любящее сердце Людмилы Александровны выдерживало «космические» перегрузки, связанные с творчеством мужа.

Потеря Павла Афанасьевича в апреле 2003 года была для Людмилы Александровны тяжелым испытанием.

Я предложила ей написать воспоминания о годах юности, о том, как зарождалось их нежное чувство, о том, как много лет она ждала своего Пашу, о его картинах, о его жизни. Мне казалось, что это позволит ей быть с ним мысленно и облегчит одиночество.

Людмила Александровна начала писать, и родились маленькие «главки» о той далекой жизни, о дорогом и единственном человеке, о Павле Чернове. Они бесценны — эти милые зарисовки жены художника. Предлагаем их читателю.

• Художник П. А. ЧЕРНОВ. Обидел. (Почтовая открытка 1955 года)

• Карандашные наброски к картине «Обидел»

Л. А. ПОНОМАРЕВА

МОМЕНТЫ ЖИЗНИ

*Воспоминания о Павле Афанасьевиче ЧЕРНОВЕ,
народном художнике России, почетном гражданине Кемеровской области*

Первое знакомство

В начале 30-х годов по 16-й школе прокатился слух, что появился новый ученик Паша Чернов. Он хорошо рисует. Рисовать я любила, и это меня заинтересовало. И вот я увидела его в первый раз: на меня смотрел паренек и так улыбался, что вскоре мы познакомились. Вместе выпускали школьную стенгазету «Ленинец». На городском смотре стенгазет она выделялась. Нас похвалили. В 1934 году мы с Пашей были участниками городской выставки художественной самодеятельности. Он получил первую премию, я вторую. Эти две премии означали поездку в Москву. Но денег на Москву почему-то не нашлось.

В Горной Шории

7В 1936 году 15 комсомольцев школы № 16 во главе с комсоргом Колей Федчуком поехали на экскурсию в Горную Шорию. Продвигались вверх по реке Тутуяс то водой, то берегом по таежной тропинке. Останавливались на привалы для работы, для обеда и на ночь. Спали в палатках. Любовались тайгой и кормили комаров. Однажды после обеденного отдыха двинулись дальше и не сразу заметили, что нет Паши Чернова. Собрались было мы вернуться на поиски, как вдруг появился улыбающийся Паша в сопровождении шорца. Он так увлекся этюдом, что не заметил, как мы ушли. Написал большой камень у воды. Как-то вечером на закате солнца наблюдали такую картину: Паша Чернов и Леня Янковский стояли обнявшись и пели у кромки берега итальянскую песню «О, мое солнце, свети еще, ты дорогое солнышко мое». Было очень красиво на фоне заката и трогательно.

Паша Чернов едет в Ленинград

Поход в Горную Шорию закончился для Паши судьбоносной встречей на кемеровском вокзале со студенткой из Ленинграда Леной Громовой. Она предложила показать его работы профессору Лепилу в Ленинграде. Вскоре Паше пришел вызов на учебу в школе юных дарований при Российской академии художеств. В день отъезда, утром он зашел ко мне в школьную библиотеку, где я начала работать после окончания десятого класса. Я стояла у стола, он положил свою руку на мою руку. Мы посмотрели друг друга в глаза и так попрощались. Его провожал отец Афанасий Федорович.

Встреча через много лет

В конце лета 1945 года Паша демобилизовался и переехал к родителям в Кемерово. Я работала в то время в Топкинском совхозе агрономом-овощеводом. Уже началась уборочная пора. Вдруг получаю от мамы записку, что приехал Паша и ждет встречи. Я, взволнованная, пишу директору заявление. Он отпустил меня на три дня. Мы увиделись. Побывали в бору и в деревне Красной у моей крестной. Договорились встретиться на разъезде, на совхозной земле. День отъезда и время нам известны. И вот бегу с корзиной помидоров на разъезд. Через десять минут показался поезд. Паша выпрыгивает из вагона, и мы бежим друг к другу. А поезд стоит только две минуты. Я успеваю передать ему корзину. Он мчится к вагону, едва успев запрыгнуть на площадку, и поезд тронулся. Я смотрела вслед уходящему поезду. Он увозил моего Пашу в Ленинград, на первый курс Академии художеств.

Поездка через тайгу

Июнь 1946 года. Паша на каникулах, приехал к нам, а я собралась на шахту «Южная». Оттуда позвонили, что сильным ливнем изрешетило всходы картофеля. Паша пожелал ехать со мной. Поехали днем. На козлах паренек-кучер. Дорога через тайгу. Погода хорошая, солнце. Тайга представлена во всей красе. Порой ветви деревьев нависали над дорогой. Цвели таежные травы и кустарники, а воздух! — не надышишься. Нас трясет в ходке (дорога вся в колдобинах), но нам весело. Вдруг справа от дороги открылось поле с желтой каемкой. Паша попросил остановить лошадь и побежал к полю. Возвращается с большим золотым букетом и преподносит мне. У букета тонкий аромат. Я принимаю. Господи! Да эта же сурепка! Мы долго смеялись, но букет не бросили. Так было хорошо в этом диком зеленом царстве! На Пашу эта поездка произвела большое впечатление. Он вспоминал об этом всю жизнь. «А ты помнишь, как мы ехали на тарантасе?» (так он называл «ходок»). А в Ленинграде он рассказывал об этом своим друзьям.

«Я — солдат»

В 1951 году после окончания учебы в Академии Паша приехал в Кемерово. В товариществе «Художник» его сразу избрали председателем художественного совета. Председатель Чернов был требовательным. Споры были жаркими.

Однажды зимним вечером мы ждали Пашу к ужину. Жили мы тогда в учительском доме у Чертова Лога. Вдруг дверь распахнулась и явился Паша с головы до ног в снегу и взволнованный. Что случилось?!

После худсовета Павел направился домой пешком (с левого берега), но тут подвернулся попутный грузовик. Проехали насыпной мост. Возле дома Паша вылезает из кабины и получает толчок в спину. И летит в овраг. Нападающий за ним тоже вниз и старается добраться до нагрудного

кармана пальто. Паше удастся вырваться и быстро выбраться наверх. Впереди близко крыльцо, лестница, и он дома. В кармане у него были протоколы худсовета и списки работ художников. Павел, сидя в машине, придерживал карман рукой. Посыгательство было на деньги. Отдышавшись, рассказав о том, что случилось, он пришел в себя и сказал: «Я — солдат».

Творческая жизнь Павла Чернова

Творческую жизнь он начал с взлета. Его дипломная работа «Подруги» (светлая, радостная) получила отличную оценку. Приехав в Кемерово в 1951 году, Павел совместно с Александром Кирчановым создает большое полотно «Свадьба шахтера». Еще не было мастерских, снимали угол, отгораживая ширмой. Работали вдохновенно и напряженно. На вольном воздухе, среди зелени длинный свадебный стол. Вдали видны дома поселка и террикон шахты. Веселые, радостные лица. Среди гостей и гармонист. Картина в 1952 году прошла на республиканскую выставку. После этого Павел был принят в Союз художников.

В 1953 году ему выделили комнату под мастерскую в бывшем здании филармонии (Дворец Труда). Он был рад этому бесконечно. В 1955 году написал изумительный портрет «Цыганка». Молодая красивая цыганка, как хочется станцевать, спеть цыганскую песню. Портрет «Цыганка» экспонировался вначале на республиканской, а затем на всесоюзной выставке. В этом же году он пишет портрет моей мамы, учительницы Зинаиды Андреевны Пономаревой. Он понял ее характер, уловил настроение. Работа была выполнена в очень короткий срок. Мама говорила, что ей было трудно позировать, она была уже больна, но любила искусство и поддерживала творчество своего зятя. Об этом портрете подробно написала искусствовед В. А. Откидач в книге «Художники Кузбасса» (1983 год).

В последние годы Павел все больше уделял портретам — женским и детским, пишет горняков,

• Портрет жены

тружеников села. Побывав с группой художников в Беловском районе, привез две работы: «Портрет свинарки Селезневой» и «Портрет доярки Устюжаниной». Чаще всего он ездил в Яшкинский и Кемеровский районы. В Яшкинском районе Павел облюбовал Колмогоровский совхоз. Директор совхоза Левин Геннадий Петрович создал ему все условия для работы и отдыха, разрешил свободное посещение птичников. Он оставил у Павла в душе очень добрые и светлые воспоминания. Альбом пестрил зарисовками птичниц, птичников и птиц. Есть хороший портрет птичницы Зубовой с курицей на руках. В Кемеровском районе он облюбовал совхоз «Береговой». Писал простых советских тружениц, женщин-овощеводов. В 1974 году появляется картина «Групповой портрет овощеводов совхоза «Береговой». Во время работы над этим полотном я не раз присутствовала и даже немного позировала. Ему надо было проверить,

как лежат складки на одежде тепличниц. Стоят у входа в теплицу четыре женщины-крестьянки, за ними стеной выются стебли томатов с краснеющими помидорами. Они уже закончили работу и собрались идти домой. Такие знакомые лица незнакомых крестьянок. Я — агроном и понимаю этих женщин. Они сильные, умелые, добрые, но уставшие. Их руки мозолистые, привычные к тяжелой работе.

Не могу умолчать об одном эпизоде. В 1975 году открылась зональная выставка в городе Томске. В это время я была в Томске, в командировке. Между делом пришла на выставку, примкнула к экскурсии. И вдруг экскурсовод, как по заказу, подводит к этому групповому портрету. Рассказывает про художника Павла Чернова и его работу. Я была в восторге и гордилась за своего мужа. Эта работа также подробно охарактеризована искусствоведом В. А. Откидач в книге «Художники Кузбасса».

Пейзажи

В 1982 году три художника — Виталий Алексеев, Николай Вертков и Павел Чернов — поехали на легковушке Верткова в Тисульский район. Там они облюбовали поселок Макарак на берегу красивой реки Кии. Правый берег ее лесистый, почти отвесный. Павел забирался с тяжелым этюдником на эту крутизну в поисках лучшего обозрения. Красота Макарака завораживала. Художники пробыли там 10 дней, в итоге Павел привез 13 замечательных этюдов. Позже этюды воплощались в картины. Например: «Поселок Макарак у Кии». Как-то осенью мы поехали с Павлом по топкинской дороге. Вышли на остановке, потом поднялись на пригорок, на большую поляну. Она была окружена лесом, а посередине стояли две большие березы в золоте. Павел сразу остановился в изумлении, установил этюдник и начал писать. А я ходила вокруг, собирала грибы. Часа через три работа была закончена. Доработок не потребовалось, сразу прошла на выставку.

Однажды Павел задумал написать пионы не в букете, а на клумбе. Он ночевал три ночи в садовом домике и почти не спал. Боялся проспать восход солнца. И написал пионы среди царства зелени и голубого неба, и только в утренние часы, когда они самые нежные. На втором плане наш садовый домик с открытой дверью.

Натюрморты

В начале 80-х у нас появился мичуринский участок и, конечно, свои цветы. Пашины натюрморты с цветами великолепны (простите меня за нескромность). Их сочные краски поют гимн радости жизни. Натюрморт «Пионы» (1991) с белыми и темно-розовыми крупными цветами на фоне открытого окна. А вдалеке чуть виднеются дома частного сектора — все в зелени. Натюрморт «Сирень» (1995) тоже у открытого окна. На картине изображены две вазы, стоящие вплотную друг к другу, в одной вазе светло-сиреневые цветы, в другой — бордовые. Они как бы составляют один пышный букет.

В большой вазе ветки красной рябины и крупные цветы золотые шары (1993). Какое прекрасное сочетание. И этот большой натюрморт был куплен в 1994 году прямо с выставки Кузбассоцбанком. Банка уже нет. Где сейчас этот натюрморт?! Как жаль, что его нет в хранилище музея изобразительного искусства города Кемерова.

Шахтеры в мойке

На протяжении многих лет Павел Афанасьевич часто бывал на шахтах «Северная», «Березовская». Его привлекал образ шахтера, мужественного и сильного. Много было зарисовок, этюдов, портретов отдельных шахтеров. Он долгие годы обдумывал, как показать шахтеров на картине: в работе, на отдыхе? И как-то побывал в шахтерской мойке шахты «Березовская». Его тогда осенило, что надо писать именно так. Делает зарисов-

ки, наброски, этюды, интерьер предбанника. Приступает к картине.

Перед вами на большом полотне шахтеры в предбаннике. Одни уже вымылись и сидят, отдыхают, другие только пришли мыться после тяжелого труда. Между ними разговоры, шутки, прибаутки. На переднем плане сидящего шахтера Павлу Афанасьевичу позировал его племянник Анатолий Чернов (тоже художник). Это самое большое, трудное и выстраданное произведение.

Осенние раздумья

«Осенние раздумья» — эта последняя его картина философского звучания, написана в 1997 году, это двойной портрет. Мы сидим у своего садового домика на скамейке. Рядом раскрыт этюдник с холстом, кисть и краски. У домика раскинулась осенняя рябина и высокие, любимые им цветы золотые шары. Мы — старики. Нам осталось так мало, а так еще много хочется сделать. Сил же и здоровья поубавилось. Поэтому написал сам себя, глубоко и «тяжко» думающим о превратностях судьбы. Меня же изобразил подбадривающей его: «Крепись, Паша, будь веселее, не все так плохо».

Выставки

Для художника очень важно, чтобы его работы видели как можно больше людей. Поэтому за время своей творческой деятельности он участвовал в областных, зональных, российских и всесоюзных выставках. Последняя его персональная выставка в связи с 80-летием прошла в музее изобразительного искусства в 1998 году, весь третий этаж, все его залы и коридоры были заполнены полотнами Павла. Портреты, пейзажи, натюрморты и жанровые картины радовали глаз. Картина «Шахтеры в мойке» заняла всю стену. Павел Афанасьевич сам удивлялся — неужели все это сотворил я?.. А это только часть того, что было сделано.

Август — сентябрь 2003 года

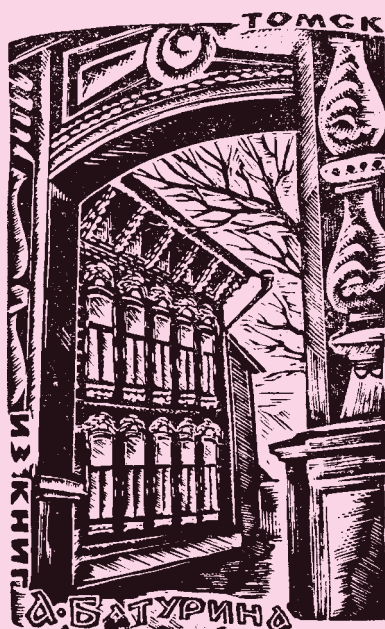
ЭКСЛИБРИСЫ СТАРИННОГО ГОРОДА

Графику томского художника Владимира Марьина называют «краеведческой». Он оформил десятки книг. Его экслибрисы ценят знатоки и коллекционеры. Его произведения экспонировались во многих городах страны, а также в Болгарии, Польше, Чехословакии, Германии, Бельгии, Мексике, Великобритании.

КЛУБ
«СИБИРСКИЕ
АФИНЫ»

Оформление поэмы
Геннадия Юрова «Alma mater»,
изданной в Томске в 1988 году.

Прощай, мой Томск!
И верь, я возвращусь.
Приду к тебе победно иль повинно
И слухом стосковавшимся коснусь
Названия –
Сибирские Афины.

Горят огни в учебных корпусах
И вдаль плывут,
Чтоб осветить фарватер.
Пусть навсегда пребудет в парусах
Дыхание твоё,
О «Альма матер»!

*Вера ЛАЩЕВСКАЯ, главный библиотекарь
Кемеровской областной научной библиотеки
имени В. Д. Федорова*

СИБИРСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ

*Истинная цель дела благотворительности
не в том, чтобы благотворить, а в том,
чтобы никому было благотворить.*

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

Сибирская история дала немало имен просветителей, меценатов, сделавших серьезный вклад в развитие просвещения, науки, книжного дела: купцы Корнильевы, Г. В. Юдин, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин и др.

Однако в названии первого регионального благотворительного фонда совершенно справедливо стоит имя Петра Ивановича Макушина — мецената и общественного деятеля, крупного книготорговца, книгоиздателя, создателя первых в Сибири публичных библиотек.

Как писал современник, «за свои 45 а 50 лет пребывания в Сибири П. И. Макушин дал Томску, губернии и даже всей Сибири столько, сколько не дал никто другой...».

В память о вкладе сибирского просветителя П. И. Макушина и других благотворителей и меценатов в становление библиотечного дела в Кузбассе Кемеровская областная научная библиотека выступила инициатором создания в Кемерове Филнала Томского благотворительного культурно-просветительного фонда им. П. И. Макушина.

Фонд был создан в 1994 году как благотворительная общественная организация, главной целью которой стало возрождение лучших традиций российских меценатов, привлечение внимания общественности к сфере просвещения, образования, культуры и искусства, духовного развития личности.

Социальные институты меценатства и попечительства — благотворительности — являются наряду с государственной поддержкой гарантиями развития культуры и образования.

Попечительство (именно так называлась благотворительная деятельность) в России имело широкое распространение. В завещаниях присутствовал обязательный пункт о передаче определенной части наследства на общественные нужды: строительство храмов, приютов, больниц, рабочих домов; содержание театров, музеев и т. п. Меценатство было в почете. Оно приветствовалось и поощрялось государством.

Меценатам российская и мировая культура обязана Третьяковской галереей, Русским и Пушкинским музеями, Московским художе-

ственным театром, Томским университетом с его уникальной библиотекой из собрания графов Строгановых, Российской государственной библиотекой (бывший Румянцевский музей), лучшей (за пределами Франции) коллекцией картин импрессионистов в Пушкинском музее и Эрмитаже и многим, многим другим.

Личность и деятельность П. И. Макушина в настоящее время вызывает все более пристальный интерес. Этот интерес зародился с первого дня работы его книжного магазина, т. е. с 19 февраля 1873 года (этот магазин в центре Томска работает до сих пор), и нарастал по мере расширения его книжной торговли, проявления инициативы в развитии народного образования, увеличивающейся благотворительности.

Деятельность мецената и просветителя П. И. Макушина можно отнести к категории нравственного поступка. Исследователи биографии П. И. Макушина находят, что общественная деятельность была главным и любимым делом его жизни.

П. И. Макушин родился в 1844 году в семье причетника сельской церкви, учился «на медные гроши» в Пермской духовной семинарии.

Учась в семинарии, участвовал в издании журнала «Семинарский колокол», в котором печатались мнения о порядках в семинарии. Не мог он смириться с объявлением инспектором-ингуменом Иннокентием сочинений Пушкина и Лермонтова «безнравственными, светскими книгами» и с уничтожением ученической библиотеки. Семинаристы спасли любимые книги, переведя библиотеку на нелегальное, «подпольное», положение.

На выбор пути П. И. Макушина оказал влияние духовный наставник — ректор Пермской

семинарии Вениамин, который считал, что можно изменить общество просвещением народных масс, внутреннем ближнем идей гуманности и справедливости.

По окончании семинарии П. И. Макушин учился в Санкт-Петербургской духовной академии, которую покинул добровольно ради работы в Центральном миссионерском училище в Улале на Алтае.

П. И. Макушин писал: *«Ликвидация безграмотности, распространение книг и доступность для всех образования, включая и высшие степени, — вот главная задача. Просвещение несёт народу свет и свободу»*.

С 31 октября 1868 года П. И. Макушин в Томске — смотритель Томского духовного училища, которое сделал образцовым.

Городская общественная служба П. И. Макушина в Томске началась в 1875 году в качестве гласного Томской городской Думы, членом которой он оставался до революции.

Считая влияние книг на молодые умы одним из условий формирования нравственной личности, П. И. Макушин всю жизнь отдал тому, чтобы хорошая книга стала доступной для самой отдалённой провинции.

«1 июля 1870 г. открыл частным порядком свою библиотеку для знакомых с платою 10 коп. в месяц. К концу года библиотека имела 73 подписчика. В одной из комнат квартиры выдачу производила жена. 4 апреля 1871 г. было разрешено открыть в Томске Публичную библиотеку для чтения — в 583 названия. К концу 3 года библиотека имела до 2000 томов, а число подписчиков в зимние месяцы доходило до 400 человек».

В мае 1873 года с переносом библиотеки в

частный дом при библиотеке был устроен «Кабинет для чтения», для которого выписывалось несколько столичных газет и журналов. Кабинет собирал и объединял значительную группу местной интеллигенции и этим, хотя несколько, восполнял отсутствие в городе в то время каких-либо ученых обществ и кружков. (Из автобиографии).

Широкое просветительство и благотворительность невозможны были бы для П. И. Макушина без концентрации в его руках значительного капитала. На основе грамотного предпринимательства ему удалось осуществить дело своей жизни — «внедрение знания в окружающую темную массу».

П. И. Макушин был первым сибирским предпринимателем, организовавшим в Сибири коммерческое предприятие по торговле книгами. Это стало прорывом в новое время. Получив в 1872 г. от томского купца В. В. Михайлова кредит в 5 тыс. рублей с условием половинного его участия в прибылях, Макушин смог закупить у петербургских торговцев книг на 10 тыс. руб.

Он строит торговлю на передовых принципах, занимается маркетингом (как сказали бы мы сегодня) и добивается успеха. Не жалеет сил и средств на рекламу, рассылает во все учебные заведения, во все церкви и волостные управления листовки и каталоги со сведениями об имеющейся литературе; изучает запросы населения, организует разъездную торговлю книгами. Проникает в области, сопредельные с книжной торговлей, — торговлю канцелярскими товарами, нотами и музыкальными инструментами, типографское дело и выпуск газет. Оснащенная современным оборудованием первая частная типография Михайлова и Макушина

печатала такие сложные издания, как «Каталог Главной библиотеки императорского Томского университета» с текстами на иностранных языках, выпускала иллюстрированные книги и газеты, открытки.

В «Автобиографии» он писал: «Мечты об избавлении народа от нищеты и рабства путем широкого распространения в его среде образования указали и определили навсегда мой дальнейший жизненный путь. Из дорог, ведущих народы к прочной свободе и благосостоянию, мною была выбрана самая длинная и медленная — широкое распространение среди народных масс образования...

Своими лозунгами я избрал: «Ни одного неграмотного» и «Просвещение народа — прежде всего», «Хорошая книга и высшая школа да будут доступны всем».

23 сентября 1901 года по инициативе П. И. Макушина в Томске было создано «Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии», которое занялось пропагандой роли библиотек и к 1919 году открыло в губернии до 600 бесплатных библиотек с совокупным фондом 300 тысяч экземпляров, в т. ч. более шестидесяти — на территории современной Кемеровской области, входившей до 1925 года в состав Томской губернии.

Первой, открытой Обществом 24 ноября 1902 года библиотекой, стала библиотека в с. Бүдженское Марининского уезда.

П. И. Макушин призывает: «Кто озарен светом знаний, чье сердце болеет о царящем в нашей деревне невежестве, тот не должен отказать просветительскому Обществу в своей посильной помощи... Совет Общества усердно

просит всех, сочувствующих просвещению народа, прийти на помощь «тёмной» деревне сильными пожертвованиями. Кто не может внести на это дело 3 руб., пусть пожертвует хоть рубль; кого затрудняет и этот размер, пусть даст хоть 10 коп.».

П. И. Макушин прекрасно понимал, что путь к высокой культуре лежит через приобщение народа к книге.

Средства, получаемые благодаря предпринимательской инициативе и деловитости, П. И. Макушин использовал на все расширяющийся круг культурно-просветительных дел — организацию «Общества попечения о начальном образовании в Томске», «Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален», Дома науки, Народного университета, публичных лекций, воскресных школ...

Он мечтал о миллионах книг, которые смогут бесплатно читать сибиряки. Для этого необходимо было построить и открыть бесплатные сельские библиотеки. П. И. Макушин принял решение, что начиная с 1908 года он и его наследники на протяжении 100 лет создадут специальный капитал для создания тысяч библиотек. «Утешительно думать, что этим путем будет достигнуто то, что хорошая книга будет доступна всем, и на огромном пространстве России, как огоньки в степи, заблестят тысячи библиотек, указывая и освещая нашей Родине путь к светлому будущему», — мечтал он.

Первая важная черта деятельности П. И. Макушина — широта и масштабность ставившихся им культурно-просветительных задач.

Так, основополагающая мысль о «внедрении знания в окружающую тёмную массу и просвещение народа» прежде всего привела к реше-

нию о создании сибирского книжного магазина в Томске, его отделений и комиссионерств в Красноярске, Омске, Иркутске, сети книжных лавок по Обь-Енисейскому каналу, линии Средне-Сибирской железной дороги, в 125 населённых пунктах Томской губернии об открытии большого количества народных библиотек.

Необходимость ежегодного печатания каталогов Сибирского книжного магазина привела к созданию типографии. Наличие типографии и активизация общественной жизни края породили мысль о выпуске газеты («Сибирская газета»). Печатание в типографии заказных работ вызвало потребность собственной издательской деятельности. Слабое продвижение книг в сельской местности из-за неграмотности населения породило широкую сеть мероприятий по борьбе с неграмотностью.

Таким образом, в руках П. И. Макушина оказались все нити культурно-просветительной деятельности не только в Томской губернии, но и по всей Сибири.

Вторая черта деятельности П. И. Макушина, тесно связанная с первой, — высочайшая личная инициатива, активность, действенность его натуры, наконец, просто умение работать, делать дело.

Народоволец И. И. Попов, отбывавший ссылку в Сибири, так пишет о П. И. Макушине: «Он кипел энергией и горел огнём делового человека. Его приходилось ловить урывками. В Томске по деловитости и энергии его считали американцем».

Был П. И. Макушин вспоминал:

«На избранном мною пути при световоззнии тогдашнего правительства, всеянною подозрительностью, запрещенными, убийственною во-

локитой и угрозами, приходилось работать с громадным напряжением сил и неослабной настойчивостью, чтобы достичь желаемого.

Так, чтобы добиться утверждения уставов учрежденных мною нескольких просветительских обществ, пришлось по несколько раз ездить из Томска в Петербург и обивать там пороги влиятельных лиц.

Бывали периоды, когда я совершенно забывал свое торгово-промышленное дело и погружался в заботы об устройстве чтений, лекций, выставок. На все, на каждый шаг надо было испросить разрешения начальства. Тратил время на составление программ, уставов различных обществ, на ходатайство об их утверждении, на устройство общих собраний, заседаний советов.

Приходилось выслушивать от служащих в моем торгово-промышленном деле упреки, что я забываю «свое» дело и занимаюсь «посторонним», а, между тем, это постороннее дело было тем делом, ради развития которого я вел свое собственное дело».

В общей сложности его пожертвования в культуру и образование Сибири составили за годы его просветительской деятельности более 600000 рублей (учтены пожертвования свыше 1000 рублей, но были многочисленные вложения и более мелких сумм).

П. И. Макушин был инициатором и организатором многих культурно-просветительских учреждений в Томске и губернии.

Им учреждены:

* Общество попечения о народном образовании в Томске.

* Общество взаимопомощи учащихся и учивших в народных школах Томской губернии.

* Общество попечения о народном образовании.

* Дом науки.

* Народный университет в Томске.

* Общество содействия устройству в селах и деревнях Томской губернии разумных развлечений и др.

Им организованы:

публичные лекции (1881–1885 гг.); воскресные школы (1881–1891 гг.); классы ручного труда (1890–1895 гг.); летние курсы ручного труда для сельских учителей (1891 г.).

В 1922 году, когда все его предприятия были национализированы, он глубоко переживал, что не успел осуществить мечту о создании в Томске Дома искусств и Сибирского литературного фонда.

Фигура сибирского просветителя соответствует масштабу его деятельности. Помимо серьезного культурно-практического значения для своего времени, жизнь и деятельность П. И. Макушина имеет для нас сегодня и иной, глубоко нравственный смысл. Как представитель и носитель демократической культуры, он через десятилетия передает эстафету культурного подвижничества новым поколениям сибирских просветителей.

«От всей души приветствую восходящую над моей дорогой родиной звезду народного просвещения, заранее утешая себя мыслью, что эта звезда приведет ее к свободе и благосостоянию. Престарелый знаменщик и барабанщик незначительной по численности роты добровольцев»

борцов просвещения приветствует просветительскую организованную армию...» Эти слова прозвучали в речи П. И. Макашина на праздновании 80-летия со дня его рождения в 1924 году.

«И я, выросший и получивший свое образование на трудовые копейки мужика, на закате своих дней счастлив тем, что могу за себя и за близких мне людей, хотя и не полными рублем, заплатить ему свой долг», — писал П. И. Макашин в завещании детям.

Чем дальше отходит нас время от событий, организатором и участником которых был П. И. Макашин, тем ярче и благороднее видится его общественная деятельность. Не случайно он в течение 40 лет избирался гласным городской думы Томска.

Во многом благодаря его деятельности произошла смена общественно-политических и культурных ориентиров томского общества (что не могло не сказаться и в уездных городах — Мариинске и Кузнецке).

Эта либеральная просветительская деятельность Макашина способствовала тому, что Томск по процентному отношению числа учащихся к общему числу жителей занимал одно из первых мест среди городов Российской империи.

После экспроприации и национализации его предприятий П. И. Макашин работал в советской книжной торговле в системе Сибирского краевого издательства. Был товарищем председателя Сибирского отдела общества «Долой неграмотность».

Принципы жизни и культурно-просветительской деятельности П. И. Макашина могут служить историческим завещанием современным деятелям книги и культуры в целом.

Сочетание гражданской активности и нравственной требовательности к себе с практической предприимчивостью и расчетливой деловитостью в работе, глубоко присущие всей жизни и деятельности П. И. Макашина, могут служить завещанием нашему сегодняшнему дню, деятелям культуры, книги, просвещения.

Восстанавливая события, традиции, опыт сибирского меценатства, мы делаем шаг по пути решения современных проблем просвещения и культуры.

17 декабря 2002 года открытием портретной Галереи дарителей в Кемеровской областной научной библиотеке было ознаменовано начало масштабного проекта «Библиотечные благотворительные сезоны».

Цель данного проекта — возрождение и укрепление знаменитых традиций российского меценатства, направленных на развитие не только библиотек, но и всей культуры Кузбасса.

Претворение в жизнь проекта «Библиотечные благотворительные сезоны» поможет вернуть к жизни давнюю традицию сибирских ревнителей просвещения. Создание Филиала Томского благотворительного культурно-просветительского фонда им. П. И. Макашина в значительной степени поможет аккумулировать идеи, проекты и средства, послужит объединению людей, неравнодушных к проблемам чтения и библиотеки.

Бескорыстная помощь не требует наград, но в то же время она не заслуживает забвения.

Благотворительность, милосердие, доброта, сострадание ближнему — это все присутствует в недавней нашей истории. Надо лишь помнить...

**Список библиотек, открытых «Обществом содействия устройству
сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии»
на территории Кузбасса в 1902–1912 гг.**

Название библиотеки	Уезд	Год открытия
Алчедатская	Мариинский	1908
Атамановская (б-ка И. Д. Сытина)	Кузнецкий	1910
Берикульская	Мариинский	1912
Больше-Барандатская (б-ка В. И. Губинского)	-//-	1912
Борисовская (б-ка Ф. Ф. Павленкова)	Кузнецкий	1905
Борисоглебская (б-ка А. Ф. Девриена)	Мариинский	1911
Брюхановская	Кузнецкий	1909
Валериановская	Мариинский	1910
Вамболинская	-//-	1912
Верх-Великосельская (б-ка Ф. Ф. Павленкова)	-//-	1906
Верх-Чебулинская	-//-	1908
Воскресенская	Кузнецкий	1911
Громашевская	Мариинский	1910
Гурьевская (б-ка Ф. В. Эттингера)	Кузнецкий	1911
Дмитриевская	-//-	1912
Драчёновская (б-ка Д. И. Тихомирова)	-//-	1910
Еландинская	-//-	1911
Ельцовская	-//	1912
Зерцальская	Мариинский	1909
Зырянская	-//-	1909
Итатская-1 (б-ка Ф. Ф. Павленкова)	-//	1905
Итатская-2	-//	1909
Кауракская	Кузнецкий	1909
Колыонская	Мариинский	1909
Константиновская	-//-	1910
Коробейниковская 1-я	-//-	1910
Коробейниковская 2-я	-//-	1910
Красноречинская 1-я (б-ка Ф. Ф. Павленкова)	-//-	1905
Красноречинская 2-я	-//-	1909

Красноречинско-Заводская	-//-	1909
Красноярская б-ка (А. С. Суворина)	-//-	1912
Куро-Искитимская б-ка (А. К. Залесской)	Кузнецкий	1912
Мало-Песчанская 1-я (б-ка Ф. Ф. Павленкова)	Мариинский	1908
Мало-Песчанская 2-я	-//-	1909
Ново-Алгашинская (б-ка И. Д. Сытина)	-//-	1910
Ново-Никольская	-//-	1912
Ново-Преображенская	-//-	1909
Островская	-//-	1903
Панфиловская (б-ка Ф. В. Эттингера)	Кузнецкий	1912
Пестеревская (б-ка Ф. Ф. Павленкова)	-//-	1907
Петропавловская	Мариинский	1912
Почитанская 1-я	-//-	1910
Почитанская 2-я	-//-	1910
Правдинская (б-ка Ф. Ф. Павленкова)	-//-	1906
Райская	-//-	1905
Ступишинская (б-ка М. Н. Слепцовой)	Мариинский	1911
Суловская	-//-	1908
Тисульская 1-я	-//-	1908
Тисульская 2-я	-//-	1909
Тогульская (б-ка Ф. Ф. Павленкова)	Кузнецкий	1909
Троицкая (б-ка К-ва «Общественная польза»)	Мариинский	1912
Туендатская	-//-	1910
Тюменевская (б-ка Ф. Ф. Павленкова)	-//-	1904
Тюхтетская	-//-	1909
Тяжинская	-//-	1910
Тяжино-Вершинская	-//-	1908
Тяжино-Поселковская (б-ка Д. И. Тихомирова)	-//-	1911
Усманская	-//-	1910
Усть-Искитимская (б-ка К-ва «Просвещение»)	Кузнецкий	1912
(б-ка Ф. Ф. Павленкова)	Кузнецкий	1910
Усть-Сосновская (б-ка Ф. Ф. Павленкова)	-//-	1910
Чесноковская (б-ка И. Д. Сытина)	-//-	1911
Чумайская	Мариинский	1910
Шиняевская (б-ка Павленкова)	-//-	1908

МУЗЫКА СОЛНЦА

Однажды Рустем Фатыхович Усманов прочитал вслух мои «Стихи о старшем брате», потом поднял на меня глаза и сказал:

– Я ваш старший брат.

Мне всегда будет тепло от этих слов.

Оценив стихотворение «Озеро танцующих хариусов», он подарил мне книгу с таким автографом: «Дорогому Геннадию Евлампиевичу Юрову – носителю солнечного звука и голоса от автора статьи «Голос моря» (24 января 1995 года).

Статья «Голос моря» – это воспоминания об академике Василии Владимировиче Шулейкине – создателе нового физического направления знаний о морях и океанах, которого Усманов называет своим учителем: «Он был не только физиком, но и композитором. В известной его симфонии слышится голос моря и шептание листьев».

В статье предстаёт крымский уголок Черноморского побережья, где разворачиваются события: «...Когда морской катер, минуя Симеиз, выходит за выступ горы Кошка, открывается сказочный вид на Кацивели, а там на берегу возвышается красивый цилиндрический штормовой бассейн, который я воспринимаю как уникальный памятник Василию Владимировичу Шулейкину. Именно здесь, в Кацивели, его неутомимым трудом и талантом был создан всемирно известный Морской гидрофизический институт. История создания этого института – это история борьбы Василия Владимировича за становление новой науки – физики моря. Образно говоря, это была борьба между «континентальным» и «морским» мышлением в науке».

Статья «Голос моря» нам необходима ещё и потому, что содержит в себе неизвестный доселе эпизод из жизни Бога погоды Анатолия Витальевича Дьякова. Вот так, по крупицам, мы собираем его биографию. Эпизод относится к 1972 году, когда научный поиск Дьякова вызвал интерес и обрёл сторонников среди отечественных учёных. Во многом благодаря поддержке Рустема Фатыховича Усманова. Усманов вспоминает:

«В том году в Кацивели была организована школа для океанологов, геофизиков и метеорологов... На занятиях этой школы побывал и Анатолий Витальевич Дьяков, кото-

рого устроили с жильём в рабочем помещении штормового бассейна. Помню, как-то утром он вышел на балкон штормового бассейна и совершал там утреннюю гимнастику, обратившись лицом к восходящему Солнцу, как жрец Древнего Египта. В один из вечеров Василий Владимирович пригласил Анатолия Витальевича и меня к себе домой. Он в Кацивели жил на втором этаже двухэтажного дома. В квартире были большой письменный стол, шкафы с книгами, сувениры со дна моря, на стене портреты и несколько картин, пианино. Василий Владимирович внимательно слушал экспансивную речь с греческим акцентом Анатолия Витальевича, задавал вопросы. Проявив большой интерес к проблеме солнечно-земных связей, подчеркнул безусловную связь океанических и атмосферных процессов с электромагнитными возмущениями не только в космическом пространстве, но и в глубинах океана».

Именно Шулейкин уловил стройную геометрию в полёте журавлей, добравшихся с севера до черноморского берега во время осеннего перелёта. Знаменитый «журавлиный клин», делающий полёт стаи спокойным, прямолинейным, лишённым толчков, характерен тем, что две стороны его образуют угол 110 градусов. Каждая из двух прямых, по которым располагались птицы за своим вожак, составляла с направлением общей скорости полёта 55 градусов, тот критический угол, который обеспечивает птицам удобный полёт.

Усманов пишет: «Так, наблюдая за полётом стаи журавлей, Василий Владимирович ещё в 1935 году вышел на проблему критических параллелей. Теория критических параллелей является реальной основой уже назревшей Единой теории Земли и Космоса, единой теории макрокосмоса и микрокосмоса, живой и неживой материи Вселенной...»

И далее: «Критические параллели касаются не только оптимального строя полёта журавлей, углы критических параллелей обнаруживаются во всех явлениях природы – от строения молекул, кристаллов, Земли, звёзд и галактик до строения человека и его ДНК». Усманов снова размышляет об уравнивании золотого сечения, о «божественной пропорции», являющейся показателем гармонии Природы, а

если заглянуть дальше, то и гармонии поля гравитации Вселенной.

Вместе с журавлиным клином давайте перенесёмся по весне обратно на север, к Озеру Танцующих Хариусов, ради которого я затеял эту главу.

Озеро Танцующих Хариусов находится в долине реки Колымы и связано бурной протокой с озером Джека Лондона. Протока загромождена гигантскими гранитными валунами, над которыми потрудились вода и ветер, сделав их яйцевидными. В середине шестидесятых я рыбачил с этих валунов, жёг ночной костёр на берегу и даже нырял со льдины, которая не успевает растаять за короткое колымское лето. Подробности в стихотворении, которое тогда родилось.

У этого стихотворения своя биография. В «Печальной повести о Боге погоды» есть эпизод, которым я подтверждаю Закон конца полярной ночи, сформулированный Анатолием Витальевичем Дьяковым. В череде других эпизодов он в повести лишь обозначен. Сейчас надо бы рассказать о нём подробнее.

В 1970 году началось строительство Колымской ГЭС. Закладывался посёлок, который потом получит красивое имя «Синегорье». Я как журналист попал в группу специалистов, отправившихся на вертолёте к месту будущего посёлка. В пути вертолёт сделал посадку на остров посреди не озера Джека Лондона. Начальнику строительства Юрию Иосифовичу Фриштеру хотелось определить будущую базу отдыха для гидростроителей.

На острове домик метеостанции. Из него на шум вертолёта выбегают метеоролог Борис и его жена Наташа. Мы первые люди, которых они встречают после долгой зимовки, после «полярной ночи», в течение которой они передавали по радио на Большую землю показатели приборов. В те времена метеостанции были по всей стране – в долинах и на горных вершинах, в глухой тайге и на льдине в океане, чтобы мы по утрам получали прогноз погоды.

Была последняя декада мая. Озеро Джека Лондона и Озеро Танцующих Хариусов ещё покрыты льдом. Окрестные сопки ещё в снегу. Фриштер оглядывается и говорит:

– Как же всё это выглядит летом?

Мой товарищ, собкор «Магаданской правды» Юрий Сидоров, вытаскивает меня вперёд:

– У Юрова есть об этом стихи. Пусть прочитает.

– Пусть прочитает, – поддержала его экспедиция.

Читать «Озеро Танцующих Хариусов» возле Озера Танцующих Хариусов в гулкой долине перед столь взыска-

Леонид ГЕРЖИДОВИЧ

СТИХИ О БАРЗАССКОЙ ТАЙГЕ

* * *

– Ухожу! –
Сказал я милой, –
Укороту – поворот!
Обо мне собака выла
Возле тёщиных ворот.
Ты не вой, моя собака,
Хвост торчком, за мной беги
Мимо бывшего сиблага
Прямо в сердце Мар-тайги.
Там, в урочище таёжном,
Я затратил много сил
И у реки дом надёжный,
Как судьбу, соорудил.
Мы свою отыщем долю.
Там, в листве у диких вод,
Про свободу и про волю
Песни иволга поёт.
Не сгноят нас дождь и слякоть
И не выморозит снег.
Заживём с тобой, собака.
Ты – надёжный человек!

ДОЛЯ

Выбрал долюшку-долю себе я,
Всё вместилось в моём рюкзаке,
Ни о чём за спиной не жалея,
Закурил по дороге к тайге.

Усмехнулся тщете напоследок
И над утренней россыпью рос
Растворился, как воздух, меж веток
Елей, пихт, и осин, и берёз.

По реке, аж до самого устья
Сплавил прочь надоевшую грусть...
Может, к близким когда-то вернусь я.
Может быть, никогда не вернусь.

тельной аудитории! – никогда я так не волновался. Выслушали меня внимательно...

*А ночи не было. Был только сумрак синий,
Да на вершинах чуть заметный иней,
Да озера незыблемая гладь.
Но вот заря зарделась недалеко.
И озеро рванулось ей навстречу.
И перекат запел на ста наречьях.
И хариусы вышли танцевать.*

*Я – зритель небывалого балета.
Я в зал стозвонный впущен без билета.
Мне это место кажется отменным
На валуне у стен Аборигена,
Где рампа утра радугу лучит.
А позади по сопкам и пригоркам
Шумит кустов зеленая галерка,
И по ущельям каменным торопко
На зрелище стекаются ключи.*

*Танцуют хариусы. Как они танцуют!
Они как будто белый свет целуют.
Летят по воздуху и – разом замирают,
Лишь плавников подвижны веера.
На дно ныряют, толщу замеряют,
Зарю хватают, в воду окунают
И мчатся за полетом комара.*

*О Колыма! Моя седая сказка.
Прости, я тайну предаю огласке.
Нельзя такое прятать от людей.
Нельзя – чтоб не видеть такого блеска.
Нельзя – чтоб не слышать такого плеска
На озере в зелёных перелесках,
Под утреннюю музыку лучей.*

– Так, ясно! – сказал Фриштер и направился к вертолёту. Остальные молча пошли за ним. Знакомый геолог догнал меня и взял за локоть: «Хорошо! До озноба в спине».

Вертолёт был перегружен (рассчитан на семь человек, нас было одиннадцать). С первого раза не взлетел. Рухнул обратно метров с пятнадцати. Я всё ещё переживал своё необычное выступление, испуга даже не ощутил.

– Если взлетим, то полетим! – сказал пилот и снова набрал высоту. На этот раз удачно.

Я приезжал на Колыму в 1980 году и в 1981 году, уже по командировке Союза писателей России. Участвовал в

завершении строительства Колымской ГЭС, когда заработал машинный зал, искусно врубленный в скалу. Читал на строительной площадке и «Озеро Танцующих Хариусов», и «Борискин ключ», и «Короткое колымское лето». Я проехал со стихами по всему «золотому кольцу» Колымской трассы, побывал на старых приисках, знакомых по газетной работе. В новом посёлке гидростроителей Синегорье была премьера моей новой поэмы «Абориген». На биологической станции «Абориген» состоялось обсуждение поэмы. А поэтический вечер в глухом приисковом посёлке Сибик-Тыэллах 13 августа 1981 года длился более четырёх часов (за самоварами).

Здесь я получил чудесный подарок. Местные школьники, овладевшие искусством резьбы по дереву, сделали копию известной гравюры Брюханова: якутский мальчик-оленьевод, с кнутом через плечо, протянул руку, и на ладонь упала звезда с небес, которую он внимательно разглядывает. Я угадываю в этой гравюре традиционный сюжет: «рука – уголёк – пламя». Тяжёлая деревянная доска (думаю, из лиственницы) с мальчиком-пастухом на фоне оленьего стада по сей день украшает стену моего домашнего кабинета. На обороте доски дарственная надпись и фамилии поселковых книголюбов.

Ко времени пуска Колымской ГЭС на Озере Танцующих Хариусов были открыты и турбазы, и пионерские лагерь. Сюда проложили хорошую дорогу. Широкие массы любителей природы на личном и казённом транспорте хлынули к экзотическим берегам и нанесли им заметный ущерб. В поэме «Абориген» есть об этом грустная строфа:

*Как много мест, куда дороги нет.
Дорогу проложить? –
Не протестую...
Но жаль мне озера моих рассветных лет,
Где хариусы больше не танцуют.*

В стихотворении «Озеро Танцующих Хариусов» последняя строфа стала звучать иначе:

*О Колыма! Ты так скупа на ласку.
Прости, что тайну предаю огласке.
И выставлю людям напоказ.
Нельзя – чтоб не видеть такого блеска.
Нельзя – чтоб не слышать такого плеска
На озере в зелёных перелесках,
Танцуют хариусы,
Как в последний раз.*

Эта новая редакция упорно не приживается. На встречах с читателями память упорно возвращает меня к первоначальному варианту. В 1983 году в Магадане вышла книга «Северное притяжение. Стихи поэтов Северо-Востока». Сорок два автора последних ста лет, чей жизненный путь лёг через Колыму и Чукотку. В моей подборке, как и прежде, хариусы танцуют «под утреннюю музыку лучей». В 1988 году в издательстве «Современник» вышла книга «Час России. Антология одного стихотворения поэтов России». Я представлен в ней стихотворением «Озеро Танцующих Хариусов», и музыка Солнца в нём не обрывается.

Недавно прочитал у любимого мною философа и политолога Сергея Кара-Мурзы, что экологическое движение тоже разрушало Державу. Огорчился. Получается, что стихотворением «Озеро Танцующих Хариусов» я погубил озеро (привлёл к нему внимание гидростроителей, они положили дорогу). А книгой «Труженица Томь» погубил страну. (В прессе неоднократно отмечалось, что с «Труженицы Томи» началось экологическое движение в Кузбассе.) Тем более что сам отслеживал в своей публицистике, как экологические митинги в Новокузнецке, Кемерове, Томске, грянувшие в конце восьмидесятых – в начале девяностых годов, обрели политическую окраску.

Я бы так возразил Сергею Георгиевичу: экологическое движение вывело державу на гребень перемен. А вот сами перемены почему-то осуществляются антирусскими силами (за рубежом и внутри страны). Народ безмолвствует.

Сейчас в рамках Сибирского соглашения готовится поэтическая антология Сибири и Дальнего Востока. Магаданские литераторы прислали подборку стихов, где есть и моё «Озеро Танцующих Хариусов». В первоначальном варианте. Меня греет эта весть. Танцуют хариусы. «Последнего раза» не будет никогда. Я обратился к составителям антологии с просьбой, чтобы они сохранили моё стихотворение в северной подборке. Мой след на Земле.

*Я потому до срока не умру,
Что шлёт моей душе метеосводки
Провинция –
Собратья по перу,
Поэты от Смоленска до Чукотки.*

.....
*Они пришли в кромешный этот век
Сказать слова гражданского накала,
Чтоб не случилось переброски рек,
Чтоб не случилось гибели Байкала.*

*Только знаю – на лоне прогретом
Настоящей свободой дыша,
Переполнится солнечным светом,
Добротой и любовью душа.*

*На холмах успокоятся ветры.
По распадам уснёт снеговой.
Семя зрелое высеют кедр
На просторы Сибири моей.*

*И быть может,
Под памятным небом
В тальниках, у светлеющих вод,
Из земли зеленеющим древом
Образ жизни моей прорастёт.*

ПЕРВАЯ МЕТЕЛЬ

*Не жалея звёздного белила,
Оттеснив и морось, и капель,
Опушила за ночь, обелила
Всю окрестность юная метель.*

*Ах, метель, проказница-девчонка,
Я сидел у говорливых вод,
Видел, как уверенно и тонко
Забирает забереги лёд.*

*Сердце не услышало угрозы,
И в нутро не врезалось нытьё.
Мне ещё не верится в морозы
И в зимы сибирской долготьё.*

*Вместо отрезвляющих снежинок
Мне блеснуло солнце с крутизны,
Где в уснувших веточках осин
Затаилась дымчатость весны.*

*Мне сегодня в снегах перелесся,
Как негаданный выдох иль сон,
Небывалая слышалась песня,
Доносился неведомый звон.*

*В нём я слышал миров колыханье,
Детский лепет в родимом краю.
И любовь, и благие желанья
Переполнили душу мою.*

*Чтоб не случилось гибели страны...
Ей, верю, весть моя необходима:
Вы слышите? —
Плывёт из тишины
Мотив рассвета, зреющего зримо.*

Когда я придумал словосочетание «Духовное поле провинции» и озаглавил им статью в газете «Кузбасс», первым позвонил Павел Афанасьевич Чернов — народный художник России: «Спасибо за наше духовное поле». Хотя писал я не о художниках. Писал я о становлении словесности Кузбасса как части великой русской литературы, совестливой и ответственной за судьбу страны. Павел Афанасьевич понял так, что это и о нём. Кстати, он заканчивал школу № 16 на Красной Горке и на уроках истории слушал моего отца Евлампия Гавриловича.

Когда в музее «Красная Горка» проходила выставка заслуженного художника России Владимира Ефимовича Сотникова, о его живописи посетители говорили: «Это музыка Солнца, которую можно увидеть». Выставками известных художников Кузбасса, публикацией в альманахе «Красная Горка» их произведений, поэтической рубрикой, которая есть в каждом выпуске, исследованиями краеведов и историков музеев-заповедник «подключён» к духовному полю провинции и к самым высоким достижениям отечественной и мировой науки.

Однажды я сравнил таланты, которыми так богата земля Кузнецкая, с родниками. Одни родились вблизи селений и дорог. Из них чаще пьют люди, их холят и благоустраивают, к ним наведываются свадьбы, как к ритуальному, обрядовому месту. Другие живут себе в лесной глуши, и тропка к ним известна лишь знатокам. Но все они способны утолить жажду, из каждого можно напиться.

Можно утолить жажду и родниковой водой красногорского Ключика. Мы опровергли мнение, что эта вода отравлена, как якобы отравлены все подземные воды Кузбасса. Городская санэпидемстанция лабораторными исследованиями подтвердила чистоту родника. Иначе и быть не могло. Во-первых, родник сам умеет постоять за себя, проходит грунтовый слой песка и галечника, пробивает безопасный путь на поверхность. Во-вторых, он подключен к великому круговращению воды в природе, к жизнетворной системе, которая пронизывает планету Земля и напрямую связана с облаками, дождём, снегом, Космосом.

В красногорском Ключике отблеск Вершины Томи — того родника на горном массиве Карлыган, который отважился стать истоком. И журчание проточных вод долины тысячи озёр, среди которых Озеро Танцующих Хариусов и

озеро Джека Лондона. И неизбывность древней Ладogi, откуда Нева вытекает и где святая Русь начинается. И, конечно же, голос моря, о котором поведал нам московский метеоролог, философ, лингвист Рустем Фатыхович Усманов.

Теперь смотрите, что получилось: «Мотив рассвета, зреющего зримо» — строка, родившаяся в духовном поле провинции. «Закон конца полярной ночи» — научное открытие, сделанное Богом погоды Анатолием Витальевичем Дьяковым. «Врачующего знания родник, росе созвучный, Родине, России» — символ деятельности музея-заповедника «Красная Горка». И, наконец, «Музыка Солнца» — образ из статьи Усманова, несущий в себе все эти понятия. Такое единство.

В конце 2003 года я получил от Усманова пакет, содержащий добрую сотню страниц убористого машинописного текста (через один интервал). Никогда не думал, что письмо может быть таким огромным. При нормальной распечатке — целая книга, мировоззренческая, полемичная, учитывающая все новейшие достижения науки. И тем не менее это письмо. И адресовано оно именно мне с наложением ответственности за дальнейшую судьбу исповеди большого учёного.

Начал свой эпистолярный труд Рустем Фатыхович в начале августа. Судя по датам, приступал к нему по нескольку раз на дню, с указанием времени суток. Несколько раз пытался письмо завершить. Так, 23 октября, в 10 часов утра, он пишет:

«Дорогой Геннадий Евлампиевич! На этом хочу закончить это письмо-завещание, которое Вы прочтёте первым, много лет спустя прочтут и остальные. Здесь много спорных моментов в отношении современной физики, лингвистики, всех точных и неточных наук. На поверку, как точные, так и неточные науки черпают свои успехи из теории чисел, в которой теория вероятности и теория ошибок являются условием развития всей науки.

Я отправляю Вам как духовному наследнику это большое заказное письмо, написанное в течение многих дней, они указаны на страницах этого послания — утомительно, но, мне кажется, поучительного для Вас и для круга Ваших единомышленников, к которым, я надеюсь, относятся и Ваши сыновья.

Я бы хотел, чтобы Вы сохранили все мои письма и записи в отдельной папке, назвав их, может быть, заблуждениями в науке Усманова, Вашего неизменного друга, обсуждавшего вместе с Вами спорные вопросы современной науки, поднявшего руку даже на частную и общую теорию относительности.

Месяц октябрь, как Вы знаете, исторический и революционный. Кто знает, может быть, в моих суждениях сыграл злую или добрую шутку этот революционный месяц октябрь, к которому был неравнодушен и Александр Сергеевич Пушкин, написавший в стихотворении, что осень для него была благотворной. «Унылая пора, очей очарованье, приятна мне твоя прощальная краса». И далее: «И с каждой осенью я расцветаю вновь».

Уже на следующий день, 24 октября, в 15-30, Рустем Фатыхович продолжает письмо: «Все исчисления ведутся в единицах объёмных, квадратичных и линейных, все они являются кубическими при малых масштабах...» 25 октября в 11-35 вновь рассуждает: «Живой космос – вот о чём надо писать, в слове «кос-мос» сочетаются процессы сжатия и растяжения». И так ещё более двадцати страниц, помеченных датами и временем суток. С извинениями такого типа: «Геннадий Евлампиевич, я всё это пишу не столько для Вас, сколько для памяти, для себя. Но надеюсь, что в последующем Вы тоже в этих записях разберётесь».

Последняя запись 9 ноября (воскресенье) 2003 года в 10 часов утра. Две плотные страницы, которые завершаются так: «На этом закончу запись своих мыслей о магнетизме и о многих других вещах, которые отвергают установившиеся представления о природе (физике). Мне уже трудно отойти от этих моих нетрадиционных мыслей. Не всё в них предмет заблуждения, многое верно, если не быть ортодоксальным. Завтра попрошу эти многостраничные думы о природе отправить Вам заказным письмом. Кто-то согласится с моими суждениями, кто-то нет, будущее нас рассудит. Не хочется сказать – прощайте, поэтому – до свидания. Искренне Ваш друг и единомышленник, насколько это возможно. Рустем Усманов».

Спустя несколько месяцев (в апреле 2004 года) я получил очередное письмо, в котором Рустем Фатыхович мимоходом сообщил: «Болезнь приковала меня к инвалидной коляске», потом добавил: «Инсульт дал мне много времени для раздумий днём и ночью». А в основном рассуждает на наши извечные темы:

«Геннадий Евлампиевич, если гравитационная постоянная является аналогом пропорций золотого сечения, то Вам будет ясно, почему нить бумажного змея провисает при запуске как дуга относительно прямой хорды дуги». И далее о законе Кеплера.

Вот это правильно, Рустем Фатыхович! Давайте-ка никогда не будем прощаться. Никогда не будем прерывать наш диалог о сути бытия!

*Заливались серебряно трубы,
Воскликала торжественно медь...
Дикий лось целовал меня в губы,
Улыбался по-братски медведь.*

*По-ребячи барахтался воздух
На просторе уснувшей курьи,
По сугробам горячие звёзды
Натыкались на лыжи мои.*

*Грудь распахивал лес многолиций,
И, ликуя,
Из дальней дали
Прилетали ко мне
Не синицы –
Журавли, журавли, журавли!*

ЛЫЖНЯ

*Через горы, отроги и пади,
Много пота затратив и сил,
От избушки своей к автострате
Я лыжню по снегам промесил.
То-то будет друзьям незадача!
Не заблудятся лютой зимой.
Прямо в сердце тайги, как на дачу,
Прибегут повстречаться со мной.
Будут тосты, застольные речи
И солёный частушечный смак...
В предвкушении намеченной встречи
У стола колдовал я, как маг.
Млели грузди губастые в блюде,
Рыбья сушь и медвежье филе,
Из лосятины зыбистый студень
И картофель, печеный в золе.
Не чета косорылой сивухе,
Королем водрузившись на трон,
Задыхаясь в ореховом духе,
Стыл в бутылке первач-самогон.
Вот и ночь навалилась мохнато
На деревья, объятые сном.
Лишь избушка моя виновато
Вдаль глядела промёрзшим окном.
Молча плакал нетронутый ужин
У пустой предзастольной скамьи,
В дверь стучалась январская стужа...
Где ж вы, верные друзья мои?
Может, вам и не снилась дорога,
Или вам не дойти до меня,
Где тоскует в ночи одиноко
От порога лесная лыжня?*

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА С. И. ЛИДВАНСКОГО

- Директор школы № 24 Сергей Ильич Лидванский
- Здание школы
- Выпускники 1953 года

• Учитель литературы Л. Я. Меерович и лучший шахматист школы Старков

• Юрий Котляров, выпускник 24-й школы, военный журналист (Севастополь, 1954 год), впоследствии известный журналист Кузбасса

• Рудничный парк культуры

ДО СВИДАНИЯ, ЗИМА

До свиданья, зима, до свиданья!
Не сломило меня выюговьё,
И сугробы твои в назиданье
Не осели на сердце моё.

Я такой же, как в годы босые,
Где в селеньи завьюженном рос.
Сколько дров в бушевавшей стихии
Из тайги на себе перевёз!

Пропотевший. Впряженный в салазки.
В куржаке весь, как белый медведь...
Злой мороз в снеговой перепляске
Был не в силах меня одолеть.

Не с того ли сибирские зимы
С тех далёких мальчишеских пор
Так легко для меня вывозимы
На желанный весенний простор.

НЕ БОЛЕЮ ПО БЕЗЛЮДЬЮ

Честь и слава тому перепутью,
На котором пробился родник!
Не болею тоской по безлюдью –
Я к безлюдью, как к дому, привык.

В городском надоедливом гаме,
В суете нескончаемых дел
Я не раз был отвергнут друзьями,
Потому что врагов не имел.

Хорошо мне бродить по просёлкам
От никчёмых речей вдалеке,
Понимая, о чём перепёлки
На своём мне поют языке.

Дышит поле цветочною волей.
Солнцем залиты выплески трав.
Уготована светлая доля
Светлым людям за благодный нрав.

И мои полноводные реки
Никогда не иссякнут во мгле.
Ой, вы люди мои! Че-ло-ве-ки!
Как мне радостно жить на земле!

- Пётр Ильич ДЕМЧУК (слева), учитель немецкого языка и руководитель струнного оркестра школы
- Педагоги-ветераны

Георгий ГОЛОВАЦКИЙ

«ТАМ НА ШАХТЕ УГОЛЬНОЙ...»

*Заимка на реке Мундыбаш
(левый берег).
Это в Западной Сибири,
На юге Кузбасса,
На севере Горной Шории.*

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

18–20 января 2002 г.

Уважаемый Геннадий Евлампиевич!

Настал такой момент, когда мое терпение окончательно иссякло, и я вынужден обратиться к Вам письменно. Итак, прошу вооружиться оптическими приборами, набраться мужества и попытаться разобраться в моем сумбурном послании. Письмо будет непоследовательным, необычным и тем не менее...

Я, Головацкий Георгий Семенович, родился в 1931 году на правом берегу Томи в Кемерове, на окраине Нахаловки, между Рудником и Химплощадкой, примерно там живут сейчас цыгане. Учился в школе № 24, немного учился в горностроительном техникуме. А вообще я мечтал стать кучером, поэтому я железнодорожник с пятидесятилетним стажем. В армии служил в авиации (500 часов налета – реактивных). Жизнь прошла в основном в поселке Мундыбаш (это рядом с известным вам Темиртау (Ахпун). Бесконечные командировки, выезды, разъезды пробудили во мне жажду странствий, и на сегодняшний день я смело называю себя путешественником-туристом. Много мотался на мотоцикле, затем на авто, в последние годы – пешеходные походы по Горному Алтаю и Горной Шории. В 2002 году штурмовал Северо-Чуйский горный хребет через Шавлинский перевал (3200 м). Имею право управления паровозом, тепловозом, электровозом, электросекцией (электричкой).

Если вы знаете или услышите о том, что в

Мундыбаше на горе Семафорной стоит настоящий паровоз, и непонятно, как его туда затащили, докладываю: автор и исполнитель проекта паровоза-памятника – Головацкий Георгий Семенович.

Уважаемый Геннадий Евлампиевич! Цель моего послания такова. Уже много лет, во всяком случае более тридцати, я мечтаю встретиться с Вами. Мечта эта возникла с тех пор, как я прочитал статьи, очерки о Боге погоды Анатолии Витальевиче Дьякове, светлая ему память (я был с ним знаком), о Томи, о ключике, о Красной Горке.

Я летом каждый год приезжаю на машине в Кемерово поправить могилы родителей, сестры, зятя... Каждый приезд пытаюсь посетить милые мне места в Кемерове и окрестностях.

А Вам знакомы такие имена – Юра Котляров, Арик Курчуганов, Ольга Рябова, Вольга (так было), Гавриленко, Меерович, Лидванские, Редькина, Путинцевы, Сокол (братья и сестра)? Если вам знакома хоть одна фамилия, то уже сейчас есть о чем говорить.

Мне осенью 2001 года удалось побывать в вашем музее! Я восхищен! Вас в тот день не было. Так я пообщался с вашими милыми, обаятельными работницами. Женщины всегда прекрасны, ну а ваши труженицы – нет слов!

Из разговора с ними у меня сложилось впечатление, что многие не знают историю Кемерова не только за 70–80 лет, но и даже за 40–60 лет. Уже сейчас жителям города неизвестны такие слова, от которых трепещет моя душа. Вот они: Стандарт, Герард, Жилкооперация, Новая колония на Руднике, узкоколейка, Крутой, Нахаловка, Химплощадка, Татарские землянки, голубятники, катер «Ян Томпа», пароход «Химик», 1-й ключик, 2-й ключик, холодный ключик. Я помню, как рас-

полагались госпитали, и как мы ходили к раненым читать газеты и книги. Не понаслышке был знаком с «черной кошкой» и «красным петухом», видел, как выводят из ходка шахты «Северная» двести человек заключенных-шахтеров, видел их черные, усталые лица, видел, как к ним уважительно относились охранники.

А знаменитый базар на Руднике! Инвалиды и жулики, спекулянты и нищие, табак и папиросы, шинели и валенки, семечки и орехи... Помню хо-рошенький, уютный книжный магазин, где я покупал маленькие книжки-инструкции по американским автомобилям. Я же кучером мечтал быть, а на авто ездил, когда дядя разрешал. Я немного работал со знаменитым забойщиком Бурловым, знаю, как готовили глину, перемораживали для кирзавода. Вот это были кирпичи!

Вы, видимо, замучились разбирать мою вязь. А это ведь тоже от войны – кто-то учил писать меня мелко под диктовку, а бумага была та, в которую упаковывали селитру на азотно-туковом.

Геннадий Евлампиевич! Если я для вас представляю хоть какой-то интерес и мое желание встретиться с Вами не слишком обременительно, черкните несколько слов о возможности свидания. Несколько лет назад разыскал Петра Игнатьевича Сырцева – преподавателя в школе № 24. Мы с ним в детский сад ходили! Меня звали в то время Жоркой...

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Декабрь 2003 г.

Уважаемый Геннадий Евлампиевич!

Я бесконечно благодарен Вам за то, что уделили мне внимание, подарили мне альманахи, побеседовали... Я, в свою очередь, обещал написать кое-что о жизни Рудника во время войны и после. Это не повесть, не роман, не эссе, не новелла, а просто то, что запомнилось.

Шахта «Центральная», огромный копер, обшитый досками и железом, на самом верху флажок с цифрами 1917, видимо, это был флюгер или подобие его. Ниже огромные колеса, через кото-

рые идут толстые, обильно смазанные канаты к подъемной машине. Колеса постоянно вращались, поднимая вагонетки с углем. О глубине шахты мы знали со слов взрослых. Разрабатывались горизонты, пласты Волковский, Владимировский на глубине 180, 250 и даже 320 метров. Уголь вывозился по железнодорожной ветке, идущей со станции Правотомск.

Около последнего поворота перед шахтой размещался огромный террикон, на верх которого вползала вагонетка и привлекала внимание в момент опрокидывания. На терриконе постоянно горели синеватые огоньки, шел дымок. По склонам лазили люди, выбирая кусочки угля. Сейчас уже никто и не знает, что была такая должность породотборщик, который отбирал не породу, а уголь. Ему была установлена норма, и он скандалил с другими сборщиками. Между терриконом и линией был огромный провал – озеро, по которому с ранней весны мы катались на плотках. И вот во время катания мне с друзьями довелось увидеть на паротрассе, заключенной в деревянный короб, засыпанный опилками, громадную страшную крысу размером с крупного кролика. Особенно поразил хвост, толстый, длинный. Ничего такого я не видел больше никогда.

Достопримечательностью шахты был механический цех. Почему-то нас, пацанов, никогда оттуда не гнали, и мы могли наблюдать, как куют гвозди, правят кривые вилы. Особенно увлекала работа токарных станков. Под потолком над окнами размещался длинный вал со шкивами, который вращался от мотора, стоящего в углу. К станкам от вала опускались плоские брезентовые ремни. В движение станок приводился при помощи передвижного шкива, ремень которого переводился при помощи палки.

Потом появились станки ДИП-200, 300 («догнуть и перегнуть») и трофейные немецкие. Резцы изготавливались в основном из «самокала» (сорт стали). Можно было изготавливать самодельные напильники, метчики и плашки. Рядом с мехцехом находился столярный цех с огромной сушилкой. Во всяком случае, из сырого дерева ничего не делалось.

С западной стороны позднее было построено деревянное здание для ремонта паровозов, а рядом проходила узкоколейка, по которой возили лес от берега Томи до шахт «Центральная» и «Северная». Лес использовался в основном для крепления выработок в шахте. Кроме вагонов с лесом прицепляли вагон-хлебовозку.

Примерно осенью 1947 года (или раньше) вместо вагонов для перевозки леса на шахту «Северная» приспособили танк Т-34, вырезав впереди брону. Вместо башни устроили площадку со стойками. Очень впечатляло перемещение танка прямо по полям и оврагам с огромной массой леса.

В одном из тупиков шахты долгое время стояли вагоны-углярки, которые называли американскими пульманами, что не совсем правильно. Закрывание люков на этих вагонах осуществлялось с помощью вала, от которого к каждому люку шла цепь. В том же направлении, что и узкоколейка, шла канатная дорога через реку на коксохимзавод. По ней вывозился уголь в вагонетках. В этих же вагонетках вывозили и породу из шахты и высыпали под опорами. Из-за сложности переправы через Томь во время половодья иногда люди использовали вагонетки и для переправы. В газете писали, что в вагонетке, остановившейся над Томью, замерз человек.

Вспоминается случай, когда надо было отремонтировать ветхий мост на железнодорожной ветке через ручей Крутой. Так как на разбор требовалось слишком много времени, его просто-напросто сожгли и соорудили насыпь с трубой.

Это все на поверхности. Самое загадочное, серьезное, опасное, романтическое было под землей. Мы, ребята, по рассказам взрослых знали, что там и как. Знали, что шахта очень опасная по содержанию метана, и мы даже участвовали в похоронах погибших шахтеров и горноспасателей. По сей день на кладбище сохранилсяobelisk над братской могилой. Знали мы и технологии добычи угля при помощи кайла, отбойного молотка и лопаты. Много было разговоров о врубовых машинах и добыче угля не в штреках, а в лавах. Теперь, видимо, уже не помнят о таких про-

фессиях, как лесогон (лесодоставщик), крепильщик, навалоотбойщик, отгребщик. Любая работа в шахте достойна уважения и восхищения. Например, чтобы закрепить выработку длиной 5–8 метров, одному крепильщику достаточно 15–20 минут, а это 2–3 круга, а для круга надо отрубить по размеру две стойки топором, отрубить огниво, отрубить затяжки и все это надежно установить. Пилой пользовались редко, а топором делали ровный срез. Не зря дома ни хозяйка, ни дети не имели права трогать его.

На территории вокруг шахты, на значительном расстоянии от ствола, стояли вентиляционные ходки, через которые мощные вентиляторы гнали воздух в шахту, создавая постоянный шум. Такие же вентиляторы были и на других шахтах. Кстати, шахта «Центральная» была соединена выработкой с шахтой «Северная» при помощи шлюзов (не помню названия), состоящих из перегородок и дверей на расстоянии 10–15 метров.

Еще вспоминается такое явление. На «Северной» работали на одном из участков заключенные. Им выдавали солидную пайку хлеба (1 или 1,2 кг) наравне с рабочими. Я помню, как они выходили на поверхность не через клеть, а через ходок по вертикальным лестницам. Группа была 200 человек. Надо видеть, какие лица были у них! Черные лица, блестящие белки глаз. Молча, строем, степенно-уважительно двигались в ногу, и даже конвойные на них не кричали, не лаяли собаки. Говорили, что и на зоне они пользовались огромным авторитетом.

В конце концов появилась возможность и у меня побывать в настоящей шахте. Во время войны и примерно до 1948 года существовало понятие «повышенная добыча». И вот я 15–16-летним мальчишкой попал на эту самую «добычу». В первый раз довелось работать аж с самим Бурловым (похоронен на Кировском) – Героем Социалистического Труда. Он позже имел неприятности из-за того, что взял на себя обязательство выполнить первую послевоенную пятилетку за три с половиной года вместо двух с половиной. Сейчас это смешно, а тогда ему было очень трудно.

Итак, явился на «наряд». Он и сейчас продолжается около двух часов – байки, новости, задание-план, инструктаж. Не было тогда добротной спецодежды, но были «чуни» – калоши особой формы из грубой резины – незаменимая вещь в то время, каски немного другой формы из фибры, аккумуляторный фонарь.

Боевая тетка распахивает решетку, и мы вступаем в клеть. Раздается звонок, закрываются дверь, решетка и... понеслись. Темнота, свет, снова темнота. Видны деревянные направляющие. Я тогда еще не знал, что существуют парашюты и ловушки на случай обрыва троса. Очень быстро оказались на рудничном дворе. Много света, рельсы, стрелки, вагонетки, аккумуляторные электровозы и... лошади.

Это чудо – лошади под землей, запах навоза, сена, зерна! Позже я узнал, что лошадей в шахте не бьют, они сами приходят и уходят на конюшню, получают норму овса. Какие бы голодные ни были люди, у лошади не возьмут. Лошадь сама подходит к составу вагонеток, и если ей прицепят больше или меньше вагонеток, она не пойдет! Перед спуском нас не обыскивали. Раньше это практиковалось, и за табак или спички можно было схлопотать до 10 лет или отправку на фронт.

В шахте поразила чистота, обилие воды, которую нельзя пить, наличие крыс, сильный сквозняк и долгая дорога к месту работы. Знающие люди говорили, что мы проходим под универмагом, кирзаводом и т. д. Прибыли на место. Бурлов начал отбойным молотком пробиваться вверх по печке (сбойке), а моя задача – отгребать уголь, стоя на уступе.

Никакого понятия о времени, объеме работы, наличии людей... шум молотка, движение лопатой. Когда Бурлов начал «опускать верха», огромная глыба сбила меня с ног. Я потерял сознание и очнулся, когда на меня светила лампа Бурлова. Он тряс меня: «Жив? Жив». Он предложил отдохнуть, достал флягу с водой, дал попить. Затем достал тряпку, в которой было завернуто два тонких (1 см) кусочка хлеба с очень тонким слоем масла, и один отдал мне. Очень часто вспо-

минаю этот кусок! Придя домой, упал грязный на пол и проспал 12 часов.

В следующие разы было легче. Неожиданно большими оказались и деньги.

Еще мне удалось поработать на заилровке. Выработанное пространство в шахте закреплялось стойками, которые со временем ветшали, гнили, и происходило обрушение в самый неподходящий момент. Для того чтобы обрушить эти выработки, была специальность – посадчик лавы. Трудно сейчас представить такое явление – ходит человек по выработке и выбирает стойки, которые тут же выбивает с расчетом на то, что после его ухода кровля обвалится. А если не успеет?..

Было заполнение выработок пустой породой, когда бурится скважина и туда подается жидкая размытая глина. Ил отстаивается в выработке, а вода откачивается на поверхность. Кажется, все очень просто, а на самом деле это тоже требует определенных навыков и приемов. Стоишь на трапе-плоту, на котором закреплен монитор, а из монитора бьет тугая струя. И вот этой струей надо размывать глину так, чтобы она не забила скважину, чтобы не шла лишняя вода, не обваливались стены глины...

Еще удалось поработать учеником токаря, причем родители и не знали, да и денег я, по-моему, не получил.

Шахта – это здорово!

Рудник (не рудник) – это центр Рудничного района, где была своя жизнь, свои уклады, свои порядки. Надо сказать о своеобразной географии, где каждый объект – интересное сочетание природы, населения и других факторов.

На север от Рудника расположены шахта «Северная» и шахтовый поселок (6 км), на восток – стадион «Шахтер», он же «Угольщик», с отличным льдом зимой и хорошим полем для футбола летом, с каруселью и трибунами. Рядом за высоким забором сад с крупными (по тем временам) и недоступными яблоками. Мечта огольцов! Далее сосновый бор с горой Лысой, парк (часть бора с эстрадой) с читальней, танцплощадкой, беседками. Кроме танцев, все бесплатно. Далее химлаборатория, еще

дальше поселок Стандарт. О технологии строительства таких домов особый разговор. Там же здание школы № 9 и горного техникума. На окраине поселка размещался военный городок с казармами, палатками, огороженный колючей проволокой.

Поля вокруг были ископаны окопами и окопчиками, где и мы «воевали». Еще в военном городке были танкетки (легкие танки). Далее к северу был «объект 1200», там содержали военнопленных японцев, с которыми мне довелось вместе работать на строительстве общежития для техникума. Нас, студентов, на стройке работало 300 человек и около 500 японцев. Так вот у нас был один прораб, один десятник, один счетовод и все! У японцев пять-шесть офицеров, которые тоже работали, и переводчик – и все! Это я к тому, что сейчас на трех-четырех рабочих – один начальник.

Интересно было общаться с японцами – добрые, приветливые, не в пример немцам. С удовольствием они показывали цветные фото своих родственников, особенно жен и детей. Их офицерам были сохранены звания. Питались они продуктами, привезенными из Японии и Китая. Довелось даже попробовать экзотических фруктов, не знаю их настоящего названия, по-нашему рожки, по виду как небольшие перцы, а по вкусу как мясной сухой вареный фарш с шоколадом. Во всяком случае, очень вкусно! Произрастает в Индии и еще где-то. Поражала чистота в японских полуподвальных казармах, ходить можно только в деревянных колодках – стук! Японцам было сохранено их обмундирование – меховые ботинки, шубы, широкие ремни, шапки-малахай, меховые рукавицы – все было продумано. Японцы очень любили готовить котлеты из корней репейника, сильно посоленные. Натирали их на самодельной терке из жести, пробитой гвоздем. Разводили небольшой костерок. Угощали.

Через дорогу от химлаборатории находился поселок Герард (ныне улица Тульская) и там школа № 24, за которой был небольшой островок сосен. На ул. Нахимова, раньше это была ул. Пионерская (всего в Кемерове было три Пионерских), есть дом № 27 (был № 10) – назывался «Белый»,

«стахановский», «квасзавод». Это был шедевр в строительстве, к сожалению, незаконченный, т. к. с началом войны был перестроен для увеличения жилплощади. Сама улица называлась «жилкооперацией». Четырехквартирные дома из хорошего соснового леса были с удобными сараями, уличными туалетами, с вентиляционными деревянными трубами.

На этих домах рядом с номерами были укреплены таблички голубого и бледно-зеленого цвета с изображением овощей (свекла, капуста, морковь, арбуз) и еще таблички с изображением лопаты, лома, багра. Это были подсказки детям – кто где живет и кто с чем должен явиться на пожар.

О пожарах... Вокруг каждого магазина по углам были закопаны деревянные бочки из-под сельди. Они были наполнены водой и закрыты крышками. В крышках имелись отверстия со вставленными швабрами из мочала. Пожарные регулярно обходили квартиры и дома и давали рекомендации. Печи клали только пожарные, редко специалисты по печам. Пожарное депо было расположено около клуба шахты «Центральная». Когда еще не было пожарных машин, было очень интересно наблюдать за конными экипажами с бочками, насосами, колоколами, с пожарными в касках. Зимой ездили на санях.

И снова о Руднике... Здесь целый комплекс, центром которого был базар. Во время войны, да и после можно было купить поношенные вещи, обмундирование, посуду, изготовленную из банок от американской тушенки – бидоны, кружки, люстры, кастрюли, поварешки и даже ведра, самодельные машинки для резки табака, лопаты, сделанные на заводах, тележки для перевозки картошки и многое другое. Из продуктов – пирожки с картошкой и капустой, леденцы «красные петушки», папиросы штучно и в пачках, табак и даже тошнотки – оладьи из мороженой картошки. Можно было купить и хлеб.

Там же местные жулики зазывали играть в карты, в «красное и черное», показывали фокусы. Рядом с базаром магазины, парикмахерская, универсам, здание конторы треста «Кемеровоуголь»,

очень уютное многоугольное здание книжного магазина. Далее по улице располагалась аптека с громадным термометром снаружи, в ней продавали очень сладкие дешевые таблетки «сенсен». За пожарным депо на Первомайской площади стоял памятник погибшим электрикам с постоянно горящей лампочкой.

Во время войны на площади садили картошку. От площади шла дорога в Кировский район, тогда он назывался «Химплощадка». «Правотомск», «Стальмост», «3-й особый» – все это названия кварталов от узкоколейки и больницы до станции Правотомск и до церкви. Это и была территория «нахаловки». В районе, где сейчас находятся мастерские ЦЭММ, через дорогу располагался кирпичный завод, на кирпичах было его клеймо с номером 3 или 5. Глину для кирпичей заготавливали в районе канатной дороги между опорами. Лопатами копали глину и складывали в огромные кучи-копны в два раза выше человеческого роста. Эти кучи должны были обязательно (!) перезимовать и только потом из них делали сырые кирпичи. Затем на специальных тележках завозили кирпичи в печи Гофмана, замуровывали вход и грели при высокой температуре. Охлаждались они семь-девять дней. Вот это были кирпичи! Часть этих кирпичей использовали при строительстве домов по проспекту Советскому в районе старого цирка. О кирпичной кладке в зимнее время тогда много писали в газетах.

В районе 16-й школы располагался поселок из двухэтажных домов с наружными лестницами на второй этаж. Назывался поселок Новая колония. Между 16-й школой и стадионом стояли огромные склады-овощехранилища и большие чаны для засолки колбы и капусты. Склады принадлежали орсу треста «Кемеровуголь». Здесь же располагался большой конный двор. На территории царил идеальный порядок. В конюховке огромные ряды сбруй, каждая подписана кличкой лошади, станки для лошадей также были размечены. Неповторимый запах конского пота, сена, навоза, дегтя. В конюховке работали люди по ремонту сбруи, имелся большой набор щеток, кистей, скребков, ножниц. Отдельно стояла небольшая будка, в две-

рях которой было отверстие для головы лошади. Здесь лечили лошадей от сапа.

Телеги в основном были двух типов – дрожки с деревянными коробами на полтонны угля и платформа, на которую устанавливалась коробка без дна. То и другое легко разгружалось после поворота передних колес на 90 градусов и подъема заднего колеса двумя лошадьми. В то время можно было видеть колеса с деревянными осями! Снизу под каждой телегой висело небольшое ведро с солидолом или дегтем.

Кроме лошадей обычной породы много было «монголок». Эти низкорослые мохнатые лошади с умными глазами вынесли все тяготы голодных, холодных лет войны! В конце войны в управлении лагерей были огромные немецкие тяжеловозы со специальными телегами. Меня поражали разме-

ры их подков тридцати сантиметров в диаметре. Помнится, как ослабевших коней избивали огромными шуфельными лопатами. Жалко... Где-то в 1946–1947 годах на эту базу завезли экзотических для нас птиц – индюков, голов 800–1000, которые к концу лета все пропали.

Картофель для базы орс заготавливали в совхозе № 58, около станции Шишино. На уборку ездили школьники, студенты, служащие и рабочие. Начальником орс был Товбис.

Во время войны в Кемерово было эвакуировано много заводов и оборудования. Вспоминается процесс перевозки станков на лошадях, машинах и тракторах. Тракторами возили станки и большие железные листы. Возили в основном ночью. На шахте «Северная» был создан завод № 2, который производил взрывчатку, а в школе № 36 – фармацевтический завод. Кажется, из спирта изготавливали эфир. Были и другие предприятия, но на секретные объекты мы, пацаны, «свой нос не совали».

С фронта привозили раненых в созданные для этого госпитали. На Руднике отделения госпиталя были в школах № 24, 9 (на Стандарте) и в части зданий горного техникума. В школе № 24 лежали в основном солдаты, раненные в ноги. Костыли, протезы, лангеты возили машинами. Нам, ученикам, доверяли ходить в госпитали читать книги и газеты, рассказывать о себе и даже транспортировать раненых.

Вспоминаю огромную палату в спортзале школы, где лежал боец, в бедре которого более двух месяцев находился осколок снаряда весом 300 граммов. Другой солдат лежал без сознания полгода, а потом стал глухонемым. Видел, как бойцы, измученные болью, ломали лангеты на ногах о край кровати. Были попытки выброситься со второго этажа. Я знал, что в госпитале можно приобрести сульфидин не только как лекарство, но и как средство для окрашивания женской одежды в желтый цвет. Военные врачи оказывали помощь гражданским, даже делали им операции.

Весной 1943 или 1944 года прибыли первые немцы-военнопленные. Мы бегали на них смотреть. На левом берегу Томи, около ГРЭС, на гра-

вии была натянута колючая проволока, а за ней 200–250 человек в темно-зеленых шинелях. Они не делали никаких попыток вступить в разговор, хотя, по слухам, кому-то предлагали золотые часы за булку хлеба. Только вот где ее взять, булку-то? Потом они работали на разных работах без охраны, но не очень охотно. Позже немцы занимались отделкой и побелкой квартир по найму. По тем временам делали красиво. Особенно поражали розетки на потолках из глины и гипса. Помню, как пленные строили водопровод по ул. Нахимова. Глубокие, по 2,5 метра, траншеи, песчаные подсыпки, чугунные трубы, броня из кирпича-половника и только затем засыпали. Уверен, что водопровод и сейчас исправен.

Кроме немцев и японцев на руднике работали стройбаты, состоящие в основном из узбеков, таджиков и русских, которые не годились на фронт.

*Стройбат с котелком,
ты куда шагаешь?
В райком за пайком,
разве ты не знаешь?*

А потом были репатрианты, которые тоже занимались копать землю, рыть погребя.

Для нас, ребят, самым экзотическим местом был, наверное, автогараж, назывался Тюковским, по фамилии начальника Тюкова. Считалось большой удачей, когда со знакомым дядей Сашей или дядей Мишей удавалось попасть в сами гаражи и посмотреть, как ремонтируют старенькие ГАЗы и ЗИСы. А потом пришли «студебекеры», «шевроле», «интернационалы», «Форды-6», «доджи 3/4» и чудесные «виллисы». А еще в гараже кроме неуклюжих ЧТЗ были два американских трактора «Форд» и «Чарлиз», оба гусеничные с необычными траками, зеленого цвета, по бокам дизеля удобные сиденья. Могу с гордостью, в отличие от других ровесников, сказать, что мне повезло проехать за рулем всех этих машин, пусть иногда всего несколько метров, но ведь ехал! Можно было пожертвовать школой ради возможности про-

ехать пассажиром куда-нибудь в Латыши, Кедровку, Бутовку.

Во время войны с питанием было очень трудно. Как-то сразу исчезли продукты и поднялись цены после приезда эвакуированных. Продуктов, получаемых по карточкам, явно не хватало. Трудно было тем, кто терял карточки и стандартные справки. Помогала выжить картошка, которую садили где только можно. Кроме овощей много сеяли проса, гречихи, овса. Если воровали, то наказания были очень жестокими. Много говорили об открытии второго фронта, особенно когда стали поступать американские продукты. Нам поставляли шпик (сало толщиной 6–7 см), очень вкусный, но мало; колбасный фарш в жестяных банках квадратной формы (очень редко); знаменитую американскую тушенку в банках по 800 граммов с яркими этикетками. Выдавали ее как мясо и как жиры. Помню тростниковый сахар с надписью на мешках «Уругвай» и кокосовое масло – не особо вкусную массу белого цвета. Позже тушенку можно было купить и на рынке.

Изредка поступала помощь в виде вещей, которые распределялись по школам и предприятиям. Это были блузки, юбки, корсеты, бюстгалтеры, шарфы, штаны, шляпы с перьями и даже парики. А вообще люди решали вопросы одежды сами: шили, перешивали, переделывали. Лично я очень ловко изготавливал для себя бурки. Из старой фуфайки вырезал подобие сапога, сшивал толстыми нитками, выворачивал, надевал резиновые калоши или чуни и... на месяц или два обеспечен обувью. На рынке можно было купить самодельные ботинки.

В школе наиболее нуждающимся выдавали форму и ботинки с деревянными подошвами и парусиновым брезентовым верхом. На рынке можно было купить американские ботинки – красивые, прочные, красного цвета, а можно было и отечественные сапоги – брезентовые, зеленые, с картонными стельками.

Еще вспоминается окраина базара на Руднике, где размещался ларек вторсырья. За охапку чистого тряпья можно было получить глиняный

свисток, рыболовный крючок, тетрадь, перо и многое другое. За сданную медь, латунь, свинец можно было получить и наличные деньги, которые тут же хотелось истратить. Где сейчас останков трамвая, был «стеклянный» магазин с высоким крыльцом и большими окнами. Это был «коммерческий», где можно было купить (уже после войны) шоколадные конфеты «Мишка» и другие. Для меня и моего друга Васи Пуртова высшим наслаждением были 100 граммов настоящих охотничьих сосисок по 63 рубля за кило.

Была еще одна особенность – это деревянные тротуары на толстых чурках из толстых досок, плотно подогнанных друг к другу. Они располагались обычно на одной стороне улицы. На столбах вдоль тротуаров были прибиты таблички «Держись правой стороны». Вообще таких призывов было много. Например, в бане или в магазине можно было прочитать: «Не курить! Не сорить! Не плевать!» На фарфоровой кружке – «Грамотный – научи неграмотного!» В аптеке микстуры, настойки, капли продавались в треугольных флаконах, на которых были приклеены длинные бумажные ленты голубого или розового цвета, обозначающие внутреннее или наружное применение.

Бани! Это был целый ритуал. На Руднике работали три бани: на «Центральной», на Красной Горке и Стандарте. На Красной Горке баня работала поочередно по дням – мужская и женская. На «Центральной» можно было наблюдать, как татары (а их было много) сбивали волосяные покровы на нижней части тела при помощи острых ножей. Во всех банях в раздевалках были специальные ячейки размером примерно 80 x 80 x 80 см для одежды и тазов. Билет стоил недорого, копеек 20–30. Помывка и парение занимали не менее одного часа, а то и более. Все делалось по определенному ритуалу. Помнятся краны разных конструкций, скамьи.

Еще помнится продажа мороженого до и после войны. Продавец обычно был мужчина, который катил тележку в виде ящика на двух колесах. В ящике были установлены два блестящих бидо-

на с мороженым, а вокруг был набит лед кусками. С одного края ящика была сделана ниша для денег и для приборов-емкостей. В специальную емкость с выдвигающимся дном продавец вкладывал кусок вафли, ложкой набивал порцию и снова накладывал вафлю. Порции были большие и малые. Вкус неповторимый!

Я умышленно не пишу фамилии своих друзей, знакомых, соседей. Боюсь напутать, кого-то забыть и тем обидеть, но учителей школы № 24 вспомнить обязан, хотя иные фамилии не помню:

Редькина Полина Ивановна – математика,

Лидванская Татьяна Васильевна – начальные классы,

Зинаида Марковна – немецкий,

Мария Ивановна – история, география,

Василий Иванович – физрук,

Лидванский Сергей Ильич – директор.

В комсомол я вступил 22 февраля 1945 года, № билета 22375082. Комсорг – Юра Котляров. Секретарь РК ВЛКСМ – Рябова. Я очень благодарен этим людям. Это говорю искренне, несмотря на то что меня в 1946 году не допустили к экзаменам и выгнали из школы за пропуски и разорение птичьих гнезд на Лысой горе и Люскусе.

Река Томь, лесосплав, гавани, пароходы «Химик» и «Кемеровец», громадный катер «Ян-Томпа», моторные лодки... кедры, малина, смородина, кислица... Андреевка, Петровка, Рябиновка и другие деревни... Понтонный мост, потом капитальный с его кессонами.

Когда в газете «Кузбасс» написали, что ГРЭС выбрасывает из своих восьми труб более 10 тысяч тонн сажи за год, то в школе был организован целый диспут, а в это время над школой пролетали громадные стаи гусей, журавлей, уток. В сосновом бору можно было увидеть бурундуков, белок, глухарей, большого дятла, змей, зайцев. Было большое разнообразие бабочек и птиц.

В 1946 году, сдав экзамены в вечерней школе № 18, я пошел поступать в горный техникум. В приемной комиссии меня спросили: «У вас что, совсем нет обуви?» Я пришел босой и на вопрос обиделся: что ж, мол, летом изнашивать обувь, и

рассказал, как я мастерски переделывал дамские туфли соседки в приличные мужские, отрубая высокие каблуки. В техникум тогда пришли сопляки-семиклассники и умудренные фронтовики в старых гимнастерках и рваных штанах. Каждый день они приходили пешком из Кировского, с левого берега, с шахт «Северная» и «Бутовка».

Я еще не сказал об отечественных автомобилях. Это были старенькие ЗИСы, УралЗИСы, ГАЗ-А-А – полуторки, позже поступили ЗИС-50, газогенераторные ГАЗы. В управлении лагерей в конце войны и позже были три полуторки, якобы прибывшие с фронта. На козырьках их кабин были надписи: «Наше дело правое!», «Мы победим!», «На запад!». Еще там был автомобиль-амфибия, трицикл и два японских грузовика белого цвета с большими кабинами, в которых свободно помещалось четыре человека.

Без конца вспоминается жизнь на реке Томи. Это громадное количество сплаваемого леса, массивы которого направлялись гаванями – отражателями. Помнятся и громадные плоты с избушками. Плоты были сплетены особым способом при помощи тоненьких стволов сосенок и черемухи, распаренных на костре и потом закрепленных клиньями. Любой пацан мог выбрать пару бревен, встать на них и плыть.

Понтонный мост – это огромная организация, фермы, баржи, лодки, водоливы, сторожа с баграми. Для пацанов, да и для взрослых было увлечением прыгать с фермы моста, а кто посмелее – с перил. А какая чудесная была вода! На гаванях постоянно сидели рыбаки. Ловилась плотва, чебак, пескарь, окунь. Попадались и более крупная рыба – язь, таймень.

Пояснения.

Латка – большой глиняный сосуд в виде крынки емкостью 2–2,5 литра. Использовалась для приготовления теста, кваса, хранения продуктов.

Косарь – большой нож (40–50 см) с толстым и широким лезвием. Применялся для скобления полов, рубки льда на ступенях, колки лучины и т. д.

ПРАЗДНИК СВЯТОЙ ТРОИЦЫ
НА КРАСНОЙ ГОРКЕ

• фоторепортаж Константина Шумкова

СОДЕРЖАНИЕ

«Красной Горке» новых высот желает Н. Я. ТРОИЦКИЙ	3
Размышления редактора. Мужество преодоления	8
Диана БАЛИБАЛОВА. Празднование первого Дня шахтера в Кузбассе	28
Николай АНЦИФЕРОВ. Стихи о шахтёрском труде	29
Юрий ТОТЫШ. Шахтёрский маршал	36
Р. С. БИКМЕТОВ, К. А. ЗАБОЛОТСКАЯ. Книга Памяти	37
И. Ю. УСКОВ. Династия	41
Пётр ДОРОФЕЕВ. Наши земляки в столице	44
Николай ТРОИЦКИЙ. Без малого сорок редакторских лет	46
Е. А. КРИВОШЕЕВА. Наша хрестоматия	57
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Месяц по Сибири	58
Герман ЗАХАРОВ. Поиск образа	63
Федор ЯГУНОВ. «Кемеровское дело»	64
Евгений ПРЕЙКШАС. Сибирская прописка для семьи из Америки	74
Александр ЗАДЕМИДКО. Историки расскажут, как все было	91
Саймон ФРЕНСИС – британский библиотекарь	96
Людмила КАРНАРУКОВА. О Красной Горке на английском	98
Ян МОЛЕМА – голландский архитектор	102
Ян МОЛЕМА. Простые секреты сложной архитектуры	103
Юрий ЗЮЗЬКОВ. Улица зодчего	107
Людмила ВИНЧИНА. История одного памятника	114
Анатолий ЛОПАТИН. Театральная история	117
Таисия ШАТСКАЯ. Ваше слово, товарищ артист!	120
Людмила ЗЫКОВА. Народный художник	123
Л. А. ПОНОМАРЁВА. Моменты жизни	128
Владимир МАРЬИН. Экслибрисы старинного города	132
Вера ЛАЩЕВСКАЯ. Сибирский просветитель	134
Геннадий ЮРОВ. Музыка Солнца	142
Леонид ГЕРЖИДОВИЧ. Стихи о Барзасской тайге	143
Из семейного архива С. И. ЛИДВАНСКОГО	148
Георгий ГОЛОВАЦКИЙ. «Там на шахте угольной...»	151
Константин ШУМКОВ. Праздник Святой Троицы на Красной Горке	160

Редакция благодарит **САФОНОВУ** Надежду Николаевну и **ЗЫКОВУ** Людмилу Афанасьевну, запечатлевших на снимках установление и открытие монумента «Память шахтерам Кузбасса», ведущих фото- и видеолетопись всех событий, происходящих на Красной Горке.

Научно-популярное издание

**КРАСНАЯ ГОРКА.
ВЫПУСК ПЯТЫЙ. 2004**

Редакторы: *Т. А. Козяева, Т. В. Тудупова*
Художественный редактор *М. Ю. Кузнецов*
Технический редактор *В. И. Труханова*
Компьютерная верстка *М. Ю. Кузнецова*

Адрес редакции:

650044, г. Кемерово, ул. Красная Горка, 17. Тел. 64-24-12

Свидетельство о регистрации № ПИ 12-1052 от 12.02.2002 г.

Министерство РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

Сибирское окружное межрегиональное территориальное управление.

Подписано к печати 02.06.2004. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,1. Тираж 800 экз. Заказ № 940. Цена договорная.

Издательство «Кузбассвуиздат».
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 58-34-48
Internet: www.kvi.bip.ru